

БОРИС ВИШНЕВСКИЙ

НЕВОСТОРЖЕННЫЙ
ОБРАЗ МЫСЛЕЙ

Яблоко

Борис ВИШНЕВСКИЙ

НЕВОСТОРЖЕННЫЙ ОБРАЗ МЫСЛЕЙ

Статьи, выступления, интервью 2015-2018 годов

УДК 3(081)
ББК 60я44
В55

Вишневский Б.

НЕВОСТОРЖЕННЫЙ ОБРАЗ МЫСЛЕЙ. Статьи, выступления, интервью 2015–2018 годов. М.: РОДП «Яблоко», 2018. – 268 с., цв. обл.

ISBN 978-5-4399-0064-0

В этот сборник статей, выступлений и интервью вошло написанное и сказанное Борисом Вишневским за последние три года – после выхода книги «Хроники возрожденного Арканара».

Дизайн обложки – Введенская Наталия.

Верстка – Милеева Мария

ISBN 978-5-4399-0064-0

© Вишневский Б.Л., 2018
© Партия «ЯБЛОКО», 2018

Содержание

Вступление	6
От автора	8
Глава 1. Открытая трибуна	11
«Нам некуда отступать: за нами – Петербург!».....	11
«С нынешним ЗакСом город никогда бы не вернул историческое название».....	13
Нужны умные, а не верные.....	15
«Подвиг одного – это преступление другого»	17
«Необходимо поступить в соответствии с волей граждан, а не вопреки ей»	19
«Повысить пенсионный возраст предлагают те, у кого нет совести».....	22
Глава 2. Те же буквы, но другие слова	25
Вынести Сталина из общественной жизни.....	25
Российская власть: история болезни	31
После авторитаризма	34
Друзьям – все, врагам – закон	39
Участвовать в выборах	43
Будем жить, как проголосовали	47
Исаакий для церкви. Губернатор Георгий Полтавченко заявил, что отдаст Исаакиевский собор РПЦ	50
«Не согласовано с Путиным»	53
Доставлены и оставлены	57
Выйти из круга	60
Старые песни о real thing. Если Навальный претендует на власть, он должен привыкать к критике	64
«Муниципальный фильтр»: крупные частицы не проходят, а мелкие просачиваются.....	69
Новая «царица доказательств»	74
Ветви власти против Конституции	78
Почему призывы не ходить на выборы помогают Кремлю	83
Бойкотируя здравый смысл	86
Привести «своих», оттолкнуть «чужих»	91
От «Далекой Радуги» – к «Граду обреченному»	94

Кто высидел реакцию.....	105.
К «пензенскому делу» подключили пропаганду	108.
Два года на дожитие	112.
Красные карточки «реформаторам»	115.
Глава 3. Непричесанные мысли	121
Август, 19-е.....	121
Псковский час ненависти: как проходило «дело Шлосберга».....	123.
Единственная гарантия, которая должна быть у «элиты» – на справедливый суд	125.
Фашизм – не в Киеве. Он здесь.....	127.
Не стыдно быть в меньшинстве. Стыдно быть в стаде.....	128.
Главное – не перепутать методички.....	129.
Возвращение отдельного корпуса жандармов.....	132.
Признать правду о «Боинге» все равно придется.....	133.
Захарова и шлепок.....	134.
Путин опять сознался.....	136.
Бревно в глазу Володина.....	137.
Исаакий не отдадим!	139.
Нетерпение потревоженной совести. Как учили братья Стругацкие.....	142.
Министерство репрессий, или Закона больше нет.....	146.
«Что тут думать – трясти надо», или Новые песни о «безальтернативном кандидате».....	149.
Неплохие у Навального предшественники по лексикону.....	151.
Кому война – мать родна.....	153.
Донецк и Луганск – Украина, а не «Лугандония».....	154.
Матвиенко и миротворцы: увидеть логику просто	156.
Я точно знаю, что будет потом.....	158.
Сталинским курсом?.....	159.
Не говорите, что вы «вне политики».....	161.
Пушки вместо масла – девиз четвертого срока.....	164.
Нас тут нет, или Диван – союзник Путина	167.
18 марта и «непришедшие несогласные»	169.
Долой самодержавие!.....	173.

Впереди у этого театра Карабаса-Барабаса – неизбежная лужа под дождем	174.
Кто опустил за Путина 56 миллионов бюллетеней?	176.
Президент, который держит граждан за болванов.....	178.
«А над гробом встали мародеры...».....	179.
Приоритеты – воровать и охранять наворованное	182.
Глава 4. От первого лица	185.
«Всем, кто ко мне обращается, я стараюсь помочь».....	185.
«Яблоко» для власти как кость в горле».....	211.
«Попытка передать Исаакий – это вопрос не веры, а жадности».....	219.
«Стругацкие учили нас не трусить и не лгать».....	228.
«Доверие избирателей стараюсь завоевывать своими делами».....	243.

Вступление

Новый сборник статей и выступлений Бориса Вишневого – это историческая хроника, описание социальных и политических событий, превращающих городские события в течение истории.

Полагаю, что именно по таким публикациям, со временем, историки и просто читатели смогут составить четкое, почти сенсорное представление о том, как в наши годы жили люди, что волновало гражданина и через какие этапы проходило государство. Отличительной чертой этих публикаций является то, что Борис Вишневский – активный участник событий. Он пишет о том, чему сам был свидетелем, а чаще всего – деятельным участником. И не просто участником: он вмешивался в конфликты и часто его решительность помогла найти решение.

В Петербурге многие граждане знают Бориса Вишневого как помощника, как спасителя и защитника. Таким должен быть депутат.

И это отличное совпадение, не такое и частое в наше время, что депутат является и публицистом. Чрезвычайно важен не только пафос политической энергии, но и ясное формулирование смыслов. Общественная и политическая жизнь – это клубок интересов, мнений, эмоций. Современникам редко удается в свое время разобраться в этом. Так что – будем разбираться.

**Александр Сокуров, кинорежиссер,
народный артист России**

Борис Вишневский – автор этого сборника, – уникальный для нашего времени человек. Политик, общественный деятель, публицист, эксперт.

Аналитик высочайшего класса и потрясающий. непревзойдённый эссеист.

Блестящий полемист, с которым немногие решаются вступить в спор.

Депутат петербургского парламента и один из главных защитников прав петербуржцев, готовый бороться за них днем и ночью.

Борец с несправедливостью, с коррупцией, с бесправием и беззаконием.

Мужественный, бесстрашный и негиббаемый.

Если вы хотите увидеть реальную картину нынешней России и понять ее драму – откройте этот сборник. Не пожалеете.

**Лилия Шевцова,
доктор исторических наук, профессор**

От автора

Мои дорогие читатели!

В этот сборник статей, выступлений и интервью вошло написанное и сказанное за последние три года – после выхода книги «Хроники возрожденного Арканара».

Здесь – статьи, опубликованные в моей любимой «Новой газете», маленькой частичкой большого коллектива которой я счастлив быть уже двадцать лет. «Помни, Вишневский: то, что ты депутат – это временно, – учил меня когда-то главный редактор «Новой» Дмитрий Муратов. – А обозреватель «Новой» – это судьба».

Здесь – блоги, которые написаны для сайта «Эха Москвы», которому я очень признателен за многолетнюю возможность вести диалог с читателями на этой интереснейшей площадке.

Здесь – интервью, которые брали у меня замечательные журналисты – петербургские и московские.

И здесь – мои публичные выступления, на митингах в Петербурге, и на трибуне Законодательного Собрания.

События последних лет не внушают оптимизма.

Все чудовищнее государственная ложь и пропаганда ненависти.

Все наглее и циничнее ведет себя власть, почти не встречающая сопротивления своей политике.

«Запретить» и «ужесточить» – эти два слова стали символом государственной политики.

Все больше и больше запретов и ограничений – и все чаще и жестче репрессии по отношению к несогласным, имеющим, как было сказано у моих любимых братьев Стругацких, «невосторженный образ мыслей».

И все отчетливее возрождение сталинского государства – где интересы человека ничтожны на фоне «государственных», где человек – это пыль под ногами, и где «органы» никогда не ошибаются.

Уверен: это не может продолжаться долго.

Изменения к лучшему неизбежны и неотвратимы.

Но не стоит надеяться, что наш мир изменят прогрессоры – такие, как благородный дон Румата или Максим Каммерер. Сделайте это нам предстоит самим.

Я благодарю моих читателей и очень дорожу их вниманием и поддержкой.

Я благодарю моих друзей – их мнение о том, что я пишу, и их критические замечания для меня очень важны.

Я благодарю моих коллег из «Новой газеты» и других изданий.

Я благодарю мою семью за неизменное терпение и поддержку.

И я благодарю моих товарищей по «Яблоку», усилиями которых стал возможен выход этой книги.

Ваш Борис ВИШНЕВСКИЙ
Сентябрь 2018 года

Глава 1. Открытая трибуна

Публичные выступления Бориса Вишневецкого по актуальным вопросам

«Нам некуда отступать: за нами — Петербург!»

**Выступление на Марше в защиту Петербурга,
Санкт-Петербург, 18 марта 2017 года**

Дорогие друзья! Спасибо вам, пришедшим сюда защищать наш любимый город.

Он у нас один, у нас нет другого. Спасибо, что нас много. Потому что только когда нас много, власть слышит наш город, и она вынуждена поступать в соответствии с волей граждан и вынуждена выполнять эту волю.

И чем больше нас будет, тем больше вероятность того, что мы защитим Исаакий, спасём Публичку, защитим Пулковскую обсерваторию, защитим исторические здания, парки и скверы, защитим наши ВУЗы, защитим всё, что нам дорого.

Сегодня на этом митинге очень много людей, которые раньше были далеки от политики. Которые никогда ею не занимались, и считали, что и не будут. Но политика занялась ими. И они пришли сюда.

Давайте поймём: всё, с чем мы сталкиваемся, начиная от проблемы Исаакиевского собора и Пулковской обсерватории, и заканчивая проблемой сохранения Полежаевского парка, чем занимаются мои молодые коллеги из «Яблока», — всё это следствия одной и той же причины. И причина эта — политическая.

Причина — в том, что у нас есть власть, которой на нас наплевать. Которая от нас не зависит. Которая не считает нужным служить нам.

Мы должны бороться за то, чтобы изменить эту систему. Если этого не будет, то мы так и будем бороться со следствиями, но сохранятся причины. Будут возникать каждый день всё новые и новые «горячие точки». Будем с вами ходить на ми-

тинги, будем писать депутатские запросы, будем протестовать, – но завтра всё начнётся сначала. Пока не поменяется система, пока не будет власти, которая обязана служить нам, и которая будет знать, что если она не будет этого делать, мы её выгоним вон – всё будет повторяться вновь.

Будут честные выборы – значит, у нас будет губернатор, который будет выполнять волю народа, а не президента. И он не посмеет презрительно сказать про Исаакиевский собор «Вопрос решён!».

Будут честные выборы – значит, у нас будут депутаты, которые будут голосовать так, как хотят граждане, а не как хочет Смольный. Они не будут принимать идиотские постановления и оскорбительные запросы.

Будет независимый суд – и тогда не будет такого, как в суде по Исаакиевскому собору, где отказываются рассматривать наше заявление из страха его удовлетворить.

Будет независимая пресса и телевидение – нам будут говорить правду, а не рассказывать, что против решений власти выступают только маргиналы и экстремисты.

Всего этого надо добиваться вместе, надо ходить на выборы, надо проявлять нашу гражданскую активность. Вместе победим обязательно!

Я хочу передать всем вам привет от нашего почётного гражданина и народного артиста Олега Валериановича Басилашвили. Он не смог по состоянию здоровья быть на этом митинге, но вот что он просил вам сказать, дорогие друзья: «Это наш город! Мы, граждане его, хозяева, мы должны в нём распоряжаться. Нам решать, какой будет его судьба. Не губернатор, не его чиновники его хозяева, а мы с вами».

Мы должны решать, кто будет губернатором.

Мы должны решать, какой будет городская власть.

Мы должны решать, что у нас будет.

Это наш Петербург, и никому мы не отдадим.

Нам некуда отступить – у нас нет другого города!

Спасибо ещё раз! Это наш город, дорогие друзья! Это наш город!

«С нынешним ЗакСом город никогда бы не вернул историческое название»

Выступление на пленарном заседании Законодательного Собрания Санкт-Петербурга 17 мая 2017 года

– Уважаемый Вячеслав Серафимович, уважаемые коллеги! Мы понимаем, почему вопрос о проведении в соответствии местного закона о референдуме федеральному, стоявший изначально в повестке дня на девятом месте, был сдвинут срочно на последнее: чтоб поменьше журналистов бы осталось, даже при такой дискуссии. Но вы знаете, я хочу вам напомнить, уважаемые коллеги, что последний по факту референдум, хотя и по названию он был немножко иным – назывался он опросом, был проведён в нашем городе 12 июня 1991-го года. Это когда жители города решили вопрос о возвращении городу его исторического имени.

Решение об этом было принято в этом же зале, Санкт-Петербургским Городским Советом, депутатами, которые были там тогда. Были присутствующие тут Михаил Иванович Амосов, Сергей Николаевич Никешин, Алексей Анатольевич Ковалёв (кстати, именно он был автором вопроса, который был предложен для голосования в этом опросе: «Согласны ли Вы вернуть нашему городу его историческое название «Санкт-Петербург»?) И жители города своим голосованием вопрос этот решили: городу вернулось его историческое имя.

Если бы тогда у нас было такое Законодательное Собрание, как сейчас, до сих пор историческое название городу не было бы возвращено. Потому что у жителей побоялись бы даже спрашивать.

Вы знаете, и наш уважаемый председатель Вячеслав Серафимович Макаров, и другие очень часто вспоминают, как много у нас в нынешнем составе парламента людей военных, офицеров, в погонах, вплоть до полковника... Прекрасно, с большим уважением отношусь к таким людям. Хочется спросить: «Уважаемые офицеры, сидящие в этом зале, а чего вы испугались-то? Чего вы боитесь рассмотреть даже вопрос

о референдуме о статусе Исаакиевского собора? Повторяю: боитесь! Иначе как боязнь обсуждения вопроса и возможно квалифицировать изъятие его из повестки дня.

Причём, даже непонятно, почему боитесь. Ну, вас же тут подавляющее большинство, дорогие коллеги! Рассмотрите, откажите, примите постановление, признающее наш вопрос – о сохранении статуса Исаакия как части государственного музея, – невозможным для внесения на референдум. Мы пойдём в суд, но это будет открытая и честная позиция. Это будет сражение, на котором вы на сегодня, в этом зале, одержите победу. А вы от сражения уклоняетесь. Вы уподобляетесь в некотором роде страусам. Помните известное выражение: «Не пугайте страуса – пол бетонный!»? Так вот, пол бетонный потому, что в данном случае вашу боязнь обсуждать этот вопрос видят жители города, даже несмотря на то, что большинство камер из зала уже ушло. Сейчас уже очень многие смотрят не телевизор. Они смотрят интернет. Уверяю вас, новость о том, что городской парламент Петербурга – лучший региональный парламент в стране, трусливо уклонился от обсуждения вопроса, уже хорошо разошлась. При этом я хочу напомнить: сперва было сказано: «Ну, конечно же, мы рассмотрим это в срок, третьего мая!» Потом было сказано, что рассмотрим обязательно...

Звук отключаемого микрофона. Голос спикера:

– Борис Лазаревич, сколько Вам ещё надо минут для... Добавив? Уже говорите четыре минуты! (на деле – 3 мин. 30 сек. – прим. авт.)

Б.Л. Вишневский, при выключенном микрофоне:

– Одну минуту.

– Давайте, пожалуйста... (микрофон снова включается).

– Большое спасибо. Вот знаете, уважаемые коллеги... Ситуация такова, что вы не оппозицию в этом зале боитесь. Не тех одиннадцать-двенадцать депутатов, которые голосовали против исключения вопроса о нашем референдуме из повестки дня. Вы боитесь жителей нашего города. Ведь вопрос стоит (сегодня стоял) не о том, передавать Исаакиевский собор, не передавать Исаакиевский собор. Это дру-

гой вопрос. Стоял вопрос только об уважении к человеку. Об уважении к жителям, у которых надо спросить: «Вы за одно решение вопроса или за другое?» И они бы ответили. И это решение было бы для власти обязательным. А когда вы боитесь даже спросить, то зачем принимать изменения в городской закон о референдуме, если вы им не пользуетесь и не собираетесь пользоваться? Какой тогда это имеет смысл, всё это бесконечное «приведение в соответствие»? Вот я уверяю вас: всё равно придётся мнение жителей услышать. Когда-то часть из вас были депутатами позапрошлого созыва, и так же упорно сопротивлялись проведению референдума против «Охта-центра» – чудовищной башни прямо напротив Смольного собора. Референдум провести, правда, не дали, но ведь и башни нету! Уверяю вас: даже если вы не дадите провести референдум, то всё равно вопрос будет решён так, как считают жители нашего города. Подавляющее большинство их за то, чтобы Исаакиевский собор остался частью государственного музея. А вам за то, что вы даже не хотите рассмотреть этот вопрос, прячете головы то ли в песок, то ли в бетонный пол, будет стыдно. Потом вы скажете, что вас заставили, что вы не хотели, что вы не понимали, что вы в душе-то, конечно, сочувствовали, но никак не могли: партийная дисциплина помешала... Это всё будет потом. Когда вы будете это объяснять, будут те, кто напомним вам про сегодняшний день. Спасибо.

«Нужны умные, а не верные»

Выступление на митинге в защиту Европейского университета, Санкт-Петербург, 11 ноября 2017 года

Дорогие друзья! Спасибо тем, кто, несмотря на плохую погоду, сюда пришёл. Очень приятно видеть здесь этот лозунг и слышать его с этой сцены. Это знаменитая фраза моих любимых Учителей – братьев Стругацких, о том, что нужны умные, а не верные. Правда, в «Трудно быть богом», если Вы помните, в стране Арканар, говорилось, что нам надобны именно верные, а не умные. И нашей власти тоже надобны верные.

Ещё одна цитата из великих Стругацких... Кстати, друзья мои, здесь очень много молодых. Поднимите руки, кто читал их книги. Я счастлив видеть столько рук. Я вам напомню из «Трудно быть богом» выражение – за что наказывали в Арканаре после того, как после серых к власти пришли чёрные? Наказывали за невесторженный образ мыслей. Вот невесторженный образ мыслей – это то, чего больше всего боится наша власть во главе с несменяемым доном Рэбой, который уже почти два десятилетия сидит наверху. За это она наказывает. Это она ненавидит и боится. Поэтому громят Европейский университет. Поэтому у одного из лучших учебных заведений не только города, но и страны отнимают лицензию и здание. Потому что там работают преподаватели, которые воспитывают у своих студентов этот невесторженный образ мыслей, и воспитывают не верных, а умных. Я тоже учу студентов в Университете имени Герцена. Я тоже стараюсь воспитывать у них этот невесторженный образ мыслей. Я стараюсь учить их сомневаться и думать. Не принимать на веру «непреложные истины». Стараться разбираться самим. Но это прямо противоположно тому, что хотят от вас наши власти.

Поэтому громят Пулковскую обсерваторию. И когда на комиссии по землепользованию и застройке я с немногими нашими оппозиционерами пытался отстоять её от строительства вокруг, нам объясняли: «А зачем? Кому нужны эти астрономы с их телескопами? Нам это не надо, лучше построить тут очередные бизнес-центры и подороже это продать!»

Поэтому происходит то, что происходит в Публичной библиотеке. Зачем нужно, чтобы читали книги? Вполне достаточно электронных библиотек, а книга, которую можно взять в руки, не очень-то и нужна».

Поэтому проблема у кучи учебных заведений. Поэтому проблема с Исаакиевским собором, который мы защищаем с начала этого года. Потому, что власти нужны верные, а не умные, она пытается отдать церкви даже то, что ей никогда не принадлежало. Поэтому такие проблемы с учебными программами.

Только мы и только вместе, только молодые, которые в огромном количестве здесь, на этой площади, могут это остановить. Нам нужно, чтобы страна опиралась на умных. Нам нужно будущее. Будущее – это вы, друзья мои. И если вы не опустите руки, вы будете сопротивляться, если вы не позволите уничтожить Европейский университет, Пулковскую обсерваторию, Публичную библиотеку, не позволите уничтожить культуру, науку и образование, тогда будущее будет и у вас. Тогда будущее будет и у страны. А сейчас её превращают в осаждённую крепость. Вам объясняют, что снаружи враги, а внутри предатели. Поэтому надо сплотиться вокруг Вождя, поэтому образованные не нужны, нужны те, кто будут лояльны и верны.

Пусть умных будет как можно больше. Пусть у нас будет всё нормально с образованием, с наукой и с культурой. Пусть люди невежественные, некомпетентные перестанут руководить нашими университетами, нашими министерствами и нашими городами. Я надеюсь, что так будет. Я надеюсь это увидеть. И абсолютно уверен, что это увидите вы. И нам не придётся собирать митинги в защиту культуры, науки и образования. Не придётся собирать митинги, чтобы защитить наши университеты и наши обсерватории.

Так будет обязательно! Но сделать это можем только мы. Вместе с вами.

И последнее, друзья мои. Это наш город!

«Подвиг одного – это преступление другого»

**Выступление на митинге «Зелёной коалиции»,
Санкт-Петербург, 4 февраля 2018 года**

Дорогие друзья! Спасибо всем, кто пришёл сюда!

Я вижу здесь плакаты почти со всех «горячих точек» нашего любимого города. И я работаю почти со всеми этими инициативными группами, стараюсь им помогать.

Картина, которую мы сейчас с вами видим – это сплошные «пожары» на территории нашего любимого Петербурга. Это

ситуация, недопустимая для европейского города. Это ситуация, недопустимая для города с такой историей, с такой культурой.

Абсолютно недопустимо, позорно, по-варварски, когда мы с вами должны выходить на улицы, чтобы защищать наше право на нормальную окружающую среду. Защищать наши парки, скверы и сады, преодолевая яростное противодействие властей, чиновников и аффилированных с ними строителей.

Я хочу вам сказать, что, для того, чтобы победить, надо бороться. Ничего не предрешено, борьба не безнадежна. У нас есть масса ситуаций, когда мы с вами боремся и побеждаем. Мы победили в Малиновке – мы сумели ограничить там высоту, не допустить никакой застройки. Мы спасли территорию сквера Агрофизического института. Мы почти победили на улице Одоевского: не допустили там вырубки зелёной зоны. Мы защитили граждан в Старо-Парголовском квартале – не допустили там строительства высотных зданий. Почему? По одной ключевой причине: нас было много, мы были вместе, мы боролись, мы не опускали рук. Но это чудовищно, когда мы с вами должны бороться постоянно, когда то тут, то там вспыхивает «пожар», и мы с вами должны бросать все силы на то, чтобы исправлять эти ситуации.

Есть старая фраза: «Подвиг одного – это преступление другого». Почти каждый день, почти каждую неделю совершаются те или иные преступления. Вчера в очередной раз я был у метро «Ломоносовская», на территории бывшего Фарфоровского кладбища, где пытаются на костях возводить торговый центр. Прямо напротив меня на этом митинге – огромные плакаты о том, что эта стройка идёт на костях. И при этом наши руководители города стоят со скорбными лицами 27 января на Пискарьёвском кладбище, демонстрируя своё уважение к памяти блокадников. Я сказал им, что лучше они стояли бы на Фарфоровском кладбище, защищая его от стройки.

Перед этим митингом один из его участников мне говорил: «Мне не очень нравится, что во всё это примешивается поли-

тика». Но, дорогие друзья, всё то, чем мы занимаемся, и есть политика. Каждая из «горячих точек» – это следствие лживой, не верной, фальшивой политики. Например, когда в Законодательном Собрании не дрогнула ни одна рука, ни одного из депутатов от «Единой России», чтобы проголосовать за поправку о включении парка Малиновка в зелёные насаждения общего пользования. И я уверен, что дело – в политике. Я уверен, что дело – в устройстве власти, которой наплевать на граждан.

Без изменения политики, без изменения причин мы с вами каждый день будем бороться с все новыми и новыми следствиями. Здесь огромное число людей. Умных, инициативных, активных, которые борются и добиваются побед. Я приглашаю вас на следующих муниципальных выборах самим баллотироваться в депутаты, сменить муниципальную власть. Потом баллотироваться в Законодательное Собрание. Участвовать в выборах, ходить на них, добиваться изменения власти.

Если власть изменится – нам с вами не придётся собирать митинги, защищая наши парки, скверы и сады. Мы с вами будем заниматься совсем другими делами. Но пока власть такова – мы будем бороться, мы не опустим рук. Мы победим обязательно! Потому что за нами и правда, и справедливость. Потому что это наш город, у нас нет другого. Мы должны его защищать, это наша обязанность, это наш долг. Мы не отступим, мы не остановимся. Пусть они не надеются, что мы оставим город им. Это наш город, друзья! Спасибо вам!

«Необходимо поступить в соответствии с волей граждан, а не вопреки ей»

Выступление на пленарном заседании Законодательного Собрания Санкт-Петербурга 4 июля 2018 года

Уважаемый Вячеслав Серафимович, уважаемые коллеги, десять коротких тезисов.

Первое. Все опросы показывают, что подавляющее большинство (85–90%) граждан против повышения пенсионного

возраста. Никакой другой социологии у сторонников роста пенсионного возраста нет – по тем же причинам, почему нет черной кошки в темной комнате. ЗАКС – представительная власть – обязан поступить в соответствии с мнением тех, кого она представляет. И не надо вздохов про «непопулярные реформы», то есть – необходимые, но идущие против интересов большинства граждан. Все 90-е годы прошли под эти вздохи. Я всегда на этот отвечал: не пора ли проводить популярные реформы?

Второе. Почему люди против повышения пенсионного возраста? Потому, что они не дураки и понимают, что их обманывают и грабят. Повышение пенсионного возраста – это недополученная за дополнительные годы пенсия, недополученные льготы по ЖКХ, транспорту, лекарствам. Но это еще и отнятое время жизни, время отдыха – на которое люди имеют право, отработав положенный срок, и своими налогами оплатив будущую пенсию.

Третье. Прямое следствие повышения пенсионного возраста – это ухудшение положения семей с детьми: это миллионы бабушек и дедушек, которые будут вынуждены работать, вместо помощи детям в уходе за внуками.

Четвертое. Никакой экономической необходимости в повышении пенсионного возраста нет. Потому что нет никакой катастрофы с бюджетом Пенсионного фонда России. Аргумент – «число пенсионеров растет, значит, денег будет не хватать» – ложь: за 15 лет (2001–2016) число пенсионеров увеличилось на 4 млн человек, а число работающих пенсионеров – на 9 млн. Рост числа пенсионеров в стране не сократил число работающих, а увеличил его почти на 5 млн человек.

Пятое. Причина низких пенсий – не большое число пенсионеров, а малые средства, направляемые на эти цели. В России 8% ВВП идет на эти цели, в Европе – от 12 до 15%. Австрия – 12%. Польша, Португалия и Франция – 14%, Италия – 16%, при этом у них нет ни нефти, ни газа. Я не верю, что богатства России не позволяют обеспечить людям в нашей стране достойные пенсии.

Шестое. Где взять деньги? Известно, и «Яблоко» не раз об этом говорило. Прекратить воевать в Сирии и в Украине. Прекратить кормить армию «силовики» всех видов, охраняющих не народ, а власть, и которых скоро будет больше, чем пенсионеров. Прекратить поддерживать олигархов, подпавших под санкции, в том числе налоговыми льготами (мы тратим 10 триллионов рублей в год – полтора бюджета Пенсионного фонда, – на налоговые льготы крупному бизнесу). Прекратить отдавать доходы от продажи природных ресурсов и прибыли госкомпаний узкой группе лиц, получающих в день больше, чем пенсионер за десять лет. Расходы на оборону в нашей стране – 2,8 триллиона рублей в 2018 году. Достаточно сократить их на 30%, чтобы пенсии можно было увеличить на 10% без всякого повышения пенсионного возраста.

Седьмое. Цель повышения пенсионного возраста – одна: сократить число получателей пенсий и расходы на эти цели. Все по Жванецкому: «нас меньше должно быть».

Это очевидный грабёж.

Восьмое. В среднем мужчины в России живут лишь до 67 лет: иначе говоря, им будет полагаться лишь два года «дожития» после выхода на пенсию. Женщины живут в среднем до 77 лет, им будет отпущено после выхода на пенсию еще почти полтора десятилетия. Можно говорить о повышении пенсионного возраста? Можно. Но только тогда, когда будет качественная медицина, социальная защита и иной уровень жизни. Сперва надо его обеспечить. А уже потом начинать этот разговор. Но не наоборот.

Девятое. Необходима стабильность пенсионной системы. Когда все нестабильно – не только рушатся планы, разрушается доверие к государству. Сегодня в худшем положении оказались те, кто ему верил, рассчитывал на пенсию и получал «белую» зарплату. Государство сказало им: мы передумали, поработайте еще. Результат – уход в тень.

Десятое. Экономический рост, сокращение заведомо раздутых расходов, борьба с коррупцией – вот альтернатива повышению пенсионного возраста. Но куда легче повысить

пенсионный возраст – что, замечу, не обещал ни один из кандидатов в президенты, включая Путина.

Мое предложение – не поддерживать проект постановления, одобряющий планы повышения пенсионного возраста. И поступить в соответствии с волей граждан, а не вопреки ей.

«Повысить пенсионный возраст предлагают те, у кого нет совести»

**Выступление на митинге в Санкт-Петербурге,
28 июля 2018 года**

Дорогие петербуржцы!

Фракция «ЯБЛОКО» в Законодательном Собрании выступала категорически против повышения пенсионного возраста.

Этот вопрос – не идеологический, и не экономический, а нравственный. Он делит людей не на правых и левых, коммунистов и демократов, либералов и консерваторов. Он делит людей на тех, у кого есть совесть – и у кого ее нет.

Потому что сегодня, при такой продолжительности жизни, при таком уровне жизни, при таком качестве здравоохранения и социального обеспечения, при таком отношении работодателей к людям старше 50, а не то что 60 лет, только люди, не имеющие совести могут говорить о повышении пенсионного возраста.

И к таким людям относятся и президент Путин, и правительство Медведева, и депутаты от «Единой России».

То, что у правительства и президента нет совести, подтверждается не только стремлением, вопреки мнению подавляющего большинства граждан, повысить пенсионный возраст. Это подтверждается и повышением НДС – что неминуемо разгонит цены на все товары и услуги, и «пакетом Яровой», который неминуемо увеличит цены на мобильную связь, и стремлением обложить налогом покупки по Интернету. Фантазия власти в стремлении ограбить население неистощима – они придумывают все новые и новые способы.

При этом депутаты Госдумы от «Единой России» – как небызвестная глава комитета по культуре Ямпольская, – призывают пенсионеров «выйти из зоны комфорта». Вы посмотрите на лицо Ямпольской – сама она из этой зоны не вышла и не собирается. На мой взгляд, тем, кто призывает пенсионеров «выйти из зоны комфорта», место совсем в другой зоне. И вы знаете, как эта зона называется!

Что означает повышение пенсионного возраста? Оно означает увеличение числа работающих и сокращение числа пенсионеров. Чем меньше пенсионеров – тем меньше расходы на выплату пенсий. Это – не реформа. Это обычный грабёж, открытый и наглый.

Пенсия – это не подачка и не пособие от щедрот государства. Это плата за прошлый труд. Ее источник – пенсионные взносы гражданина, которые всю жизнь отчислялись от его зарплаты. Повышение пенсионного возраста – это откладывание для гражданина возможности получить заслуженную и оплаченную его трудом пенсию. Чем больше людей не доживет до пенсии или проживет лишь несколько лет после наступления пенсионного возраста – тем больше якобы «сэкономленных» денег государство положит себе в карман.

Нам говорят, что нет денег на выплату пенсий. Это ложь. Откуда взять деньги – хорошо известно. «Яблоко» не раз об этом говорило. Мы призывали вернуть российских военных из Сирии, прекратить там воевать и убивать, и прекратить тратить на это безумные деньги. Нас не все поддержали тогда. Теперь понятно, чем правительство и президент хотят компенсировать расходы на эту войну? Экономией на пенсионерах. Повышение пенсионного возраста – это обложение граждан «сирийским налогом». Вслед за «украинским».

Откуда взять деньги? Надо прекратить воевать в Сирии и в Украине. Прекратить кормить армию «силовиков» всех видов, охраняющих не народ, а власть. Сократить расходы на военные цели: на нас никто не собирается нападать. Прекратить поддерживать олигархов, подпавших под санкции. Прекратить отдавать доходы от продажи природных ресур-

сов и прибыли госкомпаний узкой группе лиц, получающих в день больше, чем пенсионер за десять лет. Начать реально бороться с коррупцией. И сразу выяснится, что нет никакой необходимости повышать пенсионный возраст, напротив – можно повысить пенсии.

Последнее. Отсутствие у власти совести – болезнь, которая не лечится уговорами и просьбами. Она лечится только одним способом: демократией, честными выборами, политической конкуренцией и сменяемостью власти. Лозунг всех ближайших выборов: ни одного голоса тем, кто поддерживает людоедские предложения!

Глава 2. Те же буквы, но другие слова

Статьи Бориса Вишневецкого, опубликованные в «Новой газете»

Вынести Сталина из общественной жизни

10 ноября 2015 года

Нынешней осенью обсуждаются две схожие законодательные инициативы: мы с коллегами по фракции «Яблоко» (Григорием Явлинским и Александром Кобринским) – в питерском парламенте, а сенатор Константин Добрынин – в Совете Федерации предложили ввести запрет на реабилитацию Сталина и сталинизма. Что вызвало бурную дискуссию.

Невозможно сомневаться в том, что эта реабилитация идет – несмотря на целый ряд официальных документов, осуждающих сталинские преступления. И несмотря на то, что в «концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий», утвержденной правительством России в августе 2015 года, прямо сказано: «недопустимыми являются продолжающиеся попытки оправдать репрессии особенностями времени или вообще отрицать их как факт нашей истории».

Мы видим, как Сталину ставят памятники и размещают в публичном пространстве (в том числе, в школах) его изображения. Мы видим, как с прославлениями Сталина выступают чиновники и общественные деятели, и несут его портреты на демонстрациях. Мы видим, что магазины завалены книгами, воспевающими Сталина и его деяния, отрицающими массовые репрессии (или объявляющими их масштабы «завышенными»), а то и прямо оправдывающими их. Мы видим, что возникают общественные кампании за возвращение имени Сталина географическим объектам и организуются «частные музеи» Сталина. Мы видим, что патологические сталинисты получают время в федеральном телеэфире и вузовскую трибуну. Мы видим, как беспрепятственно внушается мысль

о том, что именно «сталинское» устройство государства, при котором человек – ничто, и его интересы – ничто по сравнению с государственными, и есть максимально эффективное.

Мы видим, наконец, как патриарх Кирилл призывает «не подвергать сомнению» успехи Сталина на ниве «возрождения и модернизации страны», даже если он «отмечен злодействами». Продолжать ли спокойно на это смотреть?

Позволять и дальше беспрепятственно воспевать одного из величайших преступников в истории человечества, не только организовавшего массовые репрессии против собственного народа, но и лично утверждавшего «расстрельные списки»? При том, что еще живы некоторые из тех, кто лично испытал на себе сталинские репрессии – и при том, что у очень и очень многих близкие были расстреляны, прошли лагеря или не вернулись из них, были высланы или ошельмованы?

Казалось бы – не продолжать и не позволять. И не только потому, что это оскорбляет память жертв репрессий, их родных и близких, но и потому, что нельзя одновременно увековечивать память жертв и воспевать палачей: законодательно поддерживать репрессированных и репрессированные народы и одновременно позволять пропагандировать Сталина и сталинизм – политическая шизофрения.

Однако, первые же предложения о запрете реабилитации Сталина (весной 2015 года международный «Мемориал» выступил с инициативой о запрете появления изображений Сталина в публичном пространстве «в каком бы то ни было позитивном контексте») вызвали не только ожидаемую истерику со стороны коммунистов, седьмой десяток лет старательно закрывающих глаза на сталинские преступления. Они вызвали и критику со стороны тех, кого в симпатии к сталинизму обвинить трудно – целого ряда правозащитников и экспертов. В том числе, они прозвучали на «круглом столе», прошедшем недавно в Петербурге, где обсуждали законопроект «яблочников».

С частью из них можно согласиться, с частью – нет, о чем чуть ниже, а сперва – о сути законопроекта.

Мы предложили запретить любое размещение изображений Сталина в общественных местах с целью возвеличивания его личности и деяний, а также с целью пропаганды сталинизма. Запретить установление памятников, бюстов и иных скульптурных изображений Сталина. Запретить использование имени Сталина в наименованиях СМИ, юридических лиц и объектов прав собственности, и запретить присвоение его имени Сталина географическим объектам, предприятиям, учреждениям и организациям. Запретить использование имени или изображения Сталина в любых наградах, памятных медалях и знаках. Запретить установление праздников и памятных дат, связанных с именем Сталина. И запретить любые публичные действия, направленные на прославление и восхваление Сталина и пропаганду сталинизма, отрицание фактов массовых репрессий периода сталинизма. Отдельно отмечается: не могут быть объектом запрещения личные взгляды и убеждения человека.

За нарушение перечисленных запретов – административное наказание. Штраф или арест на срок до 15 суток. Существующие памятники и бюсты Сталина демонтируются, названные его именем географические объекты переименовываются, как и названные его именем организации, в том числе СМИ (иначе – закрытие).

Перечисленные запреты не распространяются на произведения изобразительного искусства в музеях и на выставках, а также продающиеся в магазинах, и на видео- и кинофильмы художественного и документального характера, не имеющие цели возвеличивания Сталина, оправдания его деятельности и пропаганды сталинизма. На научную деятельность и ее результаты, учебники и учебные пособия (если они направлены не на пропаганду личности и деятельности Сталина, оправдание преступлений сталинизма, а на их изучение и объективное освещение и представление). На ранее врученные государственные награды, юбилейные медали, антиквариат, театральные постановки и реконструкции исторических событий.

Во время обсуждения историки, правозащитники и политики из «Яблока», «Солидарности» и «Парнаса», – в том числе, Александр Марголис и Александр Даниэль, Никита Ломачин и Александр Скобов, Юрий Нестеров и Анатолий Голлов, Иосиф Скаковский и Евгений Сизенов, – оценили проект по-разному.

Одни, соглашаясь с базовой идеей проекта, обращали внимание на неопределенность ряда понятий (в том числе, пропаганды) и субъективность норм – необходимость определения умысла на возвеличивание Сталина при установлении, подпадает ли то или иное действие под запрет. Как быть, например, с фотографией, где Сталин, Рузвельт и Черчилль изображены на Ялтинской конференции? Еще одно возражение – при применении закона возможны злоупотребления, и новые запреты обернутся вовсе не против тех, кого имеют в виду авторы.

Другие считали, что проект надо распространить не только на сталинские, но и на большевистские репрессии – в том числе, «красный террор», и указывали, что в отличие от нацизма, над сталинизмом не был проведен судебный процесс (заметим, сейчас по инициативе Сергея Ковалева, Льва Пономарева, Ильи Шаблинского, Аллы Гербер и других активно обсуждается идея проведения Общественного трибунала над сталинизмом, Сталиным и его ближайшим окружением).

Третьи же в принципе отвергали идею проекта, полагая, что никаких ограничений для прославления Сталина быть не должно. Что нельзя вводить идеологические запреты. Что власть и так усердствует в «запретительстве» – и нельзя ей помогать в этом, предлагая дополнительные запреты. Что нельзя устанавливать «государственное отношение к одному из явлений отечественной истории», за несогласие с которым граждане будут наказываться. Что это «фактическое введение цензуры» и нарушение конституционных прав граждан на свободу убеждений и слова. И что с наследием сталинизма в принципе нельзя бороться методом законодательных запретов – а действовать только методами убеждения, выигрывая дискуссии...

Спору нет: доработка проекта необходима. В первую очередь – в целях устранения неопределенностей. Что касается субъективизма, то избежать его нельзя, а наличие умысла (одной из форм вины, субъективной стороны преступления) всегда оценивает суд.

Могут бы быть злоупотребления при применении закона? Могут. Как и при применении статьи 282 УК РФ (о чем не устают твердить прекраснодушные сторонники ее отмены: мол, привлекают не тех!). Но это претензии не к закону, а к правоприменительной практике: любую статью УК можно использовать для политических расправ, но это не значит, что надо отменить весь Кодекс.

Кстати, стоит напомнить, что в советские времена многие диссиденты сидели не по «антисоветским» статьям УК, а по уголовным, когда их обвиняли в вымышленных преступлениях. А потому надо бороться за справедливый суд – а не требовать отменить статьи, позволяющие наказывать нацистов и не вводить наказание для «наследников Сталина».

Нужно ли плодить новые запреты? Несогласие с абсурдными запретами, введенными властями в последнее время, ничуть не противоречит требованию запретить то, что не имеет права находиться в публичном пространстве. И кто сказал, что идеологические запреты вообще недопустимы? А если речь идет о бесчеловечных идеологиях – и в этом случае нельзя ничего ограничивать?

Должно ли быть позволено свободно издавать книги, «обосновывающие» нацистскую практику уничтожения «неполноценных» народов и рас? Нет? Это нельзя допустить? А как же священная свобода слова? Разве же можно препятствовать людям свободно говорить и писать о том, что они думают? Если таковы их убеждения? Ах, все-таки можно препятствовать? Но почему тогда нельзя препятствовать восхвалению Сталина, на чьей совести миллионы жертв и десятки миллионов искалеченных судеб?

Да, запрет на прославление сталинизма – это ограничение свободы слова. Такое же, как ее ограничение при пропаганде вражды и ненависти – что установлено не только

российской Конституцией, но и международными пактами. И это ограничение — не только правомерно, но и необходимо.

Потому что точно так же, как не равноправны фашизм и антифашизм, не равноправны сталинизм и антисталинизм. Как неравноправны палачи и жертвы. А любая попытка объявить точку зрения палача и точку зрения жертвы равно допустимыми — это худшая из форм морального релятивизма, когда уничтожается разница между добром и злом.

Не должно быть никаких памятников и бюстов Сталина на площадях, никакого возложения к ним цветов и приема в пионеры, никаких «сталинобусов» и билбордов со сталинским портретом на улицах, и никаких «стенгазет», прославляющих Сталина, в школах и вузах. И прочего, что требуют сталинисты всех мастей, все чаще лезущие из всех щелей с предложениями о прославлении кровавого тирана.

У себя дома, в квартире или на даче сталинисты могут обклеивать все стены портретами любимого вождя и возносить им молитвы. Но за пределами своего личного пространства у них такого права быть не должно.

Заметим: смысл предложенных запретов еще и в том, чтобы решать подобные вопросы в правовом поле, а не на в столкновениях на улицах. Известна история, как в тобольском автобусе ветеран, который либо сам пережил ужасы Гулага, либо лишился там своих близких, сорвал висевший там портрет Сталина, после чего его избил другой пассажир. Известно, что люди, оскорбленные попыткой реабилитации тирана, нападали на «сталинобусы» и пытались закрасить его изображение. Дальнейшее развитие ситуации грозит силовыми столкновениями — и дело законодателя их предотвратить.

Свободное прославление Сталина — позорно для страны, где жертвами его преступлений стали десятки миллионов граждан.

Сталин и его преступления не имеют права на прощение и забвение.

Иначе мы обречены на повторение этого прошлого.

Российская власть: история болезни

23 ноября 2015 года

Новая книга Григория Явлинского «Периферийный авторитаризм» дает ответ на ключевой вопрос: почему результатом реформ 90-х годов, считавшихся демократическими, стало установление авторитарной власти.

Объяснение, данное Явлинским с почти математической точностью (по четкости формулировок это, наверное, лучшая из его книг), понравится далеко не всем.

Оно не понравится сторонникам «нового курса» российской власти, взятого ею в последние 2 года, когда агрессивное отрицание европейских ценностей, изоляция от окружающего мира, генерация все новых ограничений прав граждан, приравнивание оппозиционной деятельности к предательству и истерическое восхваление главы государства стали ключевыми чертами государственной политики.

Но оно не понравится и тем, кто верит в миф о том, что Борис Ельцин вел страну по верному пути, а потом пришел Владимир Путин и развернул ее в противоположную сторону. Потому, что Явлинский четко доказывает (он и раньше говорил об этом, только его редко слушали): путинский режим — продолжение ельцинского, а не его искажение.

«Историю болезни» Явлинский начинает с разрушения упомянутого мифа о «рубеже столетий», как «переломном моменте», когда тенденция сворачивания конкуренции в экономике и политике, ограничения прав граждан, огосударствленности СМИ и деградации партийно-парламентской активности пришла на смену противоположной, якобы господствовавшей в предшествующее десятилетие. По его мнению, этот рубеж был не поворотным пунктом, а вступлением системы в стадию зрелости после того, как был сделан важнейший выбор за всю политическую историю 90-х годов — между политической системой конкурентного или авторитарного типа.

Этот выбор, по словам Явлинского, «определился при принятии Конституции РФ в октябре—декабре 1993 года, а затем

окончательно утвердился в ходе президентских выборов 1996 года и следующего за ними периода». Потому что правящая команда, сформировавшаяся вокруг президента, «даже и решившись провести выборы, исходила из приемлемости только одного их исхода»: сохранения своей власти. Об этом те, кто сегодня представляет 90-е годы как период расцвета демократии, склонны умалчивать.

Собственно, именно это – принципиальная установка на несменяемость власти, – и есть первый и главный признак авторитарной системы, отмечает Явлинский. Невозможность «снизу», мирным и законным путем обеспечить недобровольное отстранение от власти одной команды и замену ее другой.

Что дало возможность реализовать именно такой сценарий? То, полагает Явлинский, что и правящая команда, и общество в целом «по умолчанию» считают естественной монополию власти на распределение всех основных ресурсов в государстве. А стремление создать реальное разделение властей воспринимается, как попытка ослабить власть и сделать ее беспомощной. Явлинский напоминает: нынешнее унижительное положение парламента во многом является следствием кампании по дискредитации законодательной власти в 90-е годы. Когда журналисты, считавшие себя сторонниками «демократического выбора», с упоением изображали Верховный Совет, а затем Госдуму тяжелыми и бесполезными оковами, висевшими на «богатыре» Ельцине и якобы мешавшими ему осуществлять необходимые стране социально-экономические реформы.

Отличие Системы 90-х годов от Системы нулевых и десятых, по словам Явлинского, лишь в том, что в 90-е у власти и около нее были люди, «более близкие либеральной части советской интеллигенции, нежели команда, пришедшая им на смену в 2000-е годы».

Явлинский отмечает три источника авторитарной системы. Это слияние власти и права собственности: гиперинфляция 1992 года – криминальная приватизация (залоговые аукционы), 1995–1997 гг. – фальсификация выборов и подчинение

СМИ 1996–1998 гг. Это большевистские методы проведения реформ – «цель оправдывает средства». И, наконец, отказ от переосмысления советского периода, государственной оценки сталинизма и большевизма.

К концу 90-х годов людей охватило разочарование. Именно в этих условиях появился Владимир Путин. И если, констатирует Явлинский, в 90-е годы система прошла первую развилку – между конкурентной и авторитарной моделью – и сделала выбор в пользу второй, то в начале 2000-х оказалась пройденной и вторая: между авторитаризмом модернизационного типа и авторитарной властью консервативно-застойного типа.

Пересказывать дальше анализ Явлинского – значит отнимать у читателя удовольствие. Прочитируем только заголовки, говорящие сами за себя: «Выборы без выбора», «Административная рента», «Коррупция как система», «Внешний мир как противник», «От периферийного авторитаризма к авторитаризму провинциальному».

И вывод: два десятилетия после краха советской системы привели нашу страну к политической системе, основанной на монопольной несменяемой власти одной группы высшей бюрократии.

Системе, исключающей замену правящей группы без одновременного слома системы и глубокого политического кризиса. Системе, работающей на свое воспроизводство и исключающей возможность естественной эволюции или самореформирования. Системе, основу которой составляет распределение административной ренты и которая заинтересована в сохранении экономических и социальных условий, позволяющих эту ренту сохранять и извлекать. Системе, в которой можно выражать оппозиционные настроения лишь в ограниченных по своему потенциалу «маргинальных» (по мнению властей) информационных ресурсах, а любые не санкционированные и не контролируемые властью политические амбиции отдельных лиц или групп не могут легально финансироваться.

То, что происходит, Явлинский называет жестким словом «демократизация». Ведущая в тупик. К архаике, необратимому отставанию от развитых стран, деградации и распаду.

Итак, диагноз поставлен, история болезни описана – но как ее лечить?

Явлинский не предлагает чудодейственного рецепта, оставляя открытым ответ на вопрос о том, есть ли выход из «сегодняшнего трагического фарса в сторону модернизации и развития».

Но в одном он уверен: долг всех здоровых политических сил в стране – попытаться разработать и предложить «реалистичную альтернативу, план выхода из нынешнего кризиса и, если нужно, навязать его напуганной и дезориентированной российской политической элите».

После авторитаризма

13 января 2016 года

Во время демократической революции 1989–91 годов ее участники (в том числе и автор статьи) достаточно хорошо представляли себе, от чего в государственном и общественном устройстве они хотят отказаться.

От тоталитарной коммунистической системы, где правящая партия присвоила себе монополию на власть, идеологию, ресурсы и информацию. От государственного контроля над обществом. От политической и экономической несвободы. От цензуры и «выборов без выбора». От невозможности общества повлиять на решения властей, и других черт советско-коммунистического строя, который хотелось побыстрее отряхнуть со своих ног, как прах старого мира.

В неприятии прошлого мы вполне сходились – сложнее было с образом будущего: он тогда был чрезвычайно расплывчатым.

Контуры этого будущего были понятны: многопартийность и рыночная экономика, права человека и разделение властей, свобода слова и свободные выборы. Но – только контуры, без деталей – в которых, как обычно, и спрятался «дья-

вол». Среди этих деталей было знание о том, над чем именно мы взяли власть. Понимание, как работают управленческие механизмы и что надо делать, чтобы добиться нужного результата.

Понимание пришло – но поздно. Когда, с одной стороны, наступило массовое разочарование в переменах, не принесших счастья, а с другой стороны, подавляющее большинство ключевых фигур демократической революции уже не обладали никакими властными возможностями. Оказались оттеснены на второй, а то и на третий план.

Сегодня, когда ситуация во многом напоминает времена почти 30-летней давности – предшествовавшие демократической революции, – чрезвычайно важно не повторить прежних ошибок. Уже сейчас – на берегу – постараться понять, как должна выглядеть модель будущего. Россия после авторитаризма.

Начать же надо с признания простого факта: «путинская» авторитарная политическая модель – такое же развитие и продолжение ельцинской модели (а не ее чекистское искажение), как сталинский режим был не «отступлением от ленинских норм» (как нас учили), а их развитием.

Суть ельцинской модели – несменяемость власти: каковы бы ни были настроения граждан, у власти должна оставаться правящая группировка.

Та, которая «знает, как надо» и должна иметь возможность действовать, не опасаясь отстранения от власти на выборах.

Идеи, которые в начале 90-х хотела реализовать правящая группировка – «шоковая терапия» и «либерализация цен», фактическая конфискация вкладов, ваучерная приватизация, отказ государства от большинства социальных обязательств, и другие «реформы для меньшинства», – были заведомо неконкурентоспособными.

И потому для сохранения у власти носителей этих идей была построена неконкурентная, авторитарная политическая система.

Система «административного ресурса» и «управляемых выборов». Система, при которой основные телеканалы были

поставлены под контроль государства. Система, при которой оппозиция была поставлена в заведомо неравные условия. Система, при которой разделение властей было заменено «президентской вертикалью» (вопреки мифу, это термин не путинской, а ельцинской эпохи, впервые озвученный в 1993-м), парламент был сделан заведомо более слабым, чем президент и правительство, а регионы (несмотря на декларируемый федерализм) поставлены в жесткую политическую и экономическую зависимость от центральной власти.

Система, при которой началась раздача государственных должностей на «кормление» в обмен на личное служение, а патриотические чувства были привязаны к идее служения лично главе государства (старая привычка путать Отечество с Его Превосходительством). При которой был создан совершенно «непрозрачный» режим, позволяющий узкой группе лиц при помощи имеющейся власти распределять собственность, а при помощи обретенной таким путем собственности получать еще большую власть.

Приход Путина – в результате операции «Наследник» – лишь закрепил и усилил эти тенденции. Постепенно добавив к ним воинствующий антилиберализм, прогрессирующее мракобесие и клерикализм, агрессивное антизападничество и отрицание ценностей демократии и прав человека как навязанных «враждебным Западом» и чуждых «национальным традициям».

Образ «непутинской» России, исходя из сказанного, понятен – для его описания ничего принципиально нового не надо изобретать. Тем более что в мире налицо множество примеров успешной реализации именно этой модели.

Ее ключевые элементы очевидны.

Конкурентная, многопартийная политическая система, с максимально простым допуском к выборам всех политических сил и кандидатов и равными возможностями как для участия в выборах, так и для донесения своих идей до граждан.

Реальное разделение властей – с усилением парламента, формированием ответственного перед ним правительства, и лишением президента большей части его гипертрофиро-

ванных властных полномочий (в идеале — отказ от выбранной четверть века назад «президентской» модели в пользу парламентской, куда менее склонной к «авторитарному дрейфу»).

Система независимых судов, полностью освобожденных от влияния президента и органов исполнительной власти.

Реальный федерализм — с передачей регионам полномочий и финансовых ресурсов, которые они должны сейчас выпрашивать у центра.

Законодательство, нацеленное на обеспечение реализации конституционных прав граждан (вместо создания все новых препятствий на пути реализации этих прав).

Естественно, такая модель предусматривает и отмену политической цензуры на телевидении и радио, и освобождение политзаключенных, и европейский вектор развития страны, и забвение безумных мечтаний о возвращении советской империи, и прекращение военных действий якобы «оборонительного» (по мнению патриарха) характера, и отказ от попыток силового расширения «русского мира».

Четверть века назад задача построения такой модели не была решена.

Потому, что, как сказано в начале статьи, мы не очень хорошо представляли себе, что именно хотим построить.

И потому, что смена власти не сопровождалась (как в странах Восточной Европы) сменой политических элит.

И потому, что организацию власти отстраивали под персону, а не под принципы.

И потому, что для Ельцина и его окружения демократические механизмы были досадной помехой на пути реализации их планов управления страной вопреки мнению «неразумного большинства», упорно не желающего терпеть лишения во имя светлого будущего (сами реформаторы, заметим, процветали вопреки собственным реформам).

Решить эту задачу сейчас — значит, не наступить на прежние грабли.

Решить эту задачу сейчас — значит, сменить систему, а не персоны: иначе обязательно получится Путин 2.0 (с тем же ощущением собственной непогрешимости, принципом «дру-

зьям — всё, врагам — закон» и объявлением критиков врагами и «пятой колонной»).

Один раз на смену дракону уже пришли бургомистры и генрихи, четвертая голова дракона, второй эшелон партийно-чекистской номенклатуры — и то, что раньше нагло забирал дракон, оказалось в руках «лучших людей города».

Решить эту задачу сейчас — значит, провести ревизию законодательства, отменив репрессивные законы последних лет, ограничивающие права граждан.

Нелюбимая рядом оппозиционеров (не смущает ли их нахождение по этому вопросу в одной компании с российскими неонацистами?) статья 282 УК не в счет: разжигание национальной, религиозной, расовой и социальной вражды и ненависти не должно быть безнаказанным.

Решить эту задачу сейчас — значит, провести люстрации (отказ от которых был кардинальной ошибкой осени 1991-го).

Провести их для пропагандистов и дипломатов, создававших информационное пространство лжи и ненависти. Для судей и прокуроров, фабриковавших уголовные дела и выносивших неправосудные приговоры. Для приближенных к трону олигархов (в том числе из госкомпаний) и чекистов (почти неотличимых от олигархов), приватизировавших государство и его доходы.

Все описанное означает решительную «деавторитаризацию» страны, которая не будет и не может быть легкой.

На этом пути неизбежны не только люстрационные ограничения, но и уголовные процессы над теми, кто уличен в преступлениях и беззаконии. И на этом пути неизбежно осознание множеством людей своей ответственности.

Например, за готовность одобрять войну и агрессию, кричать «Крым наш!» и повторять ложь про «киевских фашистов» и «хунту», подделывать результаты выборов в составе участковых избиркомов и клеймить оппозиционеров как «предателей», ненавидеть украинцев и отправляться их убивать в Донбассе и Луганщине.

Работа предстоит мелкая. Хуже вышивания.

Друзьям — все, врагам — закон

9 марта 2016 года

«Новая газета» не раз рассказывала, кто в Европе выступает в качестве «группы поддержки» Кремля. Кто разоблачает «украинский фашизм», выступает против «гегемонии США», восхищается «решительностью Москвы», призывает отменить санкции США и Евросоюза, объявляет «референдум» в Крыму и «выборы» в Донбассе образцом демократии и собирается в Петербурге на «международный консервативный форум» в качестве представителей «национально-ориентированных сил».

Подавляющее большинство этих персонажей — неонацисты, националисты и антисемиты. То, что они делают, точно вписывается в определение экстремистской деятельности, данное российским законодательством. Но в России они не только не запрещены — прокуратура даже не видит оснований ставить этот вопрос в судебном порядке, поскольку «не располагает сведениями» об осуществлении ими экстремистской деятельности.

На мое депутатское обращение к генеральному прокурору в апреле 2015 года (с фактами об участниках прошлогоднего питерского неонацистского сборища и представляемых ими партиях) в июне того же года пришел именно такой ответ. Ранее губернатор Георгий Полтавченко на обращения с призывом не допустить проведения «коричневой» сходки в городе, пережившем фашистскую блокаду, тоже ответил отпиской.

Однако сейчас выяснилось (спасибо за «наводку» депутату ЗакСа Ирине Комоловой), что неонацистами упомянутых персонажей называют не только оппозиционеры, от мнения которых власть привычно отмахивается. Неонацистами их называет российский МИД.

В апреле 2015 года был выпущен доклад МИД РФ «Неонацизм — опасный вызов правам человека, демократии и верховенству права». С совершенно верным выводом о том, что

«вакцина от нацистского вируса, выработанная в том числе на Нюрнбергском трибунале, постепенно начинает ослабевать» (правда, о том, что это относится в том числе и к России, авторы деликатно умалчивают). И с подробным описанием неонацистских тенденций и организаций в трех десятках стран мира.

По понятным мотивам больше всего места уделено Украине, но и очень многие участники «группы поддержки Кремля» тоже стали «фигурантами» доклада.

Бельгийская партия «Фламандский интерес» (ее представитель Франк Крейельман был среди «европейских наблюдателей», восхищавшихся «референдумом» в Крыму и «выборами» в Донбассе) названа в докладе одной из «маргинальных организаций неонацистского толка».

Британская национальная партия (ее представитель Ник Гриффин, назвавший Черчилля и Гитлера «сионистами», выступал на питерском форуме) отнесена в докладе к числу «экстремистских организаций и движений, придерживающихся идей неонацизма, расовой и национальной исключительности».

Венгерская партия «Йоббик» (ее представитель Мартон Дьендеши входил в число «евронаблюдателей», а сама партия считается одним из верных союзников Кремля в Европе) названа в докладе «расистской партией». И немудрено: именно Дьендеши призывал правительство Венгрии составить «список евреев во власти, которые представляют угрозу национальной безопасности страны».

О Национал-демократической партии Германии (ее представитель Уго Фойгт выступал на питерском форуме, восхищаясь Путиным и требуя отменить санкции против России) в докладе сказано, что эксперты относят ее «к числу наиболее организованных ультраправых объединений», а «некоторые аналитики считают ее преемницей гитлеровской НСДАП». Что «Федеральное ведомство по защите конституции Германии квалифицирует эту партию как правоэкстремистскую». И что, «делая акцент на «сохранении или восстановлении национальной идентичности», НДПГ подталкивает склонных к

насилию правых экстремистов к активным действиям.

Греческая партия «Золотая Заря» («Золотой Рассвет»), чьи представители тоже выступали на питерском форуме, прямо отнесена в докладе к «организациям, исповедующим идеи неонацизма, расовой и национальной исключительности». Сказано, что «Золотой Рассвет» определяется как неонацистская партия комиссаром Совета Европы по правам человека Н. Муйжниексом, который полагает, что Греция на основании Конвенции о защите прав человека и основных свобод и других международно-правовых документов обязана запретить «Золотой Рассвет». Что нынешний премьер-министр Греции А. Ципрас и его предшественник А. Самарас в публичных выступлениях также характеризовали эту партию как неонацистскую. Что партия «функционировала по нацистскому образцу, отличалась слепым повиновением лидеру, строгой иерархией и имела в своем составе штурмовые отряды».

«Партия датчан» (ее представитель Даниэль Карлсен участвовал в питерском форуме) отнесена в докладе к неонацистским, «исторически связанным с действовавшими в 1930–1940-е годы национал-социалистическими объединениями, созданными под влиянием и по образцу партий нацистов Германии и фашистов в Италии», и названа «одной из ультраправых экстремистских организаций».

О представителе итальянской партии «Новая сила» Роберто Фиоре, который выступал на питерском форуме, в докладе прямо говорится как о неофашисте (впрочем, он и сам себя называет фашистом). Его партия в докладе названа «главной силой, находящейся в правовом поле Италии и разделяющей ультраправые взгляды итальянских неофашистов». Отмечается, что сам Фиоре «ранее проходил одним из обвиняемых в организации террористических актов на ж/д вокзале в г. Болонье в 1980 г. и был вынужден на протяжении более чем 20 лет находиться в эмиграции в Великобритании».

«Партия шведов» (ее лидер Стефан Якобссон был среди участников питерского форума) в докладе определена как «неонацистская», выступающая за «этническую чистоту

шведского населения, против «мультикультурализма» и иммиграции представителей «негерманских национальностей»...

Резюмируем: Генеральная прокуратура РФ не видит оснований запрещать в судебном порядке те партии, которые МИД РФ считает неонацистскими.

Нестыковка у товарищей получается: то ли эти партии – наши союзники в борьбе против Запада, противники санкций, наблюдатели на выборах в Крыму и Донбассе и уважаемые «консерваторы» на петербургском форуме, то ли это – неонацисты, расисты и ультраправые экстремисты, безусловно, подлежащие запрету по российским же законам. Как-то надо определиться, чтобы не попадать в смешное положение. А то вдруг где-нибудь в Европе на представительном собрании встретятся докладчики от Генпрокуратуры и МИДа?

Впрочем, украинские организации, тоже отнесенные в докладе МИДа к неонацистским – УНА-УНСО, «Тризуб имени Степана Бандеры» и «Правый сектор», – запрещены в России решением Верховного суда по представлению именно Генпрокуратуры.

Это и называется: «Друзьям – всё, врагам – закон».

P.S. Ирина Комолова направила в Генпрокуратуру обращение с требованием признать перечисленных «евронацистов» организациями, «нежелательными в РФ». Причем опирается Комолова на так называемый «закон Димы Яковлева», где, в частности, сказано: «Деятельность иностранной или международной неправительственной организации, представляющая угрозу основам конституционного строя РФ или безопасности государства, может быть признана нежелательной на территории РФ».

«Посмотрим, – говорит Комолова, – как уж будет изворачиваться, чтобы не укусить собственный хвост».

В свою очередь, мы с коллегой по фракции «Яблоко» в питерском ЗакСе Александром Кобринским направили новое обращение к Георгию Полтавченко – приложив доклад МИДа. И призывая губернатора принять меры для того, чтобы планируемый в этом году второй «консервативный форум» не позорил наш город.

Заметим: по «техническим причинам» этот форум срочно перенесен с апреля 2016 года на октябрь. По всей видимости, для того, чтобы не было скандала в преддверии выборов Госдумы и ЗакСа, которые пройдут в сентябре.

Участвовать в выборах

Ответ «новым отзовистам», призывающим к отказу оппозиции от электоральной борьбы

16 марта 2016 года

Накануне каждых выборов последних лет обязательно появляется группа уважаемых людей, страстно призывающая в них не участвовать.

Сперва они твердили о «недопустимости играть по правилам власти» (как будто есть другие правила).

Потом – о «соглашательстве» и «сотрудничестве с режимом» (видимо, чтобы не быть заподозренными в «сотрудничестве», надо, по формуле Иосифа Бродского, перестать ходить в булочную).

Потом – о «направлении граждан по пути ложных ориентиров» и о том, что «власть не сменится на выборах» (прилетит ли десант с Марса, чтобы сменить власть без выборов, не уточнялось).

Теперь выбрана новая линия убеждения: мол, «участие в выборах означает, что участники признают аннексию Крыма».

Характерно, что большей частью подобные призывы исходят от той части уважаемых граждан, чья самореализация давно уже проходит за пределами России. При этом суровость их упреков в адрес российской оппозиции в недостаточной непримиримости по отношению к режиму, кажется, пропорциональна квадрату расстояния от Москвы...

Призывы «новых отзовистов» (появившихся через столетие после «старых», требовавших отзыва депутатов-эсдеков из Думы и прекращения легальных форм партийной работы) основаны на норме российского закона о выборах Госдумы, обязывающего партии-участники так формировать партийные списки, чтобы региональные группы охватывали всю территорию России, включая Крым.

Из этого делается вывод, что, участвуя в выборах, партии признают законной присоединение Крыма. В качестве альтернативы предлагается или уехать, или создавать подпольные организации, или работать на русском радио в Праге, или участвовать в заговорах против режима, или просто молиться за спасение России.

Что же, давайте по порядку.

Во-первых, отождествление участия в выборах с признанием присоединения Крыма – мягко говоря, притянута за уши. В Конституции РФ с позапрошлого года в качестве субъектов Российской Федерации указаны Крым и Севастополь. Означает ли это, что любой, кто действует по Конституции, тем самым автоматически признает присоединение? В том числе реализуя гарантированное Конституцией право на свободу собраний или свободу совести, право на образование или здравоохранение? Нет? Почему в таком случае участие в выборах, то есть реализация права на участие в управлении государством, приравнивается к признанию присоединения полуострова?

Партии, считающие незаконной присоединение Крыма, – а такие (хоть их и немного) есть среди тех, кто намерен участвовать в выборах, – скорее всего, не будут выставлять в Крыму кандидатов в одномандатных округах и не будут вести там агитацию. Что касается региональных групп партийного списка, то самое простое решение – сформировать региональную группу, объединяющую Крым с Краснодарским краем (чтобы формально выполнить норму закона).

Во-вторых, и это самое важное: а что предлагается взамен участия в выборах?

Пламенные блоги и талантливые колонки? «Письма издалека» о неминуемом крахе режима? «Форумы свободной России» (при всем уважении к большинству участников)?

Уехать (как советуют «новые отзовисты») смогут не все. Штатное расписание русского радио в Праге тем более ограничено. Антипутинское подполье или группа оппозиционеров-заговорщиков, свергающая «кровавый режим»,

сгодится разве что для жанра политического детектива или ненаучной фантастики.

«Новая власть должна будет отдать Крым!» – уверен один из лидеров «новых отзовистов» Гарри Каспаров. Другой «отзовист», Андрей Илларионов, публикует целую программу политических реформ, которую в рамках «переходного периода по декомпозиции нынешнего политического режима» надо будет реализовать.

Однако если оппозиция откажется участвовать в выборах (к чему ее призывают Каспаров, Илларионов, Константин Боровой, Александр Морозов и другие «отзовисты»), то откуда возьмется новая власть, реализующая их программы? Прилетят прогрессоры с другой планеты? Благодородный дон Румата из системы Центавра, обнажив меч, выйдет на улицу, уничтожая черных, пришедших на смену серым?

По сути, «отзовисты» предлагают сидеть и ждать, когда режим падет сам собой в силу неких чудесных обстоятельств. И обсуждать в программах радио «Свобода» и в фейсбуке, какие реформы надо будет провести, когда это чудо, наконец, случится.

Обсуждать реформы после смены режима, конечно, надо, но куда более актуальным является вопрос о том, как этой смены добиться.

Представляется, что путь – причем мирный (подчеркиваю: *мирный*, ибо кровавых путей Россия пережила уже достаточно), только один: выборы.

В которых демократической оппозиции надо участвовать, прекрасно понимая, что они неравные и несвободные, сопровождаемые фальсификациями и применением «административного ресурса».

Участвовать, чтобы предлагать альтернативные пути решения проблем страны.

Участвовать, чтобы говорить людям правду о происходящем в стране и разоблачать ложь власти и телепропаганды.

Участвовать, чтобы провести своих депутатов, получив легальные возможности защиты граждан, парламентскую трибуну, доступ к СМИ и право законодательной инициативы.

Участвовать, чтобы граждане, не согласные с политикой власти, увидели в избирательных бюллетенях кандидатов, выражающих их точку зрения, а после выборов получили в парламенте своих представителей.

Участвовать, потому что появление даже и небольшого числа оппозиционных депутатов и мэров ускорит смену режима, а значит, уменьшит цену, которую мы все платим за каждый день сохранения курса, ведущего нашу страну в тупик.

Участвовать, не обращая внимания на брюзжание «новых отзовистов» и уверения скептиков «несколько оппозиционных депутатов ничего не изменят».

Еще как изменят – как изменила в свое время Межрегиональная депутатская группа на съезде народных депутатов СССР (составлявшая немногим больше десятой части депутатов). Как изменили ситуацию Борис Немцов в Ярославле и Лев Шлосберг в Пскове, Эмилия Слабунова и Галина Ширшина в Петрозаводске, Сергей Митрохин и Евгений Бунимович в Москве и Евгений Ройзман в Екатеринбурге.

Будь это не так, будь участие оппозиции в выборах бессмысленным (или «игрой на руку власти»), разве боролась бы власть против перечисленных выше политиков с такой яростью? Разве боролась бы так против участия оппозиционеров в выборах, отказывая им в регистрации под абсурдными предложениями? Разве придумывала бы все новые и новые законы, ограничивающие избирательные права граждан?

А потому призывы «не участвовать», «не играть по их правилам» и прочие «назло маме отморожу уши» – не что иное, как помощь властям, которым только и надо сохранить политическую монополию. И не надо унылых причитаний: «никого не пропустят», «все подделают», «всех снимут» и «все перепишут» – при высокой явке на выборы фальсификации становятся столь же затруднительными, какими они были на выборах 1989–1990 годов.

Что же касается призывов «новых отзовистов», в том числе звучащих из-за пределов России, то хочется сказать: коллеги, самолеты пока еще летают.

Возвращайтесь и показывайте личным примером, как надо менять ситуацию в нашей стране.

У вас есть шанс стать героями.

Будем жить, как проголосовали

28 сентября 2016 года

Подавляющее большинство, полученное единороссами на выборах, не означает столь же подавляющей поддержки политики власти. Оно означает лишь успех спецоперации. Причем – чего нельзя не отметить – проведенной при участии многих из тех, кто должен бы относиться к этой политике критически.

Первым этапом спецоперации стало изменение системы выборов – переход к избранию половины депутатов по одномандатным округам, крайне выгодный «Единой России». Во-первых, это заметно упрощает использование «административного ресурса» и фальсификации. Во-вторых, мажоритарная система, при которой «победитель получает все», а голоса, отданные за остальных кандидатов, пропадают, – нарушает представительность парламента, серьезно смещая распределение мандатов в пользу доминирующей партии.

Результат: при 54% официальной поддержки со стороны граждан единороссы, победившие в 203 думских округах из 225, имеют 343 мандата из 450, или 76% от общего числа. В Петербурге единороссы с официальной поддержкой 41% получили 36 мест в Заксобрании из 50, или 72%. А «Яблоко» с 10% поддержки – два мандата из 50, или 4%.

Моим студентам обычно хватает одного семинара, чтобы понять эту закономерность. Но этого упорно не понимают те представители оппозиции, которые годами повторяют мантры о «приближении депутатов к избирателям» при переходе к выборам по округам.

Вторым этапом спецоперации стало уменьшение явки на выборы.

Именно для этого выборы перенесли на середину сентября, когда множество людей отправляются на садовые

участки или еще не вернулись из отпусков. Именно для этого о выборах было мало информации (за несколько дней до выборов граждане жаловались мне, что нет привычных объявлений о том, где находится избирательный участок). И именно для этого придворными социологами распространялись данные о том, что исход выборов предрешен, а демократическая оппозиция не имеет шансов.

При этом власть пригнала на выборы все зависимые от нее группы избирателей: жилищники, социальные работники, военные, пенсионеры, бюджетники. Мы видели это в Петербурге – начиная с голосования курсантов строем, под присмотром офицеров, и заканчивая ветеранами, которых в день голосования обзванивали социальные службы, убеждая голосовать «как надо».

Ресурс «подневольного голосования» ограничен 10–15% от общего числа избирателей. Но они были отобилизованы, а те, кто мог поддержать оппозицию, большей частью на выборы не пришли. Хотя при явке 60% итоги были бы принципиально иными.

Кто и почему не пришел?

Во-первых, не пришли те, кто «далеки от политики» и ей «не интересуются». Но политика – не лозунги на митингах, политика – это решения законодательных органов, которые регулируют многие стороны жизни: от величины налогов и социальных пособий до того, быть или не быть скверу под вашим окном, или вместо него появится очередной бизнес-центр. И эти решения обязательно коснутся каждого человека, если только он не заперся в «башне из слоновой кости».

Во-вторых, были те, кто не пришел сознательно. Одни – потому, что не верили, что на выборах можно на что-то повлиять. Другие – потому, что поддались массивной пропагандистской атаке тех, кто убеждал «не участвовать в фарсе», «не обеспечивать легитимность власти» и так далее.

Между тем повлиять – реально, и даже на нечестных выборах можно добиться избрания своих представителей – если

не в Госдуму, то в региональные парламенты. Где и несколько оппозиционных депутатов могут защищать граждан, останавливать незаконные стройки, влиять на решения властей, наконец – просто говорить правду с парламентской трибуны.

Да, оппозиция не смогла убедить в этом скептиков. Но не потому, что не считала это важным. Как могли, мы это объясняли, но наш информационный ресурс был крайне ограничен, доступа к телевидению между выборами не было, а немногие теледебаты, которые пришлось на кампанию, ничего изменить уже не могли.

Кроме того, надо назвать вещи своими именами: пропагандисты «неучастия» не только оказали услугу «Единой России», но и нанесли удар в спину демократической оппозиции. И когда они теперь (как Алексей Навальный, считающий заслуживающими внимания только те выборы, к которым он допущен) уверяют, что люди «правильно сделали, что не пришли», и что они «не проиграли», – это безответственность и демагогия.

Те, кто не пришел, проиграли – как и те, кто пришел. Потому что так и осталась власть, благодаря политике которой сохраняются высокие цены и тарифы, низкие зарплаты и пенсии, сокращения на работе и стройки под окном, невозможность устроить детей в хорошую школу и отсутствие лекарств.

Но те, кто пришел, хотя бы боролись за то, чтобы изменить ситуацию, – в отличие от тех, кто прийти не захотел. А потом придет к оппозиции – сетовать на ухудшение жизни, то есть – на следствие их же поступка.

Все почти по Жванецкому: фраза «Я не пошел на выборы, и принимаются законы, нарушающие мои права» – произносится только по частям.

Перемены в стране начнутся только тогда, когда в головах у миллионов граждан сформируется эта причинно-следственная связь: от того, как они ведут себя на выборах, прямо зависит то, как они живут.

Исаакий для церкви. Губернатор Георгий Полтавченко заявил, что отдаст Исаакиевский собор РПЦ

10 января 2017 года

Летом 2015 года аналогичная попытка натолкнулась на отказ Смольного – со ссылкой на прибыльность государственного музея «Исаакиевский собор» и отсутствие в бюджете города средств на содержание федерального памятника архитектуры (при том, что РПЦ финансировать это не сможет). Перед этим петицию в интернете о сохранении Исаакия в ведении города подписали около 20 тысяч человек (к 12 января аналогичная петиция за двое суток набрала 120 тысяч голосов).

Петербургская епархия РПЦ этим решением осталась недовольна и продолжила попытки получить Исаакий, подключив, как говорят, к вопросу патриарха Кирилла И якобы на декабрьской встрече Кирилла с губернатором Георгием Полтавченко соответствующая договоренность была достигнута.

Тем не менее, считать вопрос окончательно решенным рано – в Петербурге достаточно противников передачи Исаакия церкви, аргументов у них тоже достаточно, и они твердо намерены сопротивляться.

Как известно, собор строился на средства казны Российской империи (то есть за счет всех ее граждан, как верующих, так и не верующих), всегда был государственной собственностью (до революции он, как и Эрмитаж, был в подчинении Министерства императорского двора), никогда не передавался церкви и никогда не был приходским храмом.

Уже поэтому говорить о его «возвращении» тем, кому он никогда не принадлежал, как минимум, некорректно. К тому же, в соборе и сейчас проводятся богослужения, которым никто не препятствует – при этом Исаакиевский собор сохраняет статус государственного музея. Это во-первых.

Во-вторых, РПЦ рассматривает «церковную реституцию» как возмещение страданий, которые церковь претерпела в

советские времена, и не устает напоминать о «сотнях тысяч уничтоженных, замученных и выброшенных из жизни священников, церковнослужителей и простых верующих».

Однако, именно та часть руководства РПЦ, которой «унаследовали» ее нынешние руководители из РПЦ МП, – идущая от митрополита Сергия (Старгородского), которого сталинское Политбюро сделало Патриархом в 1943 году, – была абсолютно лояльна советской власти и клеймила ее врагов. Ну и о каком правопреемстве может идти речь?

Что касается репрессированных священников, то в возмещение их страданий логично было бы озаботиться в первую очередь возвратом отнятого государством имущества их наследникам, а не возвратом имущества РПЦ.

В-третьих, от репрессий советских времен страдала не только церковь и не только верующие: репрессиям подверглись десятки миллионов людей, у большинства из них при этом было «национализировано» или реквизировано имущество. Но практически никому нынешняя власть ничего не возвращает и не собирается.

Ни наследникам тех, кто владел домами и землей до революции, ни жертвам сталинских репрессий (смехотворные «компенсации» в размере «не более 10 тысяч рублей за все имущество, включая жилые дома», не в счет), ни «раскулаченным», ни депортированным, ни отправленным в ГУЛАГ – возвращают только религиозным организациям. Ничего не возвращают «кулакам», ставшими жертвами сталинской «коллективизации», и представителям народов, подвергшихся массовым депортациям.

Но если национализация была всеобщей, то, может быть, и реституция может быть только всеобщей? Иначе налицо выделение верующих в привилегированную группу, чьи интересы удовлетворяются в приоритетном порядке, что прямо противоречит конституционному принципу равенства прав и свобод граждан, независимо от отношения к религии и принадлежности к общественным объединениям.

В-четвертых, по всей стране стоят разрушенные или разваливающиеся храмы, которые руководство РПЦ не спешит

восстанавливать — но заявляет о своих притязаниях на такие процветающие памятники архитектуры, как Исаакиевский собор. Так о чем она печется — о правах верующих (которые никто не нарушает), или об имущественных интересах корпорации?

В-пятых, содержание собора стоит огромных денег, и если выгнать оттуда музей и прекратить собирать плату за билеты (РПЦ обещает сделать вход бесплатным), то епархия немедленно потребует финансовой помощи от государства для сохранения и реставрации памятника федерального значения. Сегодня музей собирает в год около 850 млн. рублей за счет билетов — за счет каких средств их будут компенсировать? Кстати, реставрация фасадов Казанского собора, уже переданного РПЦ, остановлена на середине, потому что епархия не имеет на это средств. Что касается Исаакия, то глава юридической службы Московской патриархии игумена Ксения (Чернега) прямо заявила: «патриархия ожидает, что работы по поддержанию здания Исаакиевского собора после передачи его РПЦ будут вестись за счет субсидий».

Но с какой стати государство должно будет содержать Исаакий, переданный РПЦ? Которая (как и другие религиозные организации), налогов не платит. На каком основании обкладывать данью государство для содержания храмов? Может быть, логично будет отдельный сбор, причем добровольный? Кто согласился платить, тот и есть действительно верующий. Вот тогда и посмотрим, какой у нас их подлинный (а не показываемый опросами) процент...

«Собор обязаны передать РПЦ — это требование федерального закона», — в унисон твердят и церковники, и питерские единороссы. Но это не так: власть имеет право как передать собор, так и отказать в его передаче (как это было сделано в 2015 году), никакого императива здесь нет.

Петербургские депутаты от оппозиции сейчас намерены объединить свои усилия для того, чтобы защитить Исаакий. Уже договорились действовать вместе три фракции — «Яблоко», «Партия роста» и «Справедливая Россия». При этом

«Партия роста» хочет реанимировать идею 2015 года о проведении городского референдума о передаче Исаакия РПЦ и требует обсуждать этот вопрос с городским парламентом, «яблочники» призывают созвать специальную комиссию по урегулированию споров и подготовили федеральную инициативу о том, что уникальные музейные объекты не подлежат передаче религиозным организациям — вместо этого заключается специальное соглашение о возможности осуществления служб религиозной организацией соответствующей конфессии. Возможно, в неформальный «штаб защиты Исаакия» войдут также и коммунисты. Уже планируются публичные акции в защиту Исаакия, а если юридическое решение о его передаче РПЦ будет принято — его обещают обжаловать в суде. Кстати, пока неясно, на основании чего Смольный вообще говорит о каких-то якобы «принятых решениях»: новой заявки от епархии на передачу собора не поступало, во всяком случае — ее нет в Интернете, в то время как федеральный закон обязывает разместить ее в течение недели со дня подачи.

В общем, Смольный вместо очередного шага навстречу РПЦ может получить второй «Охта-центр» (400-метровая газпромовская башня, которую хотели построить напротив Смольного, получив в ответ мощнейшее гражданское сопротивление — что заставило от этих планов отказаться).

«Не согласовано с Путиным»

18 февраля 2017 года

В ситуации вокруг Исаакиевского собора, планы передачи которого РПЦ вызвали массовые протесты в Петербурге, произошел неожиданный поворот.

Днем в пятницу, 17 февраля, на лентах новостей двух десятков СМИ практически синхронно, со ссылкой на неназванный «источник в Кремле», появилась одна и та же информация: объявленное губернатором Петербурга Георгием Полтавченко решение о передаче Исаакия не было согласовано с президентом Владимиром Путиным, его не поддерживает

большинство петербуржцев, возникший конфликт может быть урегулирован путем компромисса – совместного использования объекта светскими властями города и РПЦ.

Если бы эту информацию разместили «Дождь» и «Медуза» – можно было бы предположить, что речь идет о случайности. Но когда ее размещают РИА «Новости», ТАСС и «Интерфакс» – это случайностью быть не может.

Да, конечно, петербургский губернатор абсолютно встроен в «вертикаль власти», и вряд ли бы стал говорить о «решенном вопросе» с передачей собора без согласования с Кремлем.

Но, во-первых, согласование это может быть разным – и не обязательно облечено в форму прямого приказа, подлежащего не обсуждению, и выполнению. Возможна масса нюансов – от «есть мнение» и «президент не против», до «решайте сами, если считаете нужным».

А во-вторых, совершенно не исключено, что согласие (или одобрение) было дано – а потом, увидев достаточно жесткую общественную реакцию и оценив общественное мнение, Кремль решил сменить позицию, отстраниться от нее и представить все происходящее, как самодеятельность петербургских властей. Тем более, что до президентских выборов – год, и в их преддверии такие конфликты Кремлю вряд ли нужны.

Здесь стоит напомнить историю с пресловутым «Охта-центром»: в 2006 году, когда эта история начиналась, очень многие тоже были уверены, что тогдашний губернатор Петербурга Валентина Матвиенко без команды «сверху» не стала бы лоббировать этот газпромовский проект. Но затем, – правда, после почти 5-летнего общественного сопротивления, – выяснилось, что скандал получил международную огласку, что общественное мнение в Петербурге (несмотря на гигантские траты на пропаганду «Газоскреба») резко против строительства, и издержки ситуации стали для власти существенно превышать прибыли. После чего решение пришлось отменять.

История с Исаакиевским собором, возможно, оказывается очень похожей.

Как и в истории со строительством чудовищной башни, уродующей петербургские панорамы, высокомерно объявив горожанам о «решенном вопросе» с передачей Исаакия в стиле «негоже холопам обсуждать барские приказы», власть попала в обнаженный нерв городского сообщества.

Люди разных возрастов и политических убеждений, разных верований (и их отсутствия) и разных профессий стремительно объединились в протесте против смольнинских планов.

Последовали три массовые акции противников передачи Исаакия, проведенные, из-за абсурдных отказов властей в согласовании митингов, в режиме встреч с депутатами Законодательного Собрания (в том числе с автором).

28 января власть увидела 5 тысяч протестующих против передачи Исаакия на Марсовом поле – и два десятка ряженых и клоунов из «НОДа» в том же месте, выступающих за передачу (одновременно с криками об «американской оккупации»). 12 февраля три тысячи защитников Исаакия встали тройным кольцом вокруг собора – а в противовес им власть сумела привести лишь 400 участников крестного хода, собранных по церковной «разнарядке». На 19 марта оргкомитет кампании «Вставай на защиту Исаакия!» (куда вошли политики из разных партий и гражданские активисты) анонсировал массовый митинг. 20 февраля собирается инициативная группа, которая будет требовать городского референдума об обязанности властей отказаться в передаче собора РПЦ. И это – только начало кампании.

В середине февраля стали появляться данные социологических опросов – и все они были однозначны: противников передачи Исаакия церкви в 2.5 – 3 раза больше, чем сторонников. При этом на стороне властей и церковников выступили, большей частью, фигуры типа Петра Толстого или Виталия Милонова, чьи, мягко говоря, сомнительные публичные заявления (с обличением противников передачи собора) выгля-

дели абсолютно медвежьей услугой и невольно заставляли вспомнить известную поговорку про услужливого дурака...

Появление в этой ситуации информации о «несогласованных» с президентом действиях Смольного, скорее всего, означает, что под влиянием протестной активности петербуржцев «наверху» серьезно задумались, стоит ли овчинка выделки, и не окажутся ли издержки властей при передаче Исаакия РПЦ существенно больше, чем получаемые ими выгоды.

При том, что вопрос о Исаакии вряд ли является для Кремля таким принципиальным, чтобы из-за него получать долгоиграющую головную боль (это не Крым, жесткость позиции по которому – одна из основ рейтинга Путина).

И при том, что не стоит переоценивать степень влияния РПЦ в Кремле и степень готовности Кремля во всем идти ей навстречу: участвовавшие попытки РПЦ вмешиваться в светскую жизнь и выполнять роль нового идеологического отдела ЦК КПСС вызывают в обществе нарастающее раздражение.

А когда патриарх Кирилл заявляет, что возвращение Исаакиевского собора РПЦ в год столетия революции важно для примирения народа и «должно стать олицетворением согласия и взаимного прощения «белых» с «красными», верующих с неверующими, богатых с бедными» – необходимо констатировать, что все обстоит ровным счетом наоборот. И не только потому, что ни о каком «возвращении» говорить нельзя, ибо Исаакий никогда церкви не передавался, и даже православный царь в конце 19 века в этой передаче отказал. А и потому, что именно объявленные намерения передать Исаакий РПЦ это примирение разрушили, вызвав серьезные протесты.

Нынешний статус Исаакия, как государственного музея, где свободно (и при отсутствии аншлага) проходили службы, устраивал практически всех – никаких протестов не было. Никто в Петербурге не выходил на улицы, требуя прекратить в Исаакии богослужения, и никто не выходил на улицы, требуя выселить государственный музей. И неуклюжие обвинения противников передачи Исаакия в том, что они-де «готовят майдан» и «раскачивают лодку» тоже, что называется,

пальцем в небо: «раскачивает лодку» в этой ситуации (как и в других) именно власть — принимая неразумные решения, без оглядки на общество.

Что дальше? При том, что никакого решения о передаче Исаакия формально еще нет и не может быть? И нет даже полагающегося для начала процесса официального обращения от РПЦ (о том, что его нет, мне сообщено в ответе губернатора Петербурга)?

Дальше — надо остановиться и думать.

«Сверху», как представляется, показали что вопрос обсуждаем. Что могут быть другие решения, кроме тех, о которых нам было заявлено, как о состоявшихся. Что власть готова к дискуссиям и компромиссам.

Каковым, заметим, является именно нынешнее положение Исаакия, как государственного музея, где идут службы, и именно это и может быть тем самым «совместным использованием», о котором нам говорят. И которое, как уже сказано, до сих пор устраивало всех.

Доставлены и оставлены

14 июня 2017 года

Бывают ситуации, когда надо выходить на «несанкционированный» митинг или шествие.

Когда акция необходима — потому, что нельзя молчать, а власть нагло отказывает в проведении акции или отправляет протестующих в заведомо непригодное место, — политики могут призвать выйти на улицу в «несогласованном» режиме.

Вот только, призывая к этому, они должны отвечать за всех, кого они зовут на улицы, а не только за себя.

А значит — они обязаны быть готовы к тому, что может произойти.

К возможным задержаниям, когда люди, которых призвали «выходить и ничего не бояться, потому что закон, право, правда и здравый смысл на нашей стороне», окажутся сперва в автозаках, потом в отделах полиции, а потом — в суде.

С шансами получить не только штраф (в размере от 10

тысяч рублей), но и административный арест на срок до 15 суток. Со всеми вытекающими для их жизненных планов последствиями.

Значит, те, кто зовет на несогласованную акцию (независимо от их мотивов) обязаны заранее подготовить юридическую помощь задержанным — адвокатов и общественных защитников (потому что столько адвокатов не напасешься).

Обязаны заранее подготовить волонтеров, которые будут объезжать отделы полиции, развозя задержанным воду и еду, туалетную бумагу и салфетки. И собрать деньги, на которые это все придется покупать, потому что коммунизм еще не наступил.

Обязаны позаботиться о машинах, на которых «мобильные бригады» будут объезжать отделы полиции, узнавая о задержанных, и доставляя воду и продукты, требуя от полиции соблюдения закона.

Обязаны заранее (а не когда людей начнут хватать и отправлять в автозаки) договориться о взаимодействии с членами Общественной наблюдательной комиссии — их должны пускать к задержанным.

Обязаны подумать, где будет работать центр помощи задержанным, в котором будут составлять списки задержанных, распределять волонтеров по отделам полиции, направлять адвокатов и общественных защитников, отвечать на звонки родственников задержанных и журналистов.

Они обязаны понимать, что заниматься этим, если начнутся задержания, должны в первую очередь они — а не кто-либо другой. Что это, в первую очередь, их ответственность перед людьми.

На практике, увы, бывает иначе, в том числе в Петербурге после «антикоррупционных» акций 26 марта и 12 июня. Могу судить, по собственному опыту: 26 марта пять часов провел в полиции, добиваясь освобождения задержанных, а 12 июня мы с общественниками более восьми часов ездили по отделам полиции, где находилось более 600 задержанных. И в обоих случаях основную нагрузку по помощи задержанным

взяли на себя гражданские активисты и правозащитники, не имеющие к организации этих акций никакого отношения...

Кроме этого, инициаторы «несогласованного» выхода обязаны предупредить протестующих – что с ними может случиться на несогласованной акции, и как им себя вести. Потому что заявления о Конституции, которая гарантирует право на мирные собрания (что чистая правда) хорошо выглядят в твиттере, но пока не работают в полиции или в суде.

Поэтому тех, кто пойдет на несогласованную акцию, надо заранее и честно предупредить о последствиях.

Посоветовать, чтобы они взяли с собой документы и лекарства (кому нужно), потому что из полиции в аптеку не выпустят, а «Скорую» могут и не вызвать.

Чтобы взяли аккумуляторы – зарядить мобильные телефоны, когда они «сядут», потому что подзарядить будет негде. И тогда им не удастся даже сообщить, где они находятся, и что с ними происходит.

Чтобы они знали свои права: знали, что могут не свидетельствовать против себя (по 51-й статье Конституции) и не обязаны сдавать отпечатки пальцев (даже если за отказ будут грозить арестом).

Чтобы они заранее попытались договориться со знакомыми адвокатами (у кого есть) об оперативной помощи, если она понадобится.

Чтобы несовершеннолетние, которые собираются идти на несогласованную акцию, знали, что если их задержат – из полиции их передадут только родителям или другим законным представителям, даже если им уже 17 лет и они умеют жить вполне самостоятельно. Потому, что если родители не придут – их двое суток продержат в «центре временного содержания несовершеннолетних», а потом повезут в суд, который может задержать их до появления родителей еще на 30 суток.

Пример привести просто – опять же, из личной практики. Ночью 12 июня в Петербурге, после «антикоррупционной акции», выяснилось, что задержана 17-летняя девушка-сту-

дентка из Тульской области. И родители в принципе не могут раньше, чем на следующий день, за ней приехать. Что, слава богу, и произошло, но если бы она приехала учиться с Дальнего Востока? Но в любом случае, ни ей, ни другим несовершеннолетним, которые в большом количестве вышли 12 июня на Марсово поле (потом полиция заявит, что чуть ли не четверть задержанных – несовершеннолетние), никто не удосужился заранее все это объяснить...

Среди тех, кто выходил на улицы в Петербурге как 26 марта, так и 12 июня, молодежь составляла подавляющее большинство. Причем, в основном это были совсем молодые ребята – от 18 до 23 лет.

Придя на Марсово поле, они наглядно убедились, как к ним относится власть – разогнавшая их мирный протест. Говорить об их доверии к власти теперь бесполезно.

Но если они убедятся, что для кого-то из оппозиционных политиков они не более, чем «боевая единица», численностью которой можно козырять в разговорах с властью, не более, чем массовка, которой не надо ничего объяснять (а надо только указывать, куда идти), и которой, случись что, они не окажут реальной помощи – они точно так же откажут в доверии и этим политикам. И тогда об изменениях к лучшему в стране можно будет забыть надолго.

Выйти из круга

7 июля 2017 года

Два опасения присутствуют в общественном сознании в преддверии президентских выборов 2018 года.

Первое (у сторонников действующего президента): все в стране держится на Владимире Путине, только он может решать стоящие перед страной проблемы. Его нечем заменить, если он уйдет – все рухнет, настанет полная катастрофа.

Второе (у противников действующего президента): тот, кто придет вместо Путина, в условиях почти уничтоженных политических институтов и «сдержек и противовесов», может очень быстро превратиться в такой же источник произвола – «Путина 2.0».

Эти опасения вызваны одним и тем же фактором – гипертрофированными президентскими полномочиями, делающими огромную страну заложником желаний, настроения и здоровья человека, занимающего пост главы государства.

Заметим: самодержавная (точнее, самовластная) политическая система, сконструированная сторонниками Бориса Ельцина в 1993 году для того, чтобы «развязать ему руки» и дать возможность править, не считаясь с непослушным парламентом, за последние годы еще усилилась.

Президент, который и до того издавал указы, де-факто имеющие силу закона, единолично назначал и увольнял правительство, мог под угрозой роспуска навязать Госдуме назначение «своего» премьера, представлял кандидатуры главы Центробанка, Генпрокурора и судей высших судов (а всех прочих судей просто назначал), за «путинские» годы расширил свои полномочия.

Он получил право представлять кандидатуры председателя Конституционного суда, его заместителей, кандидатуры заместителей Генпрокурора, согласовывать состав Счетной Палаты, отстранять от должности избранных глав регионов, назначать руководителей государственных корпораций...

Тем не менее, маловероятно, что в этих условиях уход Путина, на которого замкнуты очень многие рычаги управления, станет катастрофичным – скорее, это укоренившаяся пропагандистская «страшилка», должная обосновать его пожизненное и несменяемое правление.

Однако, вполне вероятно другое: если власть в стране сменится – тот, кто придет вместо Путина, найдет в президентских полномочиях очень много приятного. И не станет их сокращать (или ограничивать), решив, что уж он-то, в отличие от Владимира Владимировича, употребит их исключительно на благое дело.

У него есть право назначать правительство? Ну конечно же, он назначит туда других, куда лучших министров, чем прежние.

У него есть право назначать судей? Ну конечно же, он назначит других судей, которые посадят всех «путинских» коррупционеров.

У него есть право снимать губернаторов? Ну конечно же, он снимет единокороссовских губернаторов – жуликов и воров, – и поставит честных.

Правда, потом выяснится, что у назначенных им министров преданность новому президенту оказалась, большей частью, их единственным достоинством.

Что назначенные им судьи, большей частью, принялись сажать не коррупционеров, а противников нового президента.

И что назначенные им губернаторы воруют ничуть не меньше прежних.

А дальше... а дальше начнет выясняться, что то, что раньше нагло забирал дракон, теперь в руках лучших людей города.

Что государственные заказы почему-то оказываются, большей частью, у компаний, которыми владеют или руководят друзья нового президента.

Что у бизнесменов, которые финансируют оппозицию новому президенту, почему-то возникают большие проблемы с правоохранительными органами.

Что критики нового президента – это враги, злопыхатели, экстремисты, «пятая колонна», финансируемая из-за рубежа.

Наконец, выяснится, что новому президенту надо дать время поработать как можно дольше – потому что он должен не только исправить ошибки своего предшественника, но и привести страну к процветанию. А его уход, как будут уверять его горячие сторонники, станет катастрофой для страны, потому что все держится на новом президенте...

И политический круг замкнется.

Можно ли вырваться из этого замкнутого круга?

Да, можно. Единственным путем – принципиальным отказом от самодержавия как политического института.

Принципиальным отказом от существования единоличного руководителя государства, обладающего огромными властными полномочиями.

Переходом к парламентской республике, где президентского поста нет вообще (или президент – формальная фигура, как, скажем, в Германии или Италии), правительство назначается парламентом по итогам выборов, а партии кон-

куруют между собой на выборах за право формировать правительство.

В такой системе принципиально не возникает ситуации, когда все держится на одном человеке – а без него перестает работать.

В такой системе принципиально не возникают ситуации, когда за все отвечает один человек – а значит, реально не отвечает ни за что, потому что не в силах человеческих решать такое количество проблем огромной страны, а исправлять его ошибки некому.

В такой системе невозможно решением одного человека начать войну или потратить сотни миллиардов рублей налогоплательщиков, наделить «друзей» гигантским имуществом или правом класть в себе в карман прибыль от добычи природных ресурсов.

В такой системе невозможно назначение одной подписью на высокую должность (с правом принимать решения, меняющие жизнь десятков миллионов граждан) заведомого непрофессионала или проходимца, по принципу «умные не надобны – надобны верные»

В такой системе невозможна концентрация вокруг главы государства подхалимов и льстецов, которые будут рассказывать ему, какой он умный, значительный и великий, как он разбирается во всем на свете и какие мерзавцы те, кто в нем сомневается – причем, рано или поздно, он обязательно в это поверит...

Да, этот переход (связанный не только с конституционными изменениями, но и с изменением ментальности, поскольку власть в стране всегда была персонифицирована) очень непрост. Но иного пути нет. Если мы хотим бороться с причинами, порождающими кризис, а не с его неизбежными следствиями.

Необходима не замена «плохого царя» на «хорошего» – необходим отказ от «царизма» как системы.

Отказ от президентской модели государственного устройства, введенной в 1991 году исключительно для обеспечения единоличной власти Бориса Ельцина.

Кандидаты в президенты от оппозиции должны ставить задачу принципиально изменить «путинскую» систему – а не задачу стать «путиными».

Иначе и дальше будем ходить с завязанными глазами по одному и тому же замкнутому кругу.

Старые песни о real thing. Если Навальный претендует на власть, он должен привыкать к критике

19 июля 2017 года

За день до судьбоносного согласия Алексея Навального дебатировать с Игорем Гиркиным-Стрелковым, чтобы получить на выборах голоса националистов, Юлия Латынина разразилась в «Новой газете» гневной отповедью его критикам из оппозиционного лагеря.

Андрей Илларионов, Владислав Иноземцев, Илья Пономарев были названы завистниками, трусами и лузерами. Фейками (в отличие от Навального, который весь из себя the real thing). Критикующими его вместо того, чтобы признать его неоспоримое превосходство и заткнуться, единодушно поддерживав его, как «выигравшего праймериз на руководство оппозицией».

Параллельно со статьей Латыниной появился целый ряд текстов, где неразумным читателям объяснялось: хорош Навальный или плох – не имеет значения, у оппозиции нет другого лидера, ему нет альтернативы, он единственный таран, которым можно пробить эту стену. Поэтому надо его поддерживать, не раздумывая, критиковать его сейчас – предательство интересов борьбы с кровавым режимом, это можно будет себе позволить только после его победы на президентских выборах. А ежели он, придя к власти, начнет делать что-то не то – будем его поправлять, на него влиять, и даже (безумству храбрых поем мы песню) противостоять его наполеоновским замашкам. Но сегодня всякий, кто его не поддерживает – тем самым поддерживает Путина...

Что-то очень знакомое слышится во всех этих выступлениях.

И видятся очень знакомые грабли, на которые не раз уже наступали.

«Кто не за реформы Гайдара – тот за возврат к коммунизму», «кто не за разгон Верховного Совета – тот за красно-коричневыми», «кто не за Ельцина в президенты – тот за Зюганова», «кто не за Путина – тот за террористов», «кто не за Навального в мэры – тот за Кремль и Собянина».

В общем, классическое большевистское «кто не с нами – тот против нас!».

И, конечно же, тому кого горячо поддерживаем «мы», всегда «нет альтернативы», и только он всегда занят «реальными делами», в отличие от критиков, которые только и могут в бессильной злобе завидовать его деяниям. А если у него и есть недостатки, то надо закрыть на них глаза и поддержать его, ибо он – безусловно меньшее зло на фоне тех, кому он противостоит...

Правда, ходьба по этим граблям всегда заканчивалась одинаково.

Например, в 1990-1992 годах, когда лидеры «Демократической России», прекрасно понимая, что представляет собой Борис Ельцин, убедили граждан, что именно он и есть самый настоящий демократ. А все, кто с ним не согласен – само собой, не демократы.

Заметим: Ельцина они называли «переходной фигурой», которая будет править временно – до тех пор, пока не укрепятся демократические институты и не пройдут необходимые либеральные реформы, а потом уступит место настоящему демократическому президенту. Правда, затем вся эта стройная конструкция рухнула – потому что Ельцин категорически отказывался считать себя «переходной фигурой», и никому свое место уступать не собирался. Но поскольку образ главного демократа был создан – все, что он делал (включая грубейшие ошибки) автоматически становилось «демократией». Вследствие чего это слово надолго стало ругательным...

Или – в 1996 году, когда «голосовали сердцем» за Ельцина, которому или «не было альтернативы», или он был «меньшим злом», чем коммунисты.

Чем это закончилось? «Залоговыми аукционами», дефолтом, обвалом рубля, второй войной в Чечне, операцией «Наследник» и приходом Путина на 17 лет (а, вполне возможно, и на 24 года).

Что касается того, что, мол, ежели что – будем поправлять и влиять, то хочется спросить: ну и сильно удалось «повлиять» на того же Ельцина? Многие из тех, кто его яростно поддерживал, потом сокрушенно разводили руками: мол, кто же мог подумать, что так будет? Но ведь их предупреждали – правда, они ничего не хотели слушать...

Отметим важное обстоятельство: агитация за Навального обращена, в основном, к тем, кто по возрасту не помнит, как наступали на эти грабли, не имеет политического иммунитета к демагогии «кто не с нами – тот против нас», и готов вливаться в ряды фанатов, объединенных не идеей, а верностью вождю, который всегда прав. Уверенных, что ему нет и не может быть альтернативы. Готовых травить, как врага, любого, кто его критикует, или хотя в нем сомневается. Считать, что несогласные с вождем выступают против него или за деньги, или по чьим-то указаниям.

Это стремление обязательно получить вождя (третье десятилетие культивируемое некоторыми властителями либеральных дум) и есть самое опасное в нынешней ситуации. Потому что фанаты Путина действуют ровно по таким же лекалам, что и фанаты Навального.

В их сознании Путину «нет альтернативы», и он единственный, кто занят реальным делом – в отличие от его оппонентов. В их сознании все, что говорит и делает Путин, верно по определению – даже если сегодня он говорит прямо противоположное вчерашнему. В их сознании все, выступающие против Путина – неудачники, маргиналы, враги, предатели, «пятая колонна», оплаченная Госдепом.

Если Навальный сейчас с удовольствием опирается на персонажей, считающих его непогрешимым вождем и извер-

гающими потоки брани в адрес его оппонентов в ответ на любую критику – очевидно, что на таких же людей он будет опираться и придя к власти. А поскольку он планирует менять не систему, а людей – то очень быстро мы получим на федеральных каналах, условно говоря, Латынину вместо Соловьева и Альбац вместо Киселева. Которые точно так же, как сегодня, будут восхвалять его и клеймить его оппонентов.

Между прочим, тот факт, что Навального окружают не последователи, а фанаты, все чаще отмечают даже те, кто ему симпатизирует. И хотя среди его сторонников есть и те, кто фанатизму не подвержен – не они задают тон. И не они, а фан-клуб Навального имеет карт-бланш на «Эхе» и «Дожде» – где без устали рассказывает, какой он замечательный, а его критики – земляные червячки, завидующие его эффективности.

По этой логике, ни на что не способными завистниками, трусами и лузерами должны быть объявлены не только такие критики, как Андрей Илларионов (опубликовавший, например, чрезвычайно подробное расследование позорной агрессии России против Грузии в 2008 году – которую Навальный горячо приветствовал), но и Лев Шлосберг, критикующий Навального за отсутствие ясной программы действий в случае победы на выборах. В 2015 году именно он предал огласке участие псковских десантников в агрессии на востоке Украины, и поплатился за это бандитским нападением. Готова ли Латынина назвать его «трусом»?

Что касается the real thing, то, помнится, Юлия Леонидовна многократно восхищалась младшим Кадыровым, называя «эффективным лекарством от боевиков». Вполне себе the real thing – как и Сергей Собянин (чью «ночь длинных ковшей» Латынина приветствовала). Ну чем не лидеры оппозиции?..

Тот, кто претендует на власть в стране, должен привыкнуть к тому что его будут критиковать – и начнут делать это еще до выборов. В том числе – и критиковать за такие решения, как согласие дискутировать с Гиркиным-Стрелковым. Одной только его злобной радости от сбитого «Боинга» (помните «птичкопад» и «предупреждали же не летать в нашем небе»?)

уже было бы достаточно, чтобы не вступать с ним ни в какие дискуссии по чисто гигиеническим соображениям. А есть еще его прямое участие в развязывании конфликта на востоке Украины – вследствие чего дискутировать с ним должен исключительно государственный обвинитель.

Проблема, впрочем, не только в том, что нельзя дискутировать с преступником.

Проблема в том, что Навальный открыто заявляет, что хочет в результате этой дискуссии получить голоса националистов.

Сколько лет его фанаты доказывали нам, что он никакой не националист, что это грехи молодости? Правда, теперь его фанаты с нерассуждающей страстью кидаются доказывать, что и в этом решении он прав, что Гиркин «представляет значительную часть электората», и что дискуссию с ним надо «превратить в допрос». Вот только после допроса обычно следует суд – а вовсе не выборы.

Последнее. Якобы «праймериз на руководство оппозицией», которые «выиграл Навальный», существуют только в воображении Латыниной. Да, 26 марта и 12 июня на улицы вышли многие. Но они вышли не для поддержки Навального как кандидата в президенты – а потому, что их возмущает ситуация в стране.

На «болотные» митинги выходило куда больше людей – но никто по их результатам не объявлял никого «руководителем оппозиции».

И правильно делал: у оппозиции вообще не должно быть «руководителя», а тем более, назначенного мнением обожающих его журналистов.

У оппозиции должны быть идеи, которые поддерживаются гражданами, и лидеры – не один, и не два, а гораздо больше, – которые эти идеи артикулируют и за которыми граждане готовы идти.

И у оппозиции должны быть сторонники, верные идеям и принципам, а не фанаты, верные только вождю.

«Муниципальный фильтр»: крупные частицы не проходят, а мелкие просачиваются

26 июля 2017 года

Неудавшееся выдвижение в губернаторы Свердловской области Евгения Ройзмана – пожалуй, последнее доказательство абсурдности предложенного пять лет назад Дмитрием Медведевым (тогда еще президентом) так называемого «муниципального фильтра».

Если пройти этот «фильтр», получив право на участие в выборах губернатора, не может мэр региональной столицы и один из самых популярных политиков в области – о чем еще говорить?

Впрочем, непохоже, чтобы в Кремле собирались отказываться от этого «фильтра», который позволяет на словах говорить о выборности губернаторов, а на деле отсекает от этих выборов оппозицию.

Напомним, что когда Медведев (заканчивавший свой президентский срок) предлагал вернуть выборность губернаторов, он говорил о необходимости для кандидатов заручиться поддержкой со стороны муниципальных депутатов, поскольку это мол, покажет уровень их реальной поддержки в регионах, и поможет людям определиться – за кого из кандидатов голосовать.

Лукавство этих заявлений было очевидно еще тогда. Как известно, подавляющее большинство муниципальных депутатов в стране либо избрано от «Единой России», либо так или иначе зависит от властей. И предложение «заручиться поддержкой части муниципальных депутатов» на самом деле означает предложение оппозиционным кандидатам пойти к единороссам и договориться о допуске на выборы. В противном случае, скорее всего, их к выборам не допустят, поскольку «муниципальный фильтр» они не пройдут. А поскольку единороссы не так глупы, чтобы помогать зарегистрироваться

сильным оппонентам — выборы, большей частью, становятся игрой с заранее известным результатом.

К тому же, — о чем нечасто вспоминают, — для того, чтобы пройти «муниципальный фильтр», надо не только собрать от 5% до 10% (в зависимости от того, что установлено соответствующим региональным законом) подписей муниципальных депутатов. Надо еще, чтобы эти подписи были собраны не менее чем в трех четвертях общего числа муниципалитетов.

Второе условие очень часто оказывается еще труднее, чем первое. В том числе, потому, что если единороссы, контролируя подавляющее большинство муниципальных депутатов, обяжут ВСЕХ депутатов от чуть больше четверти муниципалитетов поставить подписи за своего кандидата и заранее выбранных ему спарринг-партнеров — и получится «блокирующий пакет», который даже теоретически не позволит оппозиции выдвинуть своего кандидата...

Пятилетняя практика губернаторских выборов вполне оправдала эти предположения.

За эти годы выборы прошли в 71 регионе, и за единственным исключением, выборы выиграли или действующие губернаторы, или временно назначенные на этот пост президентом, выдвинутые или поддержанные «Единой Россией». Что касается других кандидатов, то пройти «муниципальный фильтр», как правило, смогли лишь представители думских партий — КПРФ, «Справедливой России» и ЛДПР, да и то не всегда им это удавалось: там, где у них были сильные кандидаты, способные составить реальную конкуренцию кандидату от партии власти, обязательно возникали проблемы.

Так, в 2012 году в Белгородской области коммунисты и «эсеры» вообще отказались идти на выборы — заявив, что им не пройти «фильтр» без сговора с штабом действующего губернатора, а в Новгородской области представители этих же партий не смогли собрать голоса муниципалов. «Эсеры» не смогли собрать голоса муниципальных депутатов в 2012 году в Рязанской области, в 2014 году — в Кировской области, Башкортостане и Петербурге (где к выборам не допустили одного

их самых популярных в городе политиков, депутата Госдумы Оксану Дмитриеву), в 2016 году – в Тульской области. Коммунисты, имевшие в ряде регионов сильных кандидатов в губернаторы, не смогли собрать голоса муниципалов в 2014 году в Липецкой и Нижегородской областях, в 2016 году – в Тверской области (депутату Госдумы Вадиму Соловьеву помешало именно условие сбора подписей в 75% муниципалитетов).

Если же говорить о непарламентских партиях, то здесь картина еще выразительнее. Примерно в десятке регионов зарегистрироваться смогли кандидаты от «Патриотов России» и «Коммунистов России», по несколько удачных попыток регистрации у «Родины», «Зеленых», «Гражданской платформы», «Правого дела» и «Казачьей партии». В отдельных случаях регистрировались даже кандидаты от таких экзотических партий, как «Города России», «Честно», «Партия свободных граждан», «Автомобильная Россия», «КПСС» и «Партия социальной справедливости». Вряд ли все они имели на своем счету достаточное число муниципалов – скорее, в большинстве случаев «спонсорскую помощь» им оказывали единокороссы, имитируя конкуренцию на выборах без какого-либо опасения за их результат. Да и реальной оппозицией назвать перечисленные партии сложно. При этом на выборах в Курской области в 2014 году не смог зарегистрироваться бывший вице-президент и бывший губернатор Александр Руцкой – представлявший партию «Демократическая правовая Россия».

Наконец, «Яблоку» за пять лет удалось зарегистрировать кандидата на губернаторских выборах в четырех регионах – Брянске в 2012 году (Андрей Пономарев), в Москве в 2013 году (Сергей Митрохин), Московской области в 2013 году (Геннадий Гудков) и в Ульяновской области в 2016 году (Олег Горячев), в остальных случаях оно или не участвовало, или не смогло собрать голоса. При этом в Брянске потом случился скандал – Пономарев снял свою кандидатуру в пользу губернатора Николая Денина, был обвинен в сговоре с властями и исключен из партии. В 2014 году Лев Шлосберг очень

близко подошел к прохождению «муниципального фильтра» – собрав 149 из 157 необходимых подписей, но дальше пойти не смог из-за давления администрации области на муниципальных депутатов (Шлосберг по праву считался реальным конкурентом губернатора Андрея Турчака).

«Парнас» смог зарегистрировать своего кандидата только на выборах в Москве в 2013 году (Алексей Навальный, но ему, как и Митрохину, часть голосов по команде мэра дали единороссовские муниципалы). В других случаях, даже когда у «Парнаса» были общие кандидаты с «Яблоком» (как в Архангельской области в 2015 году), пройти «фильтр» не удалось.

В итоге единственная ситуация, где выборы пошли не по кремлевскому сценарию, была в Иркутске в 2015 году, где победил Сергей Левченко из КПРФ, обыгравший действующего губернатора Сергея Ерощенко. Эти же выборы – единственные, где пришлось проводить второй тур для определения победителя, причем в первом туре Ерощенко лишь полпроцента (!) не дотянул до победы, набрав 49.6% голосов. Но во втором туре все перевернулось...

С учетом выборов губернаторов, которые должны пройти в этом году (в 12 регионах), пройден практически полный цикл – по всей стране. И выводы неутешительны: «муниципальный фильтр» оказался сильнейшим ограничителем политической конкуренции, административным инструментом, который не допускает на выборы оппозиционных кандидатов – или допускает только тех, кто договорился об этом с властями.

На этом фоне лукавством выглядит позиция Конституционного суда, который в декабре 2012 года признал «муниципальный фильтр» соответствующим Конституции, заявив, что федеральный законодатель «вправе ставить условия, исключающие участие в выборах тех кандидатов, которые не имеют достаточной поддержки избирателей», а подписи муниципалов будут означать «признание реальной способности кандидата в случае победы на выборах действовать в интересах жителей региона».

Как показывает практика, способность или не способность пройти «муниципальный фильтр» не имеют никакого

отношения ни к достаточной поддержке избирателей, ни к способности действовать в интересах жителей.

Вряд ли кто-то сомневается, что, скажем, Оксана Дмитриева, Лев Шлосберг или Евгений Ройзман вполне удовлетворяют этим условиям. Но они могут выиграть выборы у кандидата от партии власти – значит, надо их (и других опасных конкурентов) на выборы не допустить.

Резюмируем: «муниципальный фильтр», при котором муниципальные депутаты (или те, кто отдает им указания) наделены правом ограничивать выбор избирателей – решая, кто имеет право участвовать в выборах губернаторов, а кто не имеет, – нуждается в скорейшей отмене. Или, как минимум, – в качестве первого шага, – в освобождении от необходимости его «проходить» для партий, которые представлены в Госдуме или в соответствующем региональном парламенте, и уже показали, что имеют поддержку избирателей.

Иначе нельзя будет не согласиться с Ройзманом, заметившим, что человек, придумавший слова «муниципальный фильтр», был на самом деле очень точен: «крупные частицы не проходят, а мелкие и слизь – просачиваются...».

P.S. За отмену «муниципального фильтра» для парламентских партий еще в апреле выступили все думские фракции, кроме единороссов. Поддержала это предложение и глава ЦИК Элла Памфилова.

Несколько дней назад первый замглавы администрации президента Сергей Кириенко выступил за отмену фильтра, если он превращается в способ не пустить кандидатов на выборы.

Однако, сразу за ним за сохранение фильтра высказалась спикер Совета Федерации Валентина Матвиенко – заявившая, что муниципальный фильтр был принят, «чтобы не допустить к выборам случайных людей».

Эта задача, как показано выше, решается весьма эффективно: «случайных» кандидатов в губернаторы, – которые не уstraивают власть, – практически не бывает.

Новая «царица доказательств»

5 августа 2017 года

В судебной практике времен древнего Рима «царицей доказательств» называли признание подсудимого – после чего обсуждать было уже нечего.

Впоследствии эту формулу возродил сталинский прокурор Крыленко – но и сам стал жертвой созданного при его участии репрессивного механизма.

Ну, а в современной российской судебной практике «царицей доказательств» все чаще становится полицейский донос, рассматриваемый отечественной Фемидой как истина, не подвергаемая сомнению.

Это началось не вчера и даже не позавчера – первые ласточки прилетели лет десять-двенадцать назад, когда начались митинги против «монетизации льгот», а затем «марши несогласных». И задержанных граждан начали судить, опираясь исключительно на полицейские протоколы и рапорты, и «критически относясь» к аргументам защиты.

Тогда, впрочем, в судах порой еще можно было оправдаться – поставить под сомнение «обвиняющие» протоколы, найти в них очевидные проколы, привести свидетелей, доказывающих, что никаких нарушений закона задержанные не совершали.

Так, в январе 2008 года суд в Петербурге оправдал Наталию Евдокимову – многолетнего депутата Законодательного Собрания, задержанную (вместе со многими другими) в ноябре у офиса Петербургского «Яблока».

В протоколе об административном задержании было указано, что Евдокимова, якобы, «участвовала в шествии и митинге», «неоднократно предупреждалась сотрудниками милиции о незаконности ее действий», но их «не прекратила». Что было полным враньем – никто к Евдокимовой не обращался и ни о чем не предупреждал, ее задержали в тот момент, когда она спокойно стояла у стены.

Столь же фальшивые протоколы (как под копирку) были составлены и на других задержанных – писали с одного об-

разца. Но потом был суд – и на основании просмотра видеозаписи происшедшего и показаний свидетелей (в том числе, автора статьи) было принято решение об отсутствии в действиях Евдокимовой каких-либо нарушений. Оправданы были и многие другие из задержанных.

В 2017 году подобное в том же Петербурге повториться уже бы не могло.

После публичных акций 26 марта, 29 апреля и 12 июня, когда задержаны были сотни людей, судебная машина превратилась в конвейер, работавший исключительно на основании протоколов, составленных полицейскими.

Решения районных судов об арестах и штрафах принимались с демонстративным игнорированием любых аргументов защиты задержанных, без каких-либо доказательств их вины, с предоставлением часа (!) на поиски защитника для тех, кто требовал отложить заседание суда, чтобы можно было найти грамотного юриста для своей защиты.

Все, что было написано в протоколах о задержании, заведомо рассматривалось как доказательства, «не доверяя которым у суда нет оснований» (даже если это полностью опровергалось видеозаписями или показаниями свидетелей), и «достаточными для установления вины».

В протоколе написано, что кричал «Путин – вор!» и «Надоел»? Значит, так и было, и неважно, что нет ни одного доказательства, это подтверждающего – ни видео, ни показаний свидетелей, не служащих в полиции.

В протоколе написано, что не подчинился предложению покинуть место митинга? Значит, так и было, и неважно, что задержанный не слышал этого любезного предложения, или в принципе не мог его принять, поскольку попал в кольцо оцепления.

В протоколе написано, что «напал на полицейского», за что-нибудь его «схватил» или «ударил»? Значит, это чистая правда: полицейскому ведь (по мнению суда) незачем говорить неправду. Хочется спросить: а если, например, я заявлю, что полицейский на меня напал и ударил, и подам в суд, не предъявляя никаких тому доказательств – кто-то верит,

что этого будет достаточно для ареста полицейского? И что в решении суда будет написано, что нет оснований сомневаться в моих словах?

Что же касается доводов защиты, суды неизменно относились к ним «критически», объявляли их «надуманными», а объяснения задержанных оценивали как «несостоятельные» и «высказанные с целью избежать установленной законом ответственности» (!).

Эти цитаты взяты из решения суда по делу Ивана Кравчука – практиканта в фонде Александра Сокурова, случайно оказавшегося 29 апреля среди участников акции «Открытой России» у станции метро «Горьковская» в Санкт-Петербурге. Рядом с метро находится студия «Ленфильм», где размещается фонд Сокурова, и куда шел Кравчук – и, едва выйдя из метро, он попал в полицейское окружение и был задержан.

Точно по такой же логике оштрафовали или арестовали тех, кто участвовал в антикоррупционных акциях 26 марта и 12 июня – в том числе тех, кто или случайно там оказался (вышел их кафе на Невском проспекте, увидел «движуху», прошел 100 метров – и попал в автозак), или пришел на Марсово поле, но не выкрикивал никаких лозунгов и не держал плакатов. Оправдаться было невозможно – просто потому, что оправдания рассматривались как заведомо ложные показания, продиктованные стремлением уйти от заслуженного наказания...

Это – полное опрокидывание конституционного принципа презумпции невиновности и фактическое введение противоположного принципа – «презумпции виновности оппонентов власти».

Конституция и закон предписывают толковать неустранимые сомнения в виновности в пользу обвиняемых – но российские суды, когда речь идет о критиках власти, толкуют эти сомнения в пользу обвинения.

Конституция и закон устанавливают, что никто не обязан доказывать свою невиновность – но российские суды требуют от критиков власти доказывать, что они не совершали противозаконных деяний.

Стоит заметить, что практически по такой же схеме в последнее десятилетие суды рассматривают и дела, связанные с выборами.

Так, при решении вопросов о регистрации оппозиционных партий на выборах (путем сбора подписей), вводится презумпция виновности этих партий: нанятые избиркомами эксперты без всякого суда объявляют собранные подписи «недостоверными», заставляя оппозиционеров обращаться в суд, чтобы подтвердить достоверность подписей. Когда же те приходят в суд – выясняется, что он не принимает никаких доказательств достоверности, полагая, что эксперты не могут ошибаться. И даже личные свидетельства тех, кто ставил подписи, не принимаются в качестве доказательства – мол, «у нас есть справка, что подпись не ваша».

Ну, а то, что происходит при рассмотрении в судах дел о фальсификациях на выборах в пользу партии власти и против оппозиции – просто театр абсурда.

Раз за разом показания членов избиркомов (об отсутствии нарушений) рассматриваются как объективные, беспристрастные и заслуживающие доверия, а аргументы оппозиционных кандидатов и наблюдателей оцениваются критически, считаются необъективными и ставятся под сомнение. И уверенно выносится решение об отсутствии нарушений – какие бы доказательства фальсификаций не были представлены.

Собственно, все это – хорошо забытое старое: недоброй памяти принцип сталинских времен «органы не ошибаются». Принцип деятельности полицейского государства, принципиально отличающегося от правового.

Где полиция, прокуратура, суд – не более чем, разные отделы одного и того же «департамента репрессий», действующие согласованно во имя решения общей задачи: покарать тех, кто посмел выступить против власти. И превращенные из правоохранительных органов в охранку, ибо охраняют не право, а режим.

Ветви власти против Конституции

4 ноября 2017 года

Одна из самых малозаметных статей российской Конституции – 18-я.

«Права и свободы человека являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов и деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления, и обеспечиваются правосудием».

В защиту этой статьи – как 31-й (о свободе собраний) или 14-й (о светском государстве), или 41-й (о бесплатной медицинской помощи), – не проводят митинги и пикеты. А жаль: стоило бы.

Потому что именно эта статья – ключевая.

В ней сказано (если перевести с юридического на русский), что единственная задача всех трех «ветвей власти» – заботиться о конституционных правах граждан.

Законодательная власть должна принимать законы, направленные на максимальное облегчение реализации этих прав.

Исполнительная власть должна обеспечивать использование этих прав.

Правосудие должно наказывать за нарушение этих прав.

В российской практике – с точностью до наоборот.

Законодательство направлено на усложнение реализации конституционных прав.

Исполнительная власть создает максимум препятствий для использования этих прав.

А правосудие наказывает не тех, кто нарушает права граждан, а тех, кто пытается этим правами воспользоваться.

Два самых наглядных примера – право на свободу мирных собраний и право на участие в управлении делами государства, избирать и быть избранным в органы власти.

Давайте взглянем на первое из этих прав – и посмотрим, в частности, на Петербург.

Как федеральное, так и городское законодательство, вместо того, чтобы помочь гражданам реализовать право на свободу собраний, максимально усложняет это право.

Самое главное здесь – закрепленное в федеральном законе 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» фактическое превращение уведомительного порядка проведения публичных акций (предполагающего, что уведомление нужно лишь для того, чтобы власть создала условия для нормального проведения акции) в разрешительный. А точнее – в запретительный.

Исполнительная власть может предложить организаторам публичной акции провести ее или в другом месте, или в другое время, и от этого предложения невозможно отказаться: в случае отказа акция объявляется «несогласованной», а, значит, незаконной и чреватой разгоном и задержаниями. Наличие этого положения в законе де-факто означает, что любые разногласия, возникающие между органами власти и организаторами публичной акции относительно места и времени ее проведения, будут решаться (и решаются) в пользу первых. Примеров множество – они будут приведены дальше.

Что касается петербургского закона о митингах и собраниях, то он закручивает все возможные «гайки», которые только может – в рамках возможностей, предоставленных федеральным законодательством.

Так, запретными для митингов, демонстраций и шествий объявлены самые популярные в городе места – Дворцовая и Исаакиевская площади (где, напомним, во время путча ГКЧП проходили самые массовые митинги) и Невский проспект.

Для «гайд-парков» (мест, где можно свободно собираться без уведомлений и согласований) установлена предельная численность митингующих в 200 человек, а для одиночных пикетчиков (также не требующих согласований) установлено максимально возможное по федеральному закону расстояние – 50 метров.

Установлен запрет на проведение митингов и пикетов ближе 50 метров от входа в образовательные учреждения – в результате невозможно провести митинг на ранее чрезвы-

чайно популярной для этих целей площади Сахарова (рядом – Санкт-Петербургский госуниверситет).

Теперь – о деятельности исполнительной власти.

В Петербурге, как уже сказано, администрация мешает проведению массовых акций, как только может, ставя перед организаторами практически непреодолимые барьеры. Чаще всего – предлагая, под абсурдными предлогами, перенести митинг или шествие в заведомо непосещаемые места.

Фантазия администрации при этом безгранична: неисчерпаем перечень «объяснений» того, почему митинг, шествие, пикет или демонстрацию никак нельзя провести именно в том месте и в то время, на которые они заявлены организаторами.

Хотите провести митинг у Мариинского дворца, с протестом против принимаемых там законов? Опасно: может рухнуть Синий мост через Мойку (самый широкий в городе, на котором ежедневно паркуются сотни машин).

Хотите поставить пикет у Смольного в знак протеста против решений губернатора? Нельзя: будете мешать проходу чиновников.

Хотите провести шествие по центральным улицам? Там, оказывается, ремонтируются фасады, и идти никак нельзя (а обычным гражданам, – не в режиме демонстрации, – идти, выходит, можно?).

Хотите 19 августа, – в день годовщины ГКЧП, – собраться у Мариинского дворца, где был штаб сопротивления? А там на всей Исаакиевской площади на весь день – работы по благоустройству (которых потом, как выясняется, просто не было).

Хотите 1 мая пройти (в праздники это можно) демонстрацией по Невскому? А по нему уже идут другие колонны, поэтому вам нельзя (хотя до этого многие годы по Невскому 1 мая ходили все по очереди – и никто никому не мешал).

Хотите занять Марсово поле? А оно, как на грех, занято под ранее заявленное мероприятие...

Относительно последнего заметим, что в уже многие годы в Петербурге (и не только в нем) сложилась практика отказов в согласовании публичных акций под «фейковыми» предлогами.

Якобы на этом месте (как правило – на весь день и на всей площади) проводится что-нибудь культурно-массовое или военно-патриотическое. Или какой-нибудь «праздник воды». Потом выясняется, что никакого мероприятия или не было вообще, или в нем участвовали три с половиной человека, и занимало оно буквально «пяточок» – но заявленная акция уже сорвана.

Что касается предложений о переносе акций в другие места, то они, как правило, издевательские.

Так, «Марш против ненависти» памяти убитого неонацистами ученого Николая Гиренко, который всегда проходил в центре, Смольный предлагал проводить то возле бензоколонки на реке Смоленке, то возле мусорной свалки в Новоселках.

Общегородской «Марш в защиту Петербурга» предлагали проводить то в Полюстровском, то в Удельном парке (на окраинах города).

Туда же регулярно отправляли и организаторов других акций, и нередко (как в случае с акцией памяти Анны Политковской) только вмешательство уполномоченного по правам человека в Петербурге Александра Шишлова помогало провести акцию.

Кроме этого, Смольный летом этого года исключил из перечня гайд-парков Марсово поле – в результате в центре города не осталось ни одной площадки, где можно собраться без согласований. Другую территорию в центре губернатор Георгий Полтавченко предоставлять отказывается.

Важное дополнение: все описанные трудности, конечно же, случаются лишь тогда, когда митинг, шествие или пикет хотят провести оппозиционные партии и движения, протестные группы, борющиеся с решениями Смольного, или заявители акций, которые не слишком приятны для властей. Лояльные партии и активисты никаких проблем в согласованиях не испытывают.

Наконец, о правосудии – точнее, о его отсутствии.

Начиная с того, что участников «несогласованных» акций разгоняют и задерживают в достаточно жесткой форме, и

заканчивая тем, что суды (как автор рассказывал в «Новой газете») практически неизменно принимают решения о наказании задержанных, основываясь исключительно на полицейских протоколах, и полностью игнорируя любые аргументы и доказательства защиты. Шансов оправдаться при таком заведомо обвинительном правосудии почти нет — немногие исключения лишь подтверждают правило.

Заметим: сам факт «несогласованного» или стихийного выхода граждан на улицу, — как напоминал на недавних депутатских слушаниях в петербургском парламенте уполномоченный по правам человека в Петербурге Александр Шিশлов, — еще не означает незаконности и не влечет последствия в виде разгона акции.

Об этом не раз говорилось в решениях Конституционного суда и Европейского суда по правам человека: ответственность за нарушение порядка проведения митингов должна наступать только в тех случаях, когда их проведение создало реальную угрозу общественной безопасности, жизни и здоровью как участников, так и других лиц. Но российская практика решительно противоречит этой теории...

Как сказано выше, реализация права на свободу собраний — только один пример, когда все три «ветви власти» по сути, выступают против 18-й статьи Конституции.

Все то же самое — с правом избирать и быть избранным: законы написаны так, чтобы максимально усложнить участие в выборах (начиная с выдвижения), исполнительная власть мешает честным и свободным выборам, как может, будучи, как правило, заинтересованной в противоположном (дабы на нечестных и несвободных выборах обеспечить себе желаемый результат), а суды защищают не нарушенные избирательные права граждан, а итоги сфальсифицированных выборов...

Изменить это ненормальное положение вещей можно только одним путем: сменить власть, выступающую против Конституции.

Пока она не отменила мешающие ей нормы этой Конституции.

Почему призывы не ходить на выборы помогают Кремлю

9 декабря 2017 года

В который раз перед выборами, — на сей раз, президентскими, — начинают страстно звучать призывы эти выборы бойкотировать. Поскольку они являются «фарсом», «имитацией», и вообще «власть не сменится на выборах».

Не знаю точно, являются ли те или иные «кандидаты в кандидаты» на президентских выборах «кремлевскими проектами».

Но что куда больше похоже на «кремлевский проект», — по сути, а не по источнику, — так это идея бойкота выборов. И доказать это очень просто.

Правила президентских выборов таковы, что сравниваются проценты голосов, полученные кандидатами. Процент голосов за каждого из них — это простая дробь.

В числителе — число избирателей, проголосовавших за кандидата.

В знаменателе — число избирателей, принявших участие в голосовании (определяется по числу избирательных бюллетеней, обнаруженных в ящиках для голосования). То есть, число тех, кто пришел на выборы, расписался за бюллетень, и опустил бюллетень в урну (а не забрал его с собой).

А теперь сядем и посчитаем.

В выборах участвует Владимир Путин, и другие кандидаты — в той или иной степени оппозиционные (не будем сейчас оценивать степень этой оппозиционности).

Обозначим число сторонников Путина, пришедших голосовать за него, буквой А.

Обозначим число тех, кто пришел голосовать за других кандидатов, буквой В.

Таим образом, число П — процент голосов за Путина, — будет $A/(A+B)$.

Поскольку сторонники бойкота все как один являются противниками Путина, чем успешнее их агитация за бойкот — тем меньше число В.

Число А от этой агитации не зависит – путинский избиратель на уговоры «бойкотистов» не отреагирует.

Следовательно, тем БОЛЬШЕ будет число П.

Иначе говоря: успешность тактики бойкота, – отказ участвовать в выборах сторонников оппозиционных взглядов, – УВЕЛИЧИВАЕТ процент голосов, поданных за представителя партии – действующего президента.

Пример? Пожалуйста.

Постоянно публикуются «утечки» о том, что в Кремле существует некий план «70 на 70». Что им надо, чтобы на выборы пришли 70% избирателей, и 70% из них голосовали за Путина.

В России (округленно) – 110 миллионов избирателей.

Если 70% придут на выборы – это 77 млн. человек.

Предположим, что кремлевские оценки верны, и 70% из них хотят голосовать за Путина. Это 54 миллиона человек. Остальные 23 миллиона человек хотят голосовать за других кандидатов.

Предположим, что тактика бойкота удалась, и на выборы сознательно не пошли 10 из этих 23 миллионов избирателей – почти половина из «непутинских».

Что мы получим?

На выборы пришли 67 миллионов человек. Путин получил те же 54 миллиона голосов. И... набранный им процент голосов составил уже не 70%, а 81%. Оглушительный успех. В результате успешной реализации тактики «бойкота».

Да, немного снизилась явка избирателей, и теперь она составит только 61%. Но успешность выборов для победителя определяется, в первую очередь, набранным процентов голосов, а не явкой. Явка избирателей на президентских выборах составила в 1996 году – 70%, в 2000 году – 69%, в 2004 году – 64%, в 2008 году – 70%, в 2012 году – 65%. Кому сегодня, кроме политологов, интересны эти цифры?

Приведенный пример, конечно, условен – но он позволяет понять главное. БОЙКОТ ТОЛЬКО НА РУКУ ВЛАСТИ.

При этом совершенно не важно, не пришли вы на выборы, или пришли, но унесли с собой бюллетень – проценты

кандидатов считаются на основании только тех бюллетеней, которые опущены в урну.

Повлиять на итоги выборов можно, сделав бюллетень недействительным – тогда ваш голос, по крайней мере, будет учтен в знаменателе упомянутой дроби, и не увеличит «путинский процент». Но не будет учтен в числителе – то есть, этот голос не поможет ни одному оппозиционному кандидату увеличить его процент. А, значит, не поможет выяснить, сколько же есть граждан, которые поддерживают ту или иную альтернативу действующей власти. И голосование которых может если не сменить власть – то хотя бы заставить ее изменить политику.

Характерно, что призывы к бойкоту выборов громче всех звучат из уст тех, кто в этих выборах не может участвовать. И кто, как Алексей Навальный, считает оппозицией только себя, а выборы – только тогда выборы, когда он в них участвует. Недопуск других кандидатов он не считает основанием для бойкота – не припомнить его призывов такого рода, когда в 2012 году Григория Явлинского снимали с президентских выборов.

Законность отстранения Навального от выборов крайне сомнительна. Но столь же сомнительно и отношение к выборам, поставленное в зависимость исключительно от регистрации конкретного кандидата: чем, по сути, это отличается от мнения тех, кто полагает, что Путину нет альтернативы?

Исход выборов не предрешен даже в условиях нынешнего политического режима.

Власть может не смениться на выборах – а может и смениться.

Программа-минимум для оппозиции – добиться второго тура, не позволить Путину получить более 50% в первом туре.

Для этого – исходя из упомянутой «электоральной арифметики» – нужен не бойкот а «антибойкот». Нужно призвать тех, кто хочет сменить власть в стране, придти на выборы – и голосовать за приемлемых для них оппозиционных кандидатов. Увеличить знаменатель для «путинского процента» – и тем

самым его уменьшить. Опустить ниже 50%. А не оправдывать свое бездействие рассуждениями об «активном бойкоте».

Что «активный бойкот», что «пассивный» — результат один: тот, кто не пошел на выборы, своими руками, отдал власть Путину, отказавшись от попыток что-то изменить.

Да, у тех, кто пойдет, это тоже может не получиться.

Но он, как Рэндл Патрик Макмерфи — герой «Полета над гнездом кукушки», — может сказать «я хотя бы попытался».

Бойкотируя здравый смысл

10 января 2018 года

**Известно, что есть лишь один способ делать дело,
и множество способов от дела уклоняться.**

***А.Стругацкий, Б.Стругацкий,
«Повесть о дружбе и недружбе»***

Множество людей тратит множество сил, времени и слов, убеждая бойкотировать президентские выборы в марте 2018 года.

О том, к каким последствиям приведет бойкот, автор рассказывал в «Новой газете» 9.12.2017. Мой вывод (впоследствии подтвержденный известным экспертом по электоральной статистике Сергеем Шпилькиным) прост: чем больше оппозиционно настроенных избирателей (а только на них и действуют призывы к бойкоту) не придет на выборы — тем больший процент голосов получит Владимир Путин.

Поскольку опровергнуть этот вывод (вытекающий из правил выборов и методики подсчета голосов) невозможно, сторонники бойкота обратились к аргументам другого рода.

В предельно сжатом изложении, этих аргументов — три.

Первый — **политический**: если на призывы к бойкоту откликнется большое число избирателей и явка окажется низкой — власть Путина будет нелегитимна.

Второй — **логический**: исход выборов предрешен, кандидаты от оппозиции не имеют шансов, идти и голосовать за них бессмысленно.

Третий – **этический**: это не выборы, а фарс и имитация, приличному человеку стыдно в этом участвовать.

Что же, рассмотрим эти аргументы по порядку.

Сперва – о последствиях снижения явки избирателей.

Можно ли ее снизить, призывая к бойкоту? Да, можно.

В какой степени? В небольшой: даже ярые адепты бойкота признают, что предел влияния соответствующей агитации – процентов 10. Снижение явки, условно, с 60% до 50%. Но если вдруг и до 40% – что дальше?

Путин устыдится, уйдет из Кремля и назначит новые, честные выборы?

Граждане станут считать власть нелегитимной и откажутся ей подчиняться?

Запад не признает путинский режим и откажется иметь с ним дело?

Не смешите мои подковы.

Легитимность власти – иначе говоря, признание ее права управлять, – не зависит от явки избирателей.

В выборах мэра Москвы в 2013 году участвовало 32% избирателей, в выборах губернатора Петербурга в 2014 году – 39%. И что, москвичи не признают Собянина мэром, а петербуржцы Полтавченко – губернатором? Да ничего подобного. Низкая явка повлияла на деятельность исполнительной власти двух столиц? Да никак не повлияла: о ней забыли через неделю после выборов.

Что касается Запада, то он будет иметь дело с российским президентом независимо от явки избирателей – как неизменно бывало раньше. Максимум, последует пара-тройка осуждающих резолюций, да и те будут связаны не с явкой, а с нечестностью выборов и ограничением конкуренции. При этом проблемы Кремля в мире связаны с проводимой им политикой – нарушениями прав человека, захватом чужих территорий, вмешательством в дела соседних стран, поддержкой диктаторских режимов. Но никак не с низкой явкой на выборы.

Теперь – о «предрешенности» исхода выборов и «отсутствии шансов» у кандидатов от оппозиции.

Великий физик Стивен Хокинг заметил, что даже те люди, которые утверждают, что все предрешено и ничего с этим поделать нельзя, смотрят по сторонам, прежде чем переходить дорогу.

Велика ли вероятность победы Путина на этих выборах? Да, велика. Но все ли предрешено? Нет, не все.

Во-первых, в нашей истории было немало случаев, опрокидывавших самые «предрешенные» ситуации, начиная с выборов народных депутатов СССР 1989 года и заканчивая муниципальными выборами в Москве в 2017 году (кто из прогнозистов предсказывал, что в районе, где голосует Путин, все 12 муниципальных депутатов будут избраны от «Яблока» – просьба откликнуться).

Во-вторых, логика «не поддержим тех, у кого мало шансов» не только ущербна (поддерживать надо того, кого считают достойным – независимо от шансов: советские диссиденты боролись с режимом, зная, как малы их шансы), но и противоречива.

Шансы оппозиционных кандидатов зависят от поведения оппозиционных избирателей. Если они не придут, оправдывая свое бездействие мизерностью шансов своих кандидатов – шансы так и останутся мизерны. А если придут – шансы вырастут, в зависимости от того, сколько таких избирателей придет и проголосует.

В-третьих, критически важным для дальнейшего развития ситуации в стране является соотношение уровней поддержки избирателями кандидатов в президенты.

«Не все ли вам равно, сколько получит Путин?», – рассуждают сторонники бойкота, увеличивающего процент Путина. Нет, не все равно.

Если Путин получит 80%, а его оппоненты по 2% – это даст основание говорить, что ему нет и не может быть альтернативы, и он сможет потом делать все, что хочет.

Если он получит 51%, а оппозиционеры по 15-20% – ситуация будет принципиально иной (на выборах 2000 года Путин получил лишь 53% – и его первый президентский срок разительно отличался по стилистике и решениям от второго).

Если же он получит 40% и будет второй тур выборов – это, как после президентских выборов 1996 года, может привести к серьезной смене политики.

Борьба за второй тур – реальная задача для оппозиции. Но победа в ней возможна лишь в том случае, если избиратели, не разделяющие взгляды Путина на то, какой должна быть страна, придут на выборы и покажут, что они есть – а не останутся дома, убеждая себя и других, что «за них уже все решили», и «ни на что повлиять они не могут». Покажут, что идеи, представляемые кандидатами от оппозиции, имеют значимую поддержку, и это нельзя не учитывать. Только выборы могут показать, какова эта поддержка, как организована оппозиция, и может ли она бороться за власть (опровергая брошенный Путиным упрек, что в России мол, «нет оппозиции»).

«Идеей бойкота «забастовка избирателей» не заканчивается, в рамках кампании также предлагается организовать массовое наблюдение, чтобы сократить вбросы», – уверяют сторонники бойкота. Лукавство: никаких наблюдателей у «бойкотистов» не будет, потому что направить их могут только кандидаты, участвующие в выборах.

В-четвертых, мировой опыт показывает, что бойкот практически никогда не достигает целей. Немногие исключения – ситуации, когда существует порог явки на выборы, при недостижении которого выборы признаются несостоявшимися. Но с 2007 года эта норма в России отменена: выборы состоятся при любой явке.

Наконец, последний аргумент – приличному человеку стыдно участвовать в «фарсе», и вообще, это «поддержка режима».

Выборы неравные, с ограничением конкуренции, с гигантским административным ресурсом на стороне Путина, с политической цензурой на телевидении, с преследованием оппозиции, с фальсификациями в пользу власти? Да.

Означает ли это, что они абсолютно нечестные? Нет. Потому что между тишиной и барабанным боем есть серьезный промежуток.

Не надо верить, что «все подделают»: выборы не являются гарантированно и 100-процентно нечестными. Возможности власти, – и административный ресурс, и попытки фальсификаций, – ограничены степенью сопротивления кандидатов от оппозиции и гражданского общества.

Там, где оппозиционеры ведут кампанию, где у них есть сторонники и агитаторы, где есть свободные СМИ, где есть наблюдатели и члены комиссий с совещательным голосом, назначенные оппозиционными кандидатами, – влияние «административного ресурса» и уровень фальсификаций снижается. Это во-первых.

Во-вторых, в России суд тоже несправедливый. Но это не значит, что приличному человеку не надо в него обращаться, отстаивая свои права. Обращаются – и нередко побеждают: многое (хотя, конечно, не все) здесь зависит от упорства, грамотности, последовательности заявителей.

В-третьих, не надо путать участие в определенных Конституцией и законом процедурах формирования власти (пусть и проходящих не так, как хотелось бы) с поддержкой путинского режима. Иначе можно обвинить в «сотрудничестве с режимом» тех, кто платит налоги и требует, чтобы на эти налоги содержали школы и детские сады (а также отдает туда детей), и обращается к властям, настаивая на выполнении ими своих обязанностей. Это не постыдно и не почетно – это всего лишь жизнь в условиях существования государства.

Наконец, последнее. Как в свое время говорил Черчилль, плохую власть выбирают хорошие люди, которые не ходят на выборы.

Бойкот выборов – лишь оправдание собственного бездействия для тех, кто ищет не возможности для борьбы, а причины для того, чтобы от борьбы отказаться.

Тем самым, добровольно отказываясь от своих гражданских прав – вместо того, чтобы ими воспользоваться.

Кто предпочитает сидеть дома, гордо призывая в Интернете или с очередного форума «Россия будет свободной!».

Вот только сделать Россию свободной таким путем точно не получится.

Привести «своих», оттолкнуть «чужих»

22 февраля 2018 года

Аксиома политтехнологии – о том, что для победы надо привести на выборы «своих» избирателей, – в нынешней России дополнилась другой: надо еще оттолкнуть от выборов «чужих».

Неудивительно, что обе эти задачи активно решает власть (что показывает неуверенность в результате и ложность рассказов о «86% поддержки»).

Удивительно, что одну из этих задач ей столь же активно помогают решать оппозиционеры, призывающие к «забастовки избирателей».

Буквально «взорвавший» Сеть ролик, агитирующий прийти на выборы, – чтобы потом не получить в зрелом возрасте повестку в военкомат, не увидеть детей в пионерской форме и не обнаружить утром у жены в постели «гея на передержке», – был массово в Сети же и осмеян многими критически настроенными к власти людьми.

«Люди поняли, за кого их принимают, оскорбились и приняли окончательное решение на выборы не ходить», – считает мэр Екатеринбурга Евгений Ройзман.

«Я вот искренне начинаю склоняться к бойкоту выборов. Они настолько агрессивно навязывают людям эти выборы и вставляют их в любую дырку, что даже меня уже тошнит», – пишет в Сети один из питерских протестных активистов, координатор движения «Гражданин Пушкин» Александр Беляев.

Не стоит считать обитателей Кремля идиотами – в политике, как и в спорте, нельзя недооценивать соперника. Потому что, как представляется, именно на такой эффект неизвестные (но явно связанные с властью) авторы ролика и рассчитывали.

Об усилиях властей увеличить явку на президентских выборах пишут много и охотно. Инструктирование бюджетников и жилищников, передача указаний через руководство предприятий и командование воинских частей, обходы квартир и обзвоны пенсионеров социальными работниками, – давно известные приемы.

Однако, это – не работа на увеличение явки «вообще», это – работа на привлечение «своих». Агитация, направленная на те группы избирателей, которые прямо зависят от власти, и чье голосование во многом предопределено этой зависимостью. Иначе говоря, **мобилизация лояльного электората**. Стремление привести на выборы тех, кто поддержит Владимира Путина, и таким путем повысить его результат на этих выборах. В том числе, кстати, на это «работает» и упомянутый ролик – рассчитанный на людей не очень образованных и заранее обработанных кремлевской пропагандой.

Но есть и вторая задача, которую надо решить, чтобы повысить результат Путина. И одновременно – показать его подавляющее превосходство над конкурентами.

Суть дела проста. Результат (процент голосов «за») каждого кандидата на выборах тем больше, чем больше его сторонников придет голосовать, но кроме того – чем меньше придет голосовать его противников. Значит, надо сделать так, чтобы на выборы не пришли те, кто критически настроен к власти и ее политике. Иначе говоря, стоит задача **демобилизации протестного электората**.

Именно она и решается – в том числе, применением таких «методов агитации за явку», которые, как упомянутый ролик, должны вызвать отвращение к выборам именно у образованных и «продвинутых» людей – то есть у протестного, неуправляемого электората. В этом смысле, чем топорнее и грубее – тем лучше подействует в нужную сторону на критически мыслящих граждан. И они, возмутившись тем, что их держат за болванов, решат на выборы не ходить.

С другой стороны, известно, что сторонниками Алексея Навального активно распространяется миф о том, что Кремлю, якобы, страшно нужна явка, чтобы выборы были легитимными. Что только это Кремль и интересуется.

Никаких доказательств этого не представлено, но они и не нужны: все развивается по принципу Братца Кролика «только не бросай меня в терновый куст». В логике «навальнистов» – «мы будем делать противоположное тому, что они хотят».

И развернута беспощадная борьба с этим мифом – все силы брошены на уговоры оппозиционно настроенных граждан не ходить на выборы. А заодно – на убеждение их в «предрешенности» исхода выборов и «бессмысленности» попыток на него повлиять. При этом остается неясным: если они так уверены, что все равно все подделают и припишут – почему они считают, что проценты припишут, а явку ни за что приписать не смогут?

Усилия «бойкотистов» парадоксальным образом оказываются выгодны Кремлю – и, скорее всего, именно поэтому везде, кроме Москвы и Петербурга были без всяких проблем согласованы митинги в поддержку «забастовки избирателей». А в двух столицах, несмотря на отказ в согласовании, участникам акций почти не препятствовали. В самом деле: зачем мешать тому, что ведет к той же цели – хотя и другими средствами?

Кстати, еще одно наглядное доказательство того факта, что Кремлю нужна не явка «вообще», а только явка «своих» – судебный запрет (по требованию прокуратуры) муниципальных референдумов в Москве, запланированных на 18 марта, и направленных, в том числе, на ограничение высоты застройки. Проведение этих референдумов, конечно же, увеличило бы явку именно протестного электората – что властям крайне невыгодно...

Призывы к бойкоту выборов – под предлогом якобы страшной важности явки для Кремля – это стрельба по ложной цели. Независимо от красивого названия «забастовка избирателей», позволяющему гражданам, сидящим дома на диване, считать себя не лентяями, а героическими «забастовщиками» и борцами с режимом.

Между прочим, если бы оппозиционные избиратели не «бастовали» на многих выборах последних лет – у нас был бы другой парламент и, возможно, другой президент. И уж точно после выборов 2016 года в Госдуму в ней были бы оппозиционные депутаты. А не «четыре оттенка серого», в едином порыве голосующие за любые законы.

От «Далекой Радуги» – к «Граду обреченному»

20 марта 2018 года

Одной из любимых тем для обсуждения с Борисом Натановичем Стругацким на протяжении двадцати лет нашей дружбы было – в каком именно из «миров братьев Стругацких» мы живем сейчас?

Ответ на этот вопрос менялся – по мере того, как менялась наша жизнь.

Да и в последние годы – после ухода Бориса Натановича, – этот ответ продолжает меняться.

И с каждым изменением я не устаю (хотя и горько) удивляться: как же точно они все это предсказали!

Может быть (как не раз шутили мы, их читатели и ученики), братья Стругацкие были или прогрессорами из другой звездной системы, или «контрамотами», живущими из будущего в прошлое, и потому совершенно точно знавшими наше будущее?

Впрочем, давайте по порядку.

Мир, в котором сами братья Стругацкие хотели бы жить, был хорошо известен: это был светлый и радостный «мир Полудня», так привлекательно изображенный в повести «Полдень. XXII век».

Затем этот мир продолжили «Малыш», «Далекая Радуга», «Попытка к бегству», «Трудно быть богом», «Парень из преисподней», «Обитаемый остров», «Жук в муравейнике», «Волны гасят ветер».

Этот мир так и не реализовался по известным историческим причинам, но он был необычайно привлекателен!

Это был мир «коммунаров», на героев которого мы в юности (и не только) очень хотели быть похожими. Звездолетчики Леонид Горбовский и Марк Волькенштейн, великолепная четверка из Аньюдинской школы – Геннадий Комов, Атос-Сидоров, Александр Костылин и Поль Гнедых, доктор Мбога и штурман Кондратьев, прогрессоры Антон – он же благород-

ный дон Румата, Максим Каммерер – он же Мак Сим, и Рудольф Сикорски – он же Странник...

Это был мир победившего коммунизма – где удовлетворены все базовые потребности человека, главной движущей силой становится потребность в познании окружающего мира и его загадок, а главной проблемой – ограниченность человеческих ресурсов и возможностей на пути этого познания. Где труд на благо общества считается естественной обязанностью и потребностью каждого. Где жизнь разумного существа признана безусловной и высшей ценностью, а проявление агрессии и недоброжелательства по отношению к ближнему – вопиющее исключение. И где политические проблемы сменились этическими (хотя не упростились при этом).

Помните, например, «Далекую Радугу»?

По замыслу авторов, это должна была быть последняя повесть о далеком коммунизме. А получился единственный у АБС «роман-катастрофа» – хотя гибнет в ней не Земля и не ее часть, а земная колония на далекой планете Радуга, превращенной в гигантский полигон для экспериментов по нуль-транспортировке (ставшей вполне себе обыденной вещью в «Жуке» или «Волнах»).

«ДР» – это повесть о том будущем, где единственная проблема – откуда взять энергию для удовлетворения растущих потребностей ученых. Кстати, в 1962 году, когда написана повесть, вера в могущество физики была всеобщей, физики уверенно побеждали лириков, конкурс в физические вузы зашкаливал, а самым популярным мужчиной в стране был Алексей Баталов, сыгравший физика Гусева в «Девяти днях одного года». И мысль Стругацких о том, что вовсе не обязательно отдавать науке безусловный приоритет, как сказали бы сейчас, в «бюджетном финансировании» выглядела весьма спорной...

«Смысл человеческой жизни – это научное познание», – говорит один из героев «ДР», физик Альпа. И добавляет: «Мне грустно видеть, что миллиарды людей сторонятся науки, ищут свое призвание в сентиментальном общении с природой, ко-

торое они называют искусством. Наука переживает период материальной недостаточности, а в то же время миллиарды людей рисуют картины, рифмуют слова... а ведь среди них много потенциально великолепных работников».

Физик так и не решается продолжить эту нехитрую мысль, и вместо него это делает Леонид Горбовский: мол, хорошо бы всех этих художников и поэтов согнать в учебные лагеря, отобрать у них кисти и гусиные перья, заставить пройти краткосрочные курсы и вынудить строить для солдат науки новые конвейеры для производства ульмотронов (нечто вроде аккумуляторов энергии огромной мощности)...

В будущем, обрисованном в «Далекой Радуге», на полном серьезе обсуждается такая проблема: не перебросить ли в науку часть энергии из Фонда Изобилия? Значит, верили Стругацкие тогда, что будет в Мире Полудня и Изобилие, и Фонд. Верили в то, что будет обсуждаться идея во имя чистой науки «поприжать человечество в области элементарных потребностей». Верили в то, что одни будут выдвигать лозунг «Ученые готовы голодать», а другие отвечать им «А шесть миллиардов детей не готовы. Так же не готовы, как вы не готовы разрабатывать социальные проекты...».

Впоследствии, заметим, эта вера иссякнет довольно скоро – уже в «Малыше», не говоря о «Парне из преисподней», «Жуке в муравейнике» или «Волны гасят ветер», люди Полудня озабочены куда более сложными проблемами – и куда более грустными.

Впрочем, как известно, мечты о коммунизме растаяли, когда вместо него в 1980 году объявили Олимпиаду. И в начале 90-х, после распада Союза, окончания построения «развитого социализма с человеческим лицом» и начала «шоковых» экономических реформ, мы оказались совсем в другом мире – в мире «Хищных вещей века», в нарождающемся обществе потребления.

«Страна Дураков», куда приезжает бортинженер «Тамасиба», а ныне – агент спецслужбы Совета Безопасности Иван Жилин (герой «Пути на Амальтею» и «Стажеров», по

времени относящихся к концу 20 – началу 21 века, за столетие до «Мира Полудня») – это уже сформировавшееся общество потребления.

Термин, в 1970 году придуманный Жаном Бодрийяром, еще не был в 1964 году, когда писались «ХВВ», известен Стругацким – вместо него они писали об обществе изобилия, но смысл был практически тот же самый.

Мир, где обеспечен материальный достаток (при 4-часовом рабочем дне), где «на пятьдесят тысяч человек было пятнадцать тысяч легковых автомобилей, пятьсот вертолетов и шестьдесят тысяч телевизоров». Где «восемьдесят процентов населения было занято в сфере обслуживания». И где приезжающим гостям – таким, как Жилин, – предлагали «веселиться и ни о чем не думать».

Критика «общества потребления» и неразрывно связанного с ним понятия «мещанство» в советские времена была чрезвычайно распространена. За отсутствие в нем пропагандируемого при строительстве социализма и коммунизма стремления человека к сознательному труду на благо общества, за примат материального над духовным, за стремление к обогащению и удовлетворению личных потребностей в ущерб потребностям общественным, и так далее, и тому подобное. Недаром эпиграфом к «ХВВ», – кроме цитаты из Андрея Вознесенского, откуда собственно и взято название книги, – были выбраны слова Сент-Экзюпери «Есть лишь одна проблема – одна-единственная в мире – вернуть людям духовное содержание, духовные заботы».

Надо ли удивляться что в упомянутом 1964-м (через три года после того, как было торжественно обещано построение коммунизма к 1980 году) братья Стругацкие, мечтавшие жить в «Мире Полудня», были уверены, что написали антиутопию, изобраили мир, в котором каждому уважающему себя человеку тошно и стыдно жить? Борис Стругацкий не раз об этом вспоминал – как и о том, что когда-то один мудрый читатель задал им совершенно неожиданный вопрос: «А чем, собственно, так уж плох этот ваш мир? Ведь, на самом деле,

он существует по принципу „каждому – свое“, а это далеко не самый плохой из принципов существования».

И тут, по словам Бориса Натановича, «выяснилось, что это – мир, не лишенный, разумеется, своих недостатков, в чем-то – убогий, в чем-то – пакостный, в чем-то – даже непереносимо отвратный... Но при всем при том – содержащий в себе немало светлых уголков и оставляющий, между прочим, широчайший простор и для духовной жизни тоже. Ведь человек в этом мире – свободен. Ты волен в этом мире стать таким, каким сможешь и захочешь. Выбор за тобой. Действуй».

И тогда, по словам Бориса Стругацкого, отношение авторов к этому миру, как к антиутопии, переменилось. Они поняли, что этот мир, конечно, не добр, не светел и не прекрасен, но и не безнадежен в то же время, – он способен к развитию. Он похож на дурно воспитанного подростка, со всеми его плюсами и минусами. И уж во всяком случае, среди всех придуманных миров, – как говорил Борис Натанович мне году этак в 1993-м, – он кажется наиболее вероятным. Мир Полудня, скорее всего, недостижим, считал БНС, а мир «1984», слава богу, остался у же, пожалуй, позади. .

Забегая вперед – ах, как они ошиблись, великие! И с «наиболее вероятным», и с тем, что Оруэлловский мир «остался позади»! Аркадию Натановичу не суждено было это увидеть, а вот Борис Натанович увидел и появление «министерства правды», и возрождения «двоемыслия» и «мыслепреступлений»...

В завершение – две убийственно актуальные цитаты из «Хищных вещей века».

«Если во имя идеала человеку приходится делать подлости, то цена этому идеалу – дерьмо».

«До каких же пор вас нужно будет спасать? Вы когда-нибудь научитесь спасать себя сами? Почему вы вечно слушаете попов, фашиствующих демагогов, дураков? Почему вы не желаете утруждать свой мозг? Почему вы так не хотите думать?»

90-е годы закончились, наступила «путинская эпоха» – тут-то окружающий нас мир и стал похож на Город времен правления Фридриха Гейгера из «Града обреченного».

Этот мир, нарисованный авторами в далеком 1972-м (и лишь через полтора десятилетия удалось напечатать книгу) – один из этапов загадочного Эксперимента, где возражать высокому начальству можно, это не есть неслыханный подвиг, но стоит ли рисковать? Пользы не будет никакой, зато «неудовольствие большого человека» вызвать можно. И в этом мире уже всюду торжествовал принцип из «Трудно быть богом» – «умные нам не надобны, надобны верные».

Помните? Как там объяснял одному из главных героев «Града», на тот момент – редактору городской газеты Андрею Воронину, другой главный герой – Изя Кацман?

«Вас ведь никто не тронет: вы – желтоватая оппозиционная либеральная газетка. Вы просто перестанете быть оппозиционными и либеральным. Вас еще поблагодарят, подбросят вам бумаги, чтобы вы повысили тираж, повысят вам оклады и расширят штат... И только потом, если вам вздумается вдруг брыкаться, только тогда вас возьмут за штаны и уж тут несомненно припомнят вам все ваши либерально-оппозиционные бредни... Но только зачем вам брыкаться? Вы и не подумаете брыкаться, наоборот!».

Как в воду глядели – стоит только вспомнить, как «сигнал», посланный во время разгрома НТВ в 2001 году, был правильно понят. Очень многие, чтобы не иметь неприятностей, перестали быть оппозиционными и либеральными, за что получили повышение тиражей и расширение штатов – после чего и не думали брыкаться. И часть бывших вполне себе демократических и либеральных «золотых перьев» сразу или постепенно превратились в ярких охранителей и реакционеров, старающихся не вспоминать про свои «либерально-оппозиционные бредни»...

И еще две актуальные цитаты из «ГО»:

«Уничтожать надо вовсе не просто те бумаги, где ругают нашего вождя. Ругать тоже можно по-разному. Уничтожать же надо бумаги, написанные умными людьми!».

«Ты не был болваном, – сказал Изя. – Ты был хуже. Ты был оболваненный. С тобой ведь по-человечески разговаривать было нельзя. Я знаю, я ведь и сам долгое время был таким»...

Если бы этим в нашей стране и ограничилось – было бы еще полбеды. Но, как известно, на первых оборотах закручивания гаек российская власть не остановилась. Она пошла дальше. Гораздо дальше.

После осени 2003 года – ареста Ходорковского и «дела ЮКОСа», – в России наступило время «Гадких лебедей», где возразить президенту считалось уже почти подвигом. И лишь очень немногие могли себе это позволить, не рискуя практически всем. Приведенное ниже – как сегодня написано.

«Страны, которые нравились господину президенту, вели справедливые войны во имя своих наций и демократии. Страны, которые господину президенту почему-либо не нравились, вели войны захватнические и даже, собственно, не войны вели, а попросту производили бандитские, злодейские нападения».

Стоит только включить телевизор – и станет понятно, что именно по этой нехитрой «методичке» уже давно работают российские телепропагандисты, описывая происходящее в мире.

«Господин Президент изволил взвинтить себя до последней степени, из клыкастой пасти летели брызги, а я достал платок и демонстративно вытер себе щеку, и это был, наверное, самый смелый поступок в моей жизни, если не считать того случая, когда я дрался с тремя танками сразу. Но как я дрался с танками, я не помню, знаю только по рассказам очевидцев, а вот платочек я вынул сознательно и соображал, на что иду...». (Заметим: по первоначальному замыслу авторов, главный герой «ГЛ» Виктор Банев, о лица которого ведется рассказ, должен был быть капитаном пограничных войск).

И еще:

«– Скажи, а ты как – сначала напишешь, а потом уже вставляешь национальное самосознание?»

– Нет, – сказал Виктор. – Сначала я проникаюсь национальным самосознанием до глубины души: читаю речи господина президента, зубрю наизусть богатырские саги, посе-

щаю патриотические собрания. Потом, когда меня начинает рвать – не тошнить, а уже рвать, – я принимаюсь за дело...»

«Есть люди, которые не могут жить без прошлого, они целиком в прошлом, более или менее отдаленном. Они живут традициями, обычаями, заветами, они черпают в прошлом радость и пример. Скажем, господин президент. Что бы он делал, если бы у нас не было нашего великого прошлого? На что бы он ссылался и откуда бы он взялся вообще?».

Опять же, аналогии очевидны – уже давно опора на «славное прошлое» (где удивительно уживаются «православие, самодержавие, народность» и победа в Великой Отечественной) стала почти что единственной для российского политического режима.

«Продаваться надо легко и дорого. Чем талантливее твое перо, тем дороже оно должно обходиться власть имущим».

Ну это просто жизненный принцип очень многих «мастеров пера» в последние полтора десятилетия.

«Это что-то вроде демократических выборов: большинство всегда за сволочь...».

«Именно то, что наиболее естественно, менее всего подobaет человеку»...

И, наконец, знаменитое:

«Будущее создается тобой, но не для тебя».

Но и время «Гадких Лебедей» закончилось – 18 марта 2014 года, с аннексией Крыма и началом необъявленной войны с Украиной.

И пророческим стал «Обитаемый остров», рисующий жутковатый образ тоталитарного мира, в котором власть держится на «промывке мозгов», тщательно воспитываемой преданности к вождям и ненависти к врагам, как внешним, так и внутренним, которыми объявлены «выродки», не восприимчивые к излучению башен.

«Излучение башен предназначалось не для выродков. Оно действовало на нервную систему каждого человеческого существа этой планеты. Мозг облучаемого терял способность к критическому анализу действительности. Человек мыслящий

превращался в человека верующего, причем верующего иступленно, фанатически, вопреки бьющей в глаза реальности. Человеку, находящемуся в поле излучения, можно было элементарными средствами внушить все, что угодно, и он принимал внушаемое как светлую и единственную истину и готов был жить для нее, страдать за нее, умирать за нее».

«Поле было всегда. Незаметное, вездесущее, всепроникающее. Его непрерывно излучала гигантская сеть башен, опутывающая страну. Гигантским пылесосом оно вытягивало из десятков миллионов душ всякое сомнение по поводу того, что кричали газеты, брошюры, радио, телевидение, что твердили учителя в школах и офицеры в казармах, что сверкало неоновым поперек улиц, что провозглашалось с амвонов церквей. А дважды в сутки, в десять утра и в десять вечера, гигантский пылесос запускали на полную мощность, и на полчаса люди переставали вообще быть людьми».

Именно это – превращение «человека мыслящего в человека верующего вопреки бьющей в глаза реальности» мы наблюдаем сегодня у очень и очень многих. При этом башни-излучатели в нынешней России после марта 2014 года включают на полную мощность не по два раза в день на полчаса, как на Саракше, а круглосуточно. Ведь почти все российское телевидение, с его часами ненависти ко всему, что ненавистно власти, с бесконечными соловьевыми-киселевыми-поповыми-скабеевыми-шевченко-норкиными-андреевыми-багдасаровыми, и с устранением любых сомнений в правильности действий «Неизвестных Отцов»... простите, президента и его администрации, – просто калька с излучения башен Саракша.

Это излучение, – мощность которого пробивает защитные барьеры, позволяющие человеку сомневаться, думать, анализировать, сохранять способность к критическому анализу действительности, – действует на большинство российских граждан. И лишь меньшинство «выродков», объявленных «национал-предателями» и «пятой колонной» невосприимчиво к излучению...

А еще на Саракше, – как в любом тоталитарном мире, – все поставлено на службу Государству, безраздельно властвующему над жизнью любого. И крайняя нищета в «Районах, Еще Не Достигших Процветания» сочетается с фанатичной верой в необходимость отдавать все силы на нужды обороны от коварных врагов, как внешних, так и внутренних. К бывшим провинциям старой империи, – Хонти и Пандее, провозгласившим независимость в тяжелые времена, – относятся так: «Вернуть гадов в лоно, предварительно строго наказав» (не это ли мы видели в последние годы, когда с телеэкрана раз за разом требовали «идти на Киев»?).

Ну, а правители – «Неизвестные Отцы – это «анонимная группа наиболее опытных интриганов, остатки партии путчистов, сохранившиеся после двадцатилетней борьбы за власть между военными, финансистами и политиками. У них две цели, одна – главная, другая – основная. Главная – удержаться у власти. Основная – получить от этой власти максимум удовлетворения». Разве что, правители у нынешней России не анонимные – а все прочее, как нетрудно заметить, уверенно сходится. ..

Частично, впрочем, мир «Обитаемого острова», в котором мы оказались после Крыма (и написанный, как рассказывал мне Борис Стругацкий, по образцу советского общества 40-х годов, причем «Боевая Гвардия», борющаяся с «выродками», должна была напоминать НКВД), оказался совпадающим со средневековым миром «Трудно быть богом».

Вокруг сегодня – множество узнаваемых по «Трудно быть богом» деталей.

Мир, с точки зрения лавочников, «совсем не плох: цены на хлеб падают, цены на латы растут, заговоры раскрываются вовремя, колдунов и подозрительных книжечеев сажают на кол». Это вам не «не смутное время» – «прочность престола, благосостояние, незыблемое спокойствие и справедливость» (совсем как пропагандистские сравнения путинской эпохи «стабильности и порядка» с «лихими 90-ми»). И король в этом мире «по обыкновению велик и светел, а дон Рэба безгранично умен и всегда начеку».

Правда, в этом мире «горожане перестали распевать куплеты политического содержания, стали очень серьезными и совершенно точно знали, что необходимо для блага государства».

Правда, в этом мире господствует «ощущение наползающей тени. Непонятно, чья, непонятно, откуда, но она наползает и наползает совершенно неотвратимо».

Правда, в этом мире, когда после торжествовавшей серости приходят черные, дают «пять розог без целования за невожорженный образ мыслей».

Недаром в земном аналоге этого мира – России начала 21 века, – правит почти два десятка лет и намеревается править дальше, несменяемый дон Рэба.

Помните, как все начиналось?

«Три года назад он вынырнул из каких-то заплесневелых подвалов дворцовой канцелярии, мелкий, незаметный чиновник, угодливый, бледненький...»

«Не высокий, но и не низенький, не толстый и не очень тощий, не слишком густоволос, но и далеко не лыс. В движениях не резок, но и не медлителен, с лицом, которое не запоминается, которое похоже сразу на тысячи лиц. Вежливый, галантный с дамами, внимательный собеседник, не блещущий, впрочем, никакими особенными мыслями...»

«Он никто. Он ниоткуда. Это не могучий ум при слабом государе, каких знала история, не златолюбец-временщик, думающий лишь о золоте и о бабах, убивающий направо и налево ради власти и властвующий, чтобы убивать...»

«Мы тут ломаем головы, пытаюсь втиснуть сложную противоречивую фигуру орла нашего дона Рэбы в один ряд с Ришелье, Неккером и Монком, а он оказался мелким хулиганом и дураком. Он предал и продал все, что мог, запутался в собственных затеях, насмерть струсил и кинулся спасаться к Святому Ордену».

Но не стоит надеяться, что после «настоящего макроскопического воздействия» удастся, как мечтает благородный дон Румата, увидеть «спины серой сволочи, озаряемые лиловыми вспышками выстрелов, и перекошенную животным

ужасом всегда такую незаметную, бледненькую физиономию дона Рэбы и медленно обрушивающуюся внутрь себя Веселую Башню».

Менять этот мир придется самим – без прогрессоров с другой планеты.

Кто высидел реакцию

О провале «забастовки избирателей», который был неизбежен

21 марта 2018 года

«Теперь власть сможет сделать все», – сокрушаются в Сети сторонники «забастовки избирателей», видя подавляющее превосходство Путина на президентских выборах.

Хочется ответить им: разве не вы помогли в этом власти, оставшись дома?

Три месяца подряд политики (в том числе, мы со Львом Шлосбергом), аналитики и эксперты (в том числе, симпатизирующие Алексею Навальному) объясняли, к чему приведет бойкот выборов, пафосно названный «забастовкой»: к повышению процента голосов за Владимира Путина и снижению процента голосов за оппозиционных кандидатов.

Мы объясняли: если итоги выборов покажут, что поддержка оппозиции ничтожна – это будет означать, что с мнением оппозиционных избирателей незачем считаться, ибо «их здесь нет» – они не пришли на выборы.

Значит, власть сможет не только продолжить свою политику, но и будет иметь все возможности ее ужесточить. И помешать этому несогласные с этой политикой могут только одним путем: придти на выборы и показать, что их много.

В ответ Навальный заявил, что «математика не имеет смысла».

Он и его сторонники стали уверять: поскольку «нет никаких выборов, все результаты нарисованы», то главное – обломать планы властей, которым-де страшно нужна явка. Поступить назло тому, к чему призывает власть. Вот, мол, сейчас «мы им покажем пустые участки», и «все увидят, что Путин нелегитимен».

Заодно со страшной силой, что называется, давили на мораль, убеждая, что голосовать за оппозицию – это «соучастие в преступлении», а остаться дома – высоконравственный поступок, практически гражданский подвиг. Просто иллюстрация к «1984»: «ложь – это правда, рабство – это свобода, война – это мир»...

Никаких «пустых участков» никому не «показали», зато часть демократических избирателей осталась дома.

По разным причинам: лень, неверие в то, что можно на что-то повлиять, отвращение от происходящего и назойливой агитации власти за участие в выборах...

В том числе – в результате заполнивших информационное пространство призывов к «забастовке».

Результат известен – подавляющий «путинский процент», высокая явка избирателей Путина и ничтожная поддержка оппозиции на избирательных участках.

Что же на это отвечают организаторы и сторонники «забастовки», сокрушающиеся, что ближайшие годы придется провести с «малоадекватной» и «воровской» властью, при той же политике – а может быть, и при гораздо худшей?

Признают, что идея «забастовки» была неверной? Что они не просчитали последствий (о которых их сто раз предупреждали)? Ничего подобного.

Навальный продолжает уверять, что «мы добились своего», что «35 миллионов человек отказались принять участие в позорных выборах», и что он «точно знает, что большинство из них действовали солидарно из идейных соображений», пытаясь записать большинство от непришедших в свою «группу поддержки». Это – лукавство: никаких доказательств того, о чем он «точно знает», Навальный не представляет.

Далее исполняется песня: «ах, какие мы молодцы, что в этом не участвовали и не запачкались», сопровождаемая оскорблениями и насмешками в адрес кандидатов в президенты, набравших мало голосов. «Подставные кандидаты и программы», «жалкие дебаты», «у Явлинского и Собчак нет никакого электората – поэтому их пустили на выборы», – витийствует Алексей Анатольевич...

Ну да, не запачкались. Но очень даже участвовали — своим отсутствием на выборах подняли процент голосов за Путина и опустили процент голосов за демократических кандидатов. А теперь, не моргнув глазом, лицемерно упрекают этих кандидатов в низких результатах.

Более того: о низких результатах как доказательстве ничтожности оппозиционных кандидатов твердят те, кто еще недавно уверял, что ходить на выборы незачем, потому что результаты «нарисуют». Но если результаты нарисованные — они не имеют никакого отношения к кандидатам. А если результаты реальные — значит, выборы не были «фарсом» и на них надо было идти. Где логика?

Одна логика, впрочем, имеется.

О ней говорили давно (в том числе и автор): главной (хотя и публично не объявленной, но сейчас ставшей абсолютно наглядной) целью Навального на этих выборах было как можно более тяжелое поражение демократических кандидатов.

В первую очередь — Явлинского, которого часть сторонников Навального травит так яростно, что, кажется, ненавидит его куда больше, чем Путина.

Зачем? Да чтобы остаться одному на «зачищенном» демократическом поле.

Пару дней назад об этом, как о достижении Навального, откровенно высказался Алексей Венедиктов. Ничего, что Путин получил подавляющий перевес — зато конкуренты разгромно проиграли ...

Плата за это «достижение» не замедлила себя ждать.

Буквально на следующие день-два.

В Петербурге уже 19 марта (!) на территории бывшего Фарфоровского кладбища (где против застройки блокадных захоронений выступают жители и оппозиционные депутаты) появилась техника для забивки свай.

В Петрозаводске прокурор запросил 9 лет лишения свободы для главы карельского «Мемориала» Юрия Дмитриева.

В Москве суд потребовал от Павла Дурова представить коды шифрования для «Телеграма», а Роскомнадзор пригрозил блокировкой.

В Екатеринбурге губернатор предлагает отменить прямые выборы мэра города (которым сейчас является Евгений Ройзман).

И думается, что это только начало новой волны реакции.

Прошлого уже не изменить – выборы закончились.

Надо хотя бы не повторять сделанных ошибок в будущем.

К «пензенскому делу» подключили пропаганду

17 апреля 2018 года

Судя по всему, телеканал НТВ готовит очередной «разоблачительный» фильм – о «правозащитниках, защищающих террористов».

На сей раз мишенью телепропагандистов стали члены петербургской общественной наблюдательной комиссии Яна Теплицкая и Екатерина Косаревская, публично заявившие о применении сотрудниками ФСБ пыток к антифашистам Виктору Филинкову и Игорю Шишкину, и адвокат подозреваемых Виталий Черкасов из «Агоры».

«Новая газета» рассказывала, что осенью 2017 года в Пензе ФСБ задержала Егора Зорина, Илью Шакурского, Василия Куксова и Дмитрия Пчелинцева, якобы входивших в террористическую группировку «Сеть», которая планировала сорвать президентские выборы 2018 года и чемпионат мира по футболу, который пройдет в 2018 году в России. В январе 2018-го в Петербурге по этому же делу задержали и заключили под стражу Филинкова и Шишкина. По информации Черкасова, задержанных фактически похищали (родственникам длительное время ничего не было известно об их местонахождении), а потом они были обнаружены в следственном изоляторе с явными следами пыток.

В конце января Теплицкая и Косаревская посетили задержанных в следственном изоляторе № 3 ФСИН России, и составили акт, констатируя у них многочисленные ожоги от электрошокера и гематомы. Филинков рассказал членам ОНК, что его пытали электрошокером и вывозили в лес.

На мое обращение в прокуратуру города с просьбой проверить информацию о применении пыток, мне ответили (через полтора месяца), что при поступлении в СИЗО «в ходе врачебного осмотра у Филинкова и Шишкина обнаружены телесные повреждения», и что «соответствующие материалы направлены по подследственности в военно-следственный отдел СК России по Санкт-Петербургскому гарнизону Западного военного округа».

Военно-следственный отдел мне с тех пор ничего не сообщил, зато в конце марта на суде по продлению задержанным меры пресечения выяснилось, что чекисты подтвердили следователям применение электрошокеров! Но заявили, что сделали это, поскольку Филинков якобы **оказал сопротивление при задержании и предпринял попытку к бегству. И что существует некая медицинская экспертиза, которая показала, что сотрудники ФСБ «не причинили вреда здоровью подозреваемого»...**

Заявлениям о «попытке к бегству», как и заявлениям об «отсутствии вреда здоровью») мало кто поверил. Если попытка к бегству была – почему о ней нет ни слова в материалах дела? Почему об этом не упоминалось в судах, когда Филинкову назначали и сохраняли меру пресечения? Ну, а фотографии следов «не повредившего здоровью» электрошокера обошли многие СМИ, в том числе за пределами России.

Напомним, что «выбивание» пытками из задержанных нужных показаний запрещено как 21-й статьей Конституции РФ («Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию»), так и статьей 302 УК РФ («принуждение подозреваемого к даче показаний путем применения угроз, шантажа или иных незаконных действий, соединенное с применением насилия, издевательств или пытки), наказание – до 8 лет лишения свободы).

Скандал приобретал крайне неприятный для власти характер, и тут в Петербурге и появились две «подставки для микрофона» (как их метко назвал один из питерских журна-

листов) из НТВ – Александра Мирошниченко и Мария Барзунова, – и начали преследовать Косаревскую, Теплицкую и Черкасова.

Косаревскую «журналистки» поймали у выхода из тюремной больницы имени Гааза – отметим, что находясь в больнице, она переключила мобильный телефон в авиарежим, а о ее пребывании там знали только сотрудники ФСИН.

По словам Косаревской, «журналисток» не интересовало, есть ли в больнице инфекционист (2 месяца нет), применяют ли шокер в ИК-6 (да) и есть ли жалобы на избиение в ИК-3 (тоже да), – вместо этого они назойливо, раз за разом, несмотря на отказ с ними разговаривать, интересовались, «почему она защищает террористов», и «как часто она общается с консулами», попутно стыдя ее тем, что она «дискредитирует страну, в которой живет».

Теплицкую встретили у дома – с аналогичными вопросами «как вы можете поддерживать террористов».

Черкасова тоже «поймали» у дома, спрашивая, поддерживал ли он в 2014 году украинский «Евромайдан», и назвали его «защитником террористов в понимании общественности». При этом, по словам адвоката, НТВ знало знали расположение его квартиры, потому что при подсьемке камера была направлена именно на его окна...

Что происходит – догадаться несложно.

Необходимо срочно отвлечь общественное внимание встречной атакой.

Сделать так, чтобы осуждали не тех, кто пытал, а тех, кто разоблачил пытки.

Не вопиюще незаконное применение пыток к задержанным, а поведение правозащитников и адвокатов, якобы «защищающих террористов».

Вот нtv-шные «подставки для микрофона» и терроризируют правозащитников – понятия не имея при этом (скорее всего, они вообще не слышали это слово) ни о презумпции невиновности, ни о журналистской этике. И плевать им при этом на тот факт, что даже самый независимый в мире российский

суд еще не установил вину ни Филинкова, ни Шишкина (на данный момент они являются не более чем подозреваемыми) — это совершенно не мешает «журналисткам» уверенно называть задержанных «террористами», а тех, кто говорит о применении пыток — «защитниками террористов». И, скорее всего, в пожарном порядке на НТВ готовится очередная «анатомия протеста» — чтобы оправдать действия чекистов и дискредитировать тех, кто уличает их в преступлениях.

Впрочем, если говорить о преступлении, то одно из них, как представляется, налицо — по ст. 137 УК РФ «Нарушение неприкосновенности частной жизни».

Откуда у НТВ домашние адреса Яны Теплицкой и Виталия Черкасова? Эти сведения могли быть собраны только незаконным путем, что наказуемо по указанной статье УК. Соответствующее обращение я направил прокурору Москвы Владимиру Чурикову — с просьбой провести проверку и привлечь виновных к ответственности.

Конечно, надежды на наказание не очень велики — еще ни разу, на моей памяти, те, кто незаконно собирал персональные данные на оппозиционных политиков и гражданских активистов, не были наказаны. Недавно в «Новой» рассказывалось о создании в сети ВКонтакте группы «Галерея Уникальных Людей», где выкладывались домашние адреса и фотографии оппозиционеров — после чего на них совершались нападения. Я обратился в Следственный комитет, группу заблокировали — но ее организаторов пока так и не «привлекли», а мое обращение перенаправили в центр «Э» для проверки и принятия мер. Ответа пока нет.

Что касается преследования Теплицкой, Косаревской и Черкасова — еще одно мое обращение ушло в Общественную коллегия по жалобам на прессу.

Заметим: коллегия тринадцать раз (!) рассматривала жалобы на НТВ и выносила решения, констатируя, что их программы не имеют отношения к «добросовестной телевизионной журналистике», и что в программах НТВ содержится «недостоверная, в том числе заведомо ложная информация о

заявителях». Полагаю, что и на этот раз решение будет таким же, и НТВ получит еще одну «черную метку» – вот только подействует ли она? После многочисленных «разоблачений», уже показанных на этом канале, представляется, что одно лишь моральное осуждение недостаточно. Более надежным было бы изгнание из профессии – за подлость.

Два года на дожитие

14 июня 2018 года

В Госдуму внесен правительственный законопроект о повышении пенсионного возраста – до 65 лет у мужчин и до 63 лет у женщин.

Момент выбран, с электоральной точки зрения, подходящий: президентские выборы только что прошли, думские – более чем через три года. Самое время для «непопулярных мер».

Недовольство граждан, без сомнения, будет сильным – но у ограниченного круга лиц: тех, кому скоро на пенсию. И потому ждать очень уж массовых протестов не приходится.

Ну, а логика очередной пенсионной реформы целиком укладывается в известную фразу Михаила Жванецкого: «Нас меньше должно быть».

О необходимости повышения пенсионного возраста российское правительство и его доверенные эксперты твердят полтора десятка лет. Громкость этой «старой, старой песни» обычно возрастает, когда выясняется, что на выплату пенсий в очередной раз не хватает денег, а обещания, данные перед началом очередной пенсионной реформы, в очередной раз не сбылись.

Заметим: в 2005 году, выступая на «прямой линии», президент Владимир Путин уверенно заявил: 'Хочу обратить внимание – я против увеличения сроков пенсионного возраста. И пока я президент, такого решения принято не будет. Нужно просто стимулировать людей, которые считают, что после выхода на пенсию они могут продолжать работать. Но ущемлять пенсионные права нельзя».

Однако, теперь концепция изменилась, как в известном анекдоте. И сразу после президентских выборов свежепереназначенный премьер Дмитрий Медведев заявил о необходимости повысить пенсионный возраст. Эксперты правительства тут же объяснили, что численность пенсионеров к середине 2030-х годов сравняется с числом работающих россиян, за которых уплачиваются страховые взносы, а затем и превысит его, и надо или повышать ставку страховых пенсионных взносов с нынешних 22% от фонда зарплаты до 27%, или добавлять Пенсионному фонду денег из федерального бюджета, или повышать пенсионный возраст.

На самом деле, все куда проще. И циничнее.

И чтобы это понять, заглянем в годовой отчет Пенсионного фонда России за 2017 год.

Средний размер пенсий в стране – это дробь. У нее в числителе – бюджет ПФР, а в знаменателе – число пенсионеров, получающих пенсию из ПФР.

Таковых сегодня около 40 млн. человек. Еще 4 млн. человек, в том числе военные и госслужащие, получает государственные пенсии из федерального бюджета.

Пенсионный фонд в 2017 году потратил на выплату пенсий 7.2 триллиона рублей. Поделим на 40 млн. получателей пенсий – и получим 15 тысяч рублей в месяц (в отчете ПФР указана средняя страховая пенсия около 14 тысяч рублей).

Нам говорят, что денег, которые собирает ПФР в виде страховых взносов (плюс поступления из федерального бюджета) скоро будет не хватать на выплату пенсий. То есть, в числителе пенсионной дроби образуется недостача.

Вообще говоря, для исправления ситуации следовало бы увеличить числитель дроби. И не тем, что повышать пенсионные взносы, а другими средствами: подключением к пенсионным нуждам других источников.

Например, доходов от продажи природных ресурсов, или дивидендов госкомпаний. Чего вполне бы хватило на ежегодную индексацию пенсий не только неработающим, но и работающим пенсионерам – при том, что для работающих пенсионеров она уже третий год как не проводится.

Еще один источник – гигантские расходы на оборону (2.8 триллиона рублей в 2018 году). Достаточно сократить их на 30%, чтобы пенсии можно было увеличить на 10% без всякого повышения пенсионного возраста.

Но что предлагается правительством? Прямо противоположное: обрезать знаменатель!

Если ПОВЫСИТЬ пенсионный возраст, то число получателей пенсий УМЕНЬШИТСЯ. И на оставшихся пенсионеров придется большее количество денег.

Тогда их будет хватать – по логике правительства. Которую справедливо будет назвать людоедской.

Обратимся к данным государственной статистики.

Сейчас в России около 78 миллионов женщин и около 68 миллионов мужчин.

Женщин в возрасте от 55 до 63 лет – около 10 миллионов. Мужчин в возрасте от 60 до 65 лет – около 6.5 миллионов.

Если поднять пенсионный возраст до 63 лет у женщин и до 65 лет у мужчин – число пенсионеров уменьшится на 16.5 млн. человек, а сами пенсии можно будет поднять на 40%.

Заметим, что сегодня в среднем мужчины в России живут лишь до 67 лет: иначе говоря, им будет полагаться лишь два года «дожития» после выхода на пенсию. Женщины живут дольше: в среднем, до 77 лет, им будет отпущено после выхода на пенсию еще почти полтора десятилетия.

О каком повышении пенсионного возраста можно говорить в этой ситуации? Может быть, сперва надо наладить в стране нормальную систему здравоохранения и социальной защиты, чтобы люди могли прожить еще долго после наступления пенсионного возраста, а уже потом начинать разговоры о его повышении?

Лет восемь назад, говоря о возможном повышении пенсионного возраста, тогдашний помощник президента России (затем вице-премьер, а ныне шеф фонда «Сколково») Аркадий Дворкович. Мол, «люди для этого готовы» и надо «делать акцент на увеличение продолжительности качественной жизни, когда в 60 или 70 лет человек является не обузой обществу, а созидателем».

Те, кому сейчас еще нет шестидесяти (не говоря о тех, кому больше) и рады не быть «обузой обществу, а созидателем». Но сегодня в России уже после 50 лет человеку крайне трудно найти работу – кроме, разве что, самой низкоквалифицированной...

Вызовут ли правительственные предложения массовые протесты? Не факт.

Нынешних пенсионеров это не затронет – они, как в 2005-м (во время злополучной «монетизации льгот») перекрывать улицы не будут. К тому же, им, скорее всего, постараются что-то «подбросить», демонстрируя заботу президента о пенсионерах. Те, кому до пенсии еще далеко, на улицы тоже не выйдут – резонно полагая, что до наступления их пенсионного возраста случится еще не одна реформа.

Остаются те, кому скоро на пенсию по нынешним правилам – и они, бесспорно, будут недовольны. Но на этот случай заранее ужесточены правила проведения массовых акций и увеличены наказания за их нарушения.

Последнее. Предложение о повышении пенсионного возраста традиционно для правительственных экономистов с их неизменной социальной беспощадностью.

Правда, беспощадны они только к другим: пенсия для правительственных чиновников, как известно, рассчитывается совсем по иным правилам, гарантирующим им безбедную старость.

Как и в прежние годы, они не намерены быть объектом собственных реформ.

Красные карточки «реформаторам»

19 июля 2018 года

Несколько сотен человек вышли в среду в Петербурге на народный сход на Малой Садовой улице в знак протеста против готовящегося повышения пенсионного возраста. У них не было ни флагов, ни плакатов, ни лозунгов – только красные карточки для чиновников и депутатов, поддержавших повышение пенсионного возраста. Провести согласованные

митинги петербуржцам не дали, ссылаясь на президентский указ и «особые меры безопасности» во время чемпионата мира по футболу. Правда, ЧМ уже закончился, а митинги заявлялись именно в тех местах, которые были согласованы с ФСБ для проведения публичных акций во время ЧМ, но это не помешало администрации отказать в согласовании, а суду – признать этот отказ законным.

Сход на Малой Садовой (и последующая «пешая экскурсия» по Невскому с красными карточками) формально ничего не нарушал, но это не помешало задержать полтора десятка участников. Тем не менее, в отличие от предыдущих ситуаций, никто (за одним исключением) не был оставлен в полиции на ночь, и никого не обвинили в неповиновении полиции с последующим арестом.

Скорее всего, потому, что именно в этот день были опубликованы два важнейших постановления Верховного суда, касающиеся практики применения законодательства о митингах.

26 июня 2018 года было принято постановление Пленума ВС, где в пункте 33 записано: «Невыполнение участником публичного мероприятия законных требований или распоряжений представителей власти, а также воспрепятствование исполнению ими служебных обязанностей, связанных с обеспечением общественного порядка, безопасности граждан и соблюдением законности при проведении публичного мероприятия, подлежит квалификации по части 5 статьи 20.2 КоАП РФ, которая в данном случае является специальной по отношению к части 1 статьи 19.3 КоАП РФ».

29 июня 2018 года было принято постановление Верховного суда по конкретному делу №78-АД18-5, и было прямо установлено, что участник публичного мероприятия не может нести ответственность за невыполнение законного распоряжения сотрудника полиции по статье 19.3 КоАП РФ. Цитируем постановление: «ответственность за это правонарушение охватывается диспозицией части 5 статьи 20.2 КоАП РФ, которой установлена административная ответственность за на-

рушение участником публичного мероприятия установленного порядка проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования».

Теперь переведем все это с юридического на русский.

На протяжении шести последних лет, начиная с первых акций протеста против фальсификации выборов 2011–2012 годов, полиция, задерживая участников протестных выступлений, оформляла на многих из них протоколы сразу по двум статьям Кодекса об административных правонарушениях: 20.2 (нарушение правил проведения митингов) и 19.3 (неповиновение законному распоряжению сотрудника полиции). При этом «неповиновением» объявлялся отказ граждан выполнить команду «Разойдись!» и покинуть место митинга или пикета. Более того, в «неповиновении» часто обвиняли и тех участников акции, к которым полиция даже не обращалась.

Зачем это делалось? А вот зачем. Наказание по статье 20.2 (если это не повторное нарушение) – только штраф, хотя он может быть и достаточно большим. Это значит, что задержанных нельзя продержать в полиции больше трех часов – потом их обязаны отпустить, составив протокол.

А вот статья 19.3 допускает в качестве меры наказания как штраф, так и арест, и потому задержанных можно продержать в полиции до 48 часов, а потом везти прямо в суд.

Сотни таких случаев имели место за последние годы только в Петербурге. И хотя еще в 2012 году Генеральная прокуратура констатировала, что сам по себе отказ «разойтись» не является отдельным нарушением, подпадающим под статью 19.3, и полиция, и суды эту позицию уверенно игнорировали. В итоге, например, после массовой акции 12 июня 2017 года на Марсовом поле арестовано (с предварительным содержанием сутки-двое в полиции) было более 200 человек.

Теперь, после постановлений Верховного суда – а постановлением Пленума ВС обязаны руководствоваться все суды, – поставлена, как хочется надеяться, точка. Теперь выясняется очевидное: сотни решений судов арестовать участников протестных акций незаконны. Все случаи, когда этих

людей удерживали в полиции сутки-двое (вместо того чтобы выпустить через 3 часа), также незаконны.

Не уверен, что прежние решения об арестах удастся оспорить – но теперь есть надежда, что задержанных участников протестных акций перестанут держать в полиции по двое суток и перестанут арестовывать.

События в Петербурге 18 июля – тому первый пример.

На Малой Садовой собралось несколько сотен человек. Мы с членом Правозащитного совета Санкт-Петербурга Григорием Михновым-Вайтенко еще до начала народного схода вручили полиции и Росгвардии оба постановления Верховного суда, сообщив, что теперь нельзя вменять задержанным «арестную» статью КоАП.

Генерал-майор Росгвардии Эльхан Нагиев проворчал: «Это каждый может напечатать». На что я ответил: «Так и форму каждый может в военторге купить». Больше генерал в документах не сомневался, только все спрашивал: ну чего вам дома не сидится? Подождали бы до 25 июля (окончание срока действия указа президента об «особых мерах»). Объяснений о том, что 19 июля – первое чтение закона о повышении пенсионного возраста, ему были недостаточно.

Сперва полиция и Росгвардия собравшимся не препятствовали, но когда люди с красными карточками решили начать «экскурсию» по Невскому, Росгвардия их заблокировала, а Григория Михнова-Вайтенко, снимавшего происходящее на камеру, задержали. Люди ушли на Малую Садовую – заблокировали и ее.

Когда красные карточки убрали – «силовики» отошли, и тех, кто пошел по Невскому в сторону Исаакиевской площади, сперва не трогали. Но потом, когда участники снова подняли красные карточки, на углу Невского и канала Грибоедова задержали около 30 человек, в том числе случайных прохожих. Часть задержанных тут же отпустили, и в автозаках осталось 14 человек. Около сотни участников добрались до Исаакиевской площади, где долго ходили по скверу, при этом полиция вела себя мирно и задержала только одного челове-

ка. Более того, надо сказать, что сами задержания проходили достаточно мягко. Видимо, задачей полиции и Росгвардии было рассеять собравшихся (тем более что подавляющее большинство – и это было очень заметно – были на митинге в первый раз), а не устраивать массовое винтилово перед первым чтением закона в Думе.

Пятерых задержанных (в том числе двух несовершеннолетних) отвезли в 76-й отдел полиции на Мытнинской улице, и мы с активистами «группы помощи задержанным» и коллегами из питерского «Яблока» поехали туда. Тут же столкнулись с проблемой: надо было передать задержанным купленную нами воду и еду, но для того, чтобы кто-то из полицейских вышел к нам из дежурной части и забрал передачу, надо было долго ждать, потом звонить дежурному прокурору и требовать начальство. То же самое, замечу, потом повторилось и в другом – 78-м отделе полиции на улице Чехова.

Передав все, что надо, и выяснив, что к несовершеннолетним едут родители, чтобы их забрать, мы оставили в 76-м отделе часть «группы помощи», в том числе найденного «яблочниками» адвоката, и стали искать остальных девяти задержанных. И тут начался самый настоящий, как говорят, трэш.

Автозак с ними приехал к 76-му отделу – и уехал куда-то дальше. Куда? Полиция не сообщала. Задержанные нам звонят и говорят: «Мы встали на Старорусской улице». Мы с активистами на моей машине (кто знает, какой я водитель, неминуемо улыбнется) мчимся туда. По дороге поступает новая вводная: «Мы на Атаманской». Летим на Атаманскую, по пути нам сообщают: «Мы на Миргородской». И так далее...

Это было бы смешно (не полиция преследует депутата Вишневого, а он преследует полицию), если бы не было грустно: 30-градусная жара, в автозаке душно и жарко, а мы пытаемся передать задержанным воду и не можем их догнать.

Наконец на Миргородской улице мы перехватили остановившийся автозак. Увидев нас, полицейские тут же попытались уехать, и только отчаянный крик жены Григория, Наташи

Сивохиной: «У меня муж в автозаке!» – заставил их подождать полминуты, чтобы мы успели передать хотя бы воду...

Наконец второй автозак приехал в 78-й отдел полиции, куда примчалась большая группа поддержки. Передали воду, еду, привезли «пенки» – вдруг оставят на ночь. Но, к счастью (думаю, все-таки подействовали переданные постановления Верховного суда), всех в конце концов – уже к двум часам ночи примерно – отпустили, составив протоколы только по статье 20.2. А Григория Михнова-Вайтенко отпустили и вовсе без протокола, хотя так и непонятно, почему его задержали.

Глава 3. Непричесанные мысли

блог Бориса Вишневецкого на сайте радиостанции «Эхо Москвы»

Август, 19-е

19 августа 2015 года

Сегодня в 19 часов – как всегда, 19 августа, – питерские демократы соберутся у Мариинского дворца.

Чтобы вспомнить те дни.

Чтобы задуматься: почему победа обернулась поражением?

И чтобы понять: что делать дальше?

Когда сбылись мечты путчистов – государство неизмеримо важнее человека, а «государственными интересами» можно оправдать все, что угодно, восстановлена «вертикаль власти» и у народа отнята только что обретенная свобода.

Когда телевидение превращено в отдел пропаганды ЦК КПСС... то есть, президентской администрации.

Когда установлена политическая цензура, а инакомыслящие объявлены «предателями» и «пятой колонной».

Когда агрессивная ненависть к окружающему миру стала необъявленной, но очевидной государственной идеологией.

Когда в страну возвращается страх – ставший главным методом управления.

Когда гражданин бессилён перед полицейским и чиновником.

Когда людям, протестующим против очередной безумной застройки, в лицо заявляют «кто вы такие, чтобы имело значение ваше мнение?».

Как действовать в ситуации, когда большинство сограждан заученно повторяют то, что услышали по телевизору? Мы встали с колен, и потому нас все ненавидят, в Украине фашисты и хунта, и Крым мы забрали правильно, потому что он всегда был наш, пока Хрущев не отдал его по пьянке, Америка – зло, а от санкций мы только крепчаем...

Впрочем, давайте поставим мысленный эксперимент: страна просыпается – а по всем телеканалам «Лебединое озеро».

И в новостях рассказывают, что у Самого ухудшилось здоровье, и потому он не может управлять государством, что были допущены серьезные ошибки, и что вся власть отныне находится у чрезвычайного комитета, в составе которого – известные персоны.

И на улицах – вооруженные патрули и тяжелая техника...

Во что вы, читатель, больше верите: в то, что 86% граждан выйдет на улицы защищать Самого и строить баррикады – или в то, что они будут сидеть дома и ждать, чем все закончится?

Во что вы, читатель, больше верите: в то, что «Единая Россия» призовет граждан к сопротивлению путчистам – или в то, что ее функционеры немедленно начнут отрекаться от Самого, твердить «мы были жестоко обмануты» и торжественно сжигать партбилеты?

Во что вы, читатель, больше верите: в то, что Киселев с Соловьевым и Андреева с Мамонтовым будут клеймить путчистов – или в то, что они начнут рассказывать нам правду о злоупотреблениях прежней власти, о которых были вынуждены молчать из-за жестокой цензуры?

24 года назад, граждане вышли на площадь, чтобы защитить не Горбачева или Ельцина – а свою свободу и достоинство. Свои надежды и мечты. И именно это не позволило путчистам победить.

Что будет защищать электорат нынешней власти – право друзей Самого приватизировать доходы от экспорта нефти и газа, строить дворцы и пристраивать детей на прибыльные места?

Право дипломатов Самого общаться с окружающим миром при помощи нецензурной брани и трамвайного хамства «официальных представителей»?

Право силовиков и чекистов Самого отобрать любой понравившийся им бизнес?

Право новой номенклатуры считать, в том числе, указанный электорат мусором, который можно безнаказанно давать, беспрепятственно грабить и открыто презирать?

Если в Кремле всерьез надеются, что их магические «86%» будут их защищать – они еще глупее, чем гэкачеписты.

Псковский час ненависти: как прошло «дело Шлосберга»

26 сентября 2015 года

Судилище над лидером Псковского «Яблока» и депутатом областного собрания Львом Шлосбергом, которого 24 сентября лишили мандата – одно из главных российских политических событий последнего времени.

Последовало огромное количество откликов – и практически все, в поддержку Льва. С восхищением его мужеством, уверенностью в своей правоте и достоинством, с которым он отвечал своим обвинителям – именно в этой роли выступали на заседании псковского собрания его соседи по парламенту (назвать их «коллегами» язык у меня лично не поворачивается).

Впрочем, до конца почувствовать чудовищность происходившего в зале Псковского областного собрания могли лишь те, кто там присутствовал – как мы с председателем «Яблока» Сергеем Митрохиным и председателем питерского отделения партии Михаилом Амосовым, и большой группой питерских журналистов, для которых мы организовали поездку в Псков.

В течение часа, когда обсуждалось «дело Шлосберга», зал заседаний наполнился концентрированной ненавистью.

Никто из рвавшихся его обличить единоклассников, коммунистов и жириновцев этой ненависти не скрывал и не собирался. Никто не обсуждал юридические аргументы: совершил Шлосберг или не совершил то, в чем его обвиняли, можно или нельзя лишить его за это мандата – это было неинтересно и не нужно выступавшим. Они твердили исключительно о том, как невыносима для них позиция Шлосберга, его поступки и его слова, его статьи и его выступления.

Миллионер-коммунист Савицкий, актер-единоклассник Севастьянов, жириновец от жилкомхоза Макарченко и их со-

товарищи брали слово, чтобы разоблачить, заклеить и пригвоздить. От микрофонов неслось «рупор Госдепа на территории нашей области», «уберите грязные лапы», «Шлосбергу можно ехать на Украину к светлому будущему», «он переступает через святое», «его сердце бьется не в такт с нашими», «открываются новые заводы и свинофермы, а он собирает негатив и старается очернить»... Порой казалось, что вернулись советские времена, и вот-вот раздастся крик «расстрелять, как бешеных собак!»...

Они спешили свести счеты. Они старались ненавистью заглушить зависть. Они рвались отомстить за четыре года, в течение которых им приходилось терпеть рядом с собой человека, принципиально непохожего на них и потому ненавистного. Отличающегося от них своим бесстрашием, умом и независимостью. Которого нельзя было ни купить, ни запугать, ни заставить, и на которого не действовали привычные для администрации методы организации «нужного» голосования.

Когда слово получили депутат Госдумы Дмитрий Гудков и я – ненависть зала на короткое время переключилась на нас. ««Вы пришли в наш дом и нечего нас учить!», «Не надо нам рассылать никаких писем и учить нас юридической грамотности», «У нас есть правовое управление, юристы, с которыми мы работаем, они достаточной высокой квалификации», «Мы уже в истории, уже вошли, причем так прочно, не надо нас учить, мы сами примем решение»...

В историю они и правда вошли – о чем я им прямо и сказал с парламентской трибуны. Но специфическим образом: только в связи с расправой над Шлосбергом они и останутся в истории (как только в связи с расправой над Иосифом Бродским остались в истории его обвинители) – больше никаких причин вспоминать о них не будет. А когда придут за ними – в этом зале, в отличие от сегодняшнего дня, когда был аншлаг, не будет ни группы поддержки, ни федеральных СМИ. Только их однопартийцы, которые будут расталкивать друг друга локтями, чтобы первыми от них отречься...

Когда объявили результаты голосования по лишению Шлосберга мандата (41 «за» и только трое «против») – Лев

встал и молча направился к выходу из зала. Мы последовали за ним – как и все приехавшие из Москвы и Петербурга журналисты. Вслед раздалось злобное «мы думали, что федеральные СМИ интересуются работой нашего Собрания, а им была нужна только сенсация...». Устраивать такую «сенсацию», замечу, псковских депутатов никто не заставлял.

Мы вспомним их всех поименно – соучастников этой расправы, объединенных радостью коллективной травли. Единороссов и коммунистов, жириновцев и «эсеров» – четыре филиала одной партии власти, отличающихся только названиями.

В российской истории – это второй случай, когда депутаты из парламентского большинства творят внесудебную расправу (первый случай был с Геннадием Гудковым). И судя по всему – не последний.

Впрочем, еще и еще раз доказывающий, что надо раз и навсегда прекратить слушать вранье тех, кто считает «Яблоко» не оппозиционной партией, а оппозицией объявляет только «сторонников Навального», включая «Парнас». И тех, кто, рассказывая об истории с Шлосбергом старательно не упоминает, из какой он партии (мол, просто «оппозиционный депутат»), отвечая магазинным хамством тем, кто заметил эту странную «забывчивость». И раз и навсегда перестать слушать унылых демагогов, призывающих не ходить на выборы.

Потому что даже один такой депутат, как Лев Шлосберг, может изменить жизнь в целом регионе.

Значит, надо добиваться, чтобы Шлосберг был не один.

Чтобы «шлосбергов» было много.

Единственная гарантия, которая должна быть у «элиты» – на справедливый суд

20 февраля 2016 года

К Михаилу Ходорковскому, предложившему не преследовать президента, премьера и прежнюю элиту после смены

режима и не проводить люстрации, а вместо этого «прощать», присоединился депутат Госдумы Дмитрий Гудков.

Мол, «подумайте: как отчаянно будут защищаться те люди, которым пообещают расправу сразу по окончании их полномочий». А поскольку «нам нужно провести в стране реформы, а не заняться сведением счетов», то нужно «чтобы одни элиты сменились другими, понимая, что сражаться за жизнь не нужно». И надо предложить нынешним правителям: «мы вам безопасность, вы нам – мирный переход власти». При всем уважении к Дмитрию, согласиться с ним нельзя.

Во-первых, реформы без люстраций в России уже проводили. С хорошо известным результатом. Сравните жизнь там, где люстрации провели (Чехия, Польша, Венгрия, Прибалтика, Грузия) с жизнью там, где ее не провели.

Во-вторых, сделка «безопасность в обмен на мирный переход» не получится: защищаться путинская «элита» (намеренно беру в кавычки, ибо никакой элитой они не являются – правильнее было бы называть номенклатурой) будет все равно. Понимая, что потеря власти неминуемо поставит вопрос о законности их капиталов и имущества. И она не поверит никаким гарантиям со стороны оппозиции – в том числе и потому, что сама любые свои гарантии готова нарушить без малейшего стеснения.

В-третьих, готовы ли мы к тому, что останутся безнаказанными те, кто приказал штурмовать школу в Беслане? Те, кто передавал доходы от нефти и газа в руки друзей? Те, кто воровал миллиарды из бюджета и строил на ворованное дворцы? Те, кто выносил неправосудные приговоры и возбуждал сфальсифицированные уголовные дела? Те, кто готовил и развязывал агрессивные войны?

Готовы ли мы к тому, что все они вместо ответственности за свои деяния будут председательствовать в заботливо созданных для себя фондах, писать книги, ездить по миру, читая лекции, и свободно пользоваться тем, что успели наgrabить за годы властвования?

Или единственная гарантия, которая должна быть у «элиты» – это гарантия справедливого суда?

Что же касается люстраций для путинских чиновников, дипломатов и пропагандистов, то можно простить и не сажать. Но нельзя позволить и дальше гадить.

Нельзя позволить путинским бойцам информационных войск и дальше свободно вещать с телеэкрана. Пусть ищут себе другую работу – а от журналистики будут отлучены навсегда.

Нельзя позволить путинским дипломатам и дальше врать всему миру, выставляя Россию на посмешище. Пусть зарабатывают себе на жизнь другим способом.

Нельзя позволить путинским чекистам и прокурорам и дальше путать Отечество и начальство, объявляя выступления против власти «изменой» и «экстремизмом». Пусть идут в охранники или грузчики – кто куда сможет.

Если этого не сделать – как это уже было, на смену дракону снова придут бургомистры и генрихи. И то, что раньше нагло забирал дракон, снова окажется в руках «лучших людей города».

Речь идет не о расправе.

Речь идет о справедливости.

И о гарантиях того, чтобы не повторилось уже пройденное.

Фашизм – не в Киеве. Он здесь

18 марта 2016 года

«Накличут на себя когда-нибудь наши либералы новый Бабий Яр» – злорадствует зам. главного редактора газеты «Завтра» Владимир Бондаренко. Для справки: один из подписантов недоброй памяти «письма 74-х», еще в 1990 году возмущавшийся «руссофобией» и «стремительной реабилитацией и безоглядной идеализацией сионистской идеологии и политических деятелей фашистского государства-агрессора Израиля».

«Жить с либералами в одной стране не получится. Либо мы, либо они», – вещает Захар Прилепин.

Бывший оппозиционер, а ныне певец «Новороссии», боец с «украинским фашизмом» и автор патриотических ви-

деоклипов о расправе с «национал-предателями» с явными признаками неарийской внешности.

Очень знакомо, не правда ли?

В гитлеровской Германии главные враги были – либералы, евреи и Запад.

Отношение к Западу авторов процитированных выше пещерных высказываний хорошо известно.

До штрайхеровского «Дер Штюмер» им уже недалеко.

И не только им.

Бравая «комсомолка» Скойбеда посетовала, что из предков либералов нацисты не наделали абажуров.

Прокуратура и бровью не повела, главред не уволил, киоски брать газету не побрезговали.

Певец «сильной власти» Мигранян назвал Гитлера образца до 1939 года «политиком высочайшего класса» (напомним, что к этому времени уже были приняты «расовые законы» о чистоте крови и дискриминации евреев, и уже прошла «Хрустальная ночь» – массовые еврейские погромы по всей стране). И на это прокуратура посмотрела широко закрытыми глазами.

В Петербург в марте 2015-го созвали неонацистов со всей Европы (они же – базовая группа поддержки Кремля).

Полиция задержала не их, а тех, кто протестовал против коричневой сходки.

Вскоре после этой сходки российский МИД (!) выпустил доклад, где назвал большинство его участников неонацистами.

На прокуратуру и Следственный комитет это не произвело ни малейшего воздействия. И в октябре 2016-го «евронацисты» намереваются собраться снова.

Прекратите врать, что фашизм – в Киеве.

Он здесь.

Не стыдно быть в меньшинстве. Стыдно быть в стаде

12 августа 2016 года

В «памятке для агитаторов» единокороссы гордо заявляют, что их, де, поддерживает большинство, которое не может ошибаться.

«Двойка» по истории, господа.

Все развитие человечества – непрерывная цепь ошибок большинства и правоты меньшинства.

Именно меньшинство стало ходить на двух ногах, в то время как большинство считало, что надо не выпендриваться и ходить на четырех.

Именно меньшинство поняло, что к повозке можно приделать колесо, а к лодке – парус, что стрела, выпущенная из лука летит дальше, чем брошенное рукой копье, что зерно, брошенное в землю, дает урожай, что Земля вращается вокруг Солнца, что пар может двигать корабли, а электричество – освещать дома и улицы, что можно летать без крыльев и передавать сигналы без проводов, в то время как большинство все это, в лучшем случае высмеивало.

В подавляющем меньшинстве были в свое время те, кто требовал отмены рабства и те, кто говорил о правах человека, равенстве и справедливости.

Тех, кто в 1968 году вышел на Красную площадь, было восемь человек.

А в зале заседаний Верховного Совета СССР во время очередного пароксизма государственно-коммунистического восторга остался сидеть один лишь Андрей Дмитриевич Сахаров.

Но именно они были правы – а не осудившее и освистывавшее их большинство.

И гордимся мы сегодня ими – а не их гонителями.

Главное – не перепутать методички

03 октября 2016 года

Найдено на просторах Интернета. «МИД: на Украине мы поддерживаем повстанцев в борьбе с преступной властью, а в Сирии поддерживаем власть в борьбе с преступными повстанцами. Главное – не перепутать методички».

Было бы смешно – если бы не было грустно.

Внезапно вспыхнувшее желание российской власти бороться с террористами из запрещенного у нас ИГИЛа можно

было бы только приветствовать. Но сложно в него поверить. Потому что сразу возникает вопрос: почему с таким же анти-террористическим пылом мы не бомбим «ХАМАС» или «Хизбаллу»?

Чем эти террористы принципиально отличаются от террористов из ИГИЛа, кроме места дислокации? Однако, мы не то, что не бомбим их – Кремль вообще не признает их террористами и не запрещает их деятельность в России. Более того, лидеры «ХАМАСа» – нередкие гости в Москве...

Нельзя не спросить: почему?

Только что в Израиле террористы расстреляли раввина Эйтама Хенкина и его жену Нааму на глазах у их четверых детей. Представитель «ХАМАСа» назвал это «героическим актом сопротивления». А Сергей Лавров, вместо того, чтобы осудить убийство, заявил, что «застой в мирном процессе подталкивает жителей Палестинской автономии к экстремизму».

«Замечательная» логика. Одних террористов бомбим, других – объявляем жертвами обстоятельств. Одних террористов надо уничтожать – других можно радушно принимать в Москве. Как насчет «двойных стандартов», в которых Кремль привычно обвиняет Запад?

Спору нет: у Запада этих «двойных стандартов» – вагон с тележкой. Но разве у Кремля их меньше?

Да, нет в сирийском конфликте белых и пушистых. Да, у каждого из «внешних игроков» – и на Западе, и на Востоке, – свои интересы. И свои критерии: кого считать отвратительными террористами, а кого – героическими повстанцами.

Но критерий, который объявлен Кремлем, предельно прост: террористы – те, кто против Асада. Сочувствие к которому в российском медиа-пространстве сегодня демонстрируют не только малолетние чемпионки по поднятию штанги и штатные кремлевские пропагандисты, но и некоторые либеральные журналисты. Впрочем, это сочувствие и людоедские призывы известного «интернет-деятели» вообще «стереть Сирию с лица земли» – две стороны одной медали...

Те, кто воспринимает мир только через призму российских федеральных каналов, может поверить, что террористы – те, кто против Асада. Те, кто знает, что Асаду противостоят в том числе и силы умеренной, светской оппозиции, неизбежно делают вывод: целью российских властей является вовсе не борьба с терроризмом, а защита сирийского диктатора под предлогом борьбы с терроризмом.

И если это так – если целью российской власти является не борьба с терроризмом и «наказание беспредельщиков» (о чем пишут скрывающие свои лица «крымские блогеры», заходящиеся в словесном экстазе от восхищения Путиным и «мощнейшей военной операцией в Сирии»), а сохранение у власти Асада, то не может не возникнуть вопрос: зачем?

Зачем это Кремлю, с советских времен поддерживающему международных мерзавцев и диктаторов, еще понять можно. А зачем это российским гражданам?

«Мы – великая нефтяная держава, мы должны иметь влияние в регионе, где добывается нефть!», – уверяют прокремлевские комментаторы. Советский Союз имел это влияние – куда большее, чем сегодня Россия. Спасло его это от падения цен на нефть в 80-е годы? Ничуть. Кстати, Сирия с тех пор осталась нам должна 13 миллиардов долларов, из которых ей любезно простили 10 миллиардов..

Представим себе почти невероятное: при российской поддержке и путем новых многомиллиардных затрат и людских потерь (воздушная операция не означает отсутствие жертв) Башар Асад сохранен у власти – хотя бы на части Сирии.

И что потом?

А потом России придется или содержать его режим и непрерывно подпитывать его деньгами и оружием – или эвакуировать Асада с чадами и домочадцами в ближнее Подмосковье, как это уже происходило с разными деятелями разных режимов в советские времена. Или сперва содержать, а потом все равно эвакуировать.

Не слишком ли дорогая цена за отвлечение внимания от Украины и поддержание рейтинга президента?

Возвращение отдельного корпуса жандармов

7 апреля 2017 года

Наиболее точная историческая аналогия пресловутой «нацгвардии» — отдельный корпус жандармов, существовавший в Российской империи с 1827 по 1917 годы.

Жандармы предназначались, в том числе, «для рассеяния законом запрещённых скопищ, для усмирения буйства и восстановления нарушенного порядка, для охранения порядка на парадах войск, пожарах, ярмарках, народных гуляньях, всякого рода публичных съездах». Также их обязанности заключались, например, в «обнаружении и исследовании государственных преступлений; в охранении внешнего порядка, благочиния и общественной безопасности в районе железных дорог».

Ровно это и поручается «нацгвардии», возглавлять которую поставлен недавний главноохраняющий Самого.

Никакой общественной потребности в том, чтобы создавать жандармский корпус, нет.

Граждане нуждаются в усилении своей защиты от произвола властей — а вовсе не в появлении «нацгвардии» с карательно-охранными полномочиями, нацеленной на прямо противоположную задачу: защитить власть от граждан, недовольных ее действиями. Которых, судя по «успешной» политике властей, будет все больше.

Поэтому срочно нужны жандармы.

Которые будут бороться с «внутренними врагами»: разгонять митинги и демонстрации, вторгаться в дома и квартиры, стрелять без предупреждения и применять бронемашину и водометы, уведомляя об этом прокурора в течение 24 часов.

Которые будут абсолютно неподконтрольны обществу (недаром предлагается запретить разглашение сведений о том, кто именно служит в их рядах). И которые (как задумано) не подведут, если в «час Икс» дрогнут армия и ФСБ.

Встанут несокрушимой стеной вокруг Самого.

А Сам не только убеждает подданных, но и себя давно убедил, что живет в осажденной крепости. Где снаружи – враги, а внутри – предатели. И кольца окружения сжимаются с каждым днем.

Его так учили в высшей школе КГБ: любое негативное явление объясняется исключительно происками врагов. Устраним врагов – и все наладится.

Вот только, – и опять же, благодаря его политике, – друзей становится все меньше и меньше, а врагов становится все больше и больше.

Когда выяснится, что «голубые мундиры» предпочитают спасать себя, а не Самого – как случилось со многими диктаторами, – для него будет уже поздно.

Признать правду о «Боинге» все равно придется

29 сентября 2017 года

Летом 2014 года, когда был сбит малайзийский «Боинг», – еще до начала расследований, до начала оправданий российских пропагандистов, до абсурдных заявлений об «украинском истребителе», якобы сбившем самолет, я написал очень простую вещь.

Украинская армия не могла сбить «Боинг» просто потому, что не имела воздушных целей для атаки. У так называемых «сепаратистов» тогда абсолютно точно НЕ БЫЛО авиации, по которой Украина могла бы стрелять.

Стрелять могли только «сепаратисты» (точнее, или российские диверсанты, или пророссийские боевики, потому что никакого сепаратизма в Донецке никогда не было). И стрелять – по украинским воздушным целям.

Я и сегодня придерживаюсь этой же гипотезы.

И потому, на мой взгляд, грош цена всем «версиям», которые все эти годы придумывает российская пропаганда для оправдания виновных, всем «экспертам», которых она выставляет на международное посмешище, и всем гневным заявлениям российского МИДа.

Заметим: НИ РАЗУ официальные российские представители и официальные российские СМИ даже в качестве версии не выдвинули предположение о вине «сепаратистов». У них всегда виновата только Украина.

Перепутали «сепаратисты» пассажирский «Боинг» с транспортным украинским АН-26 (который могли пытаться сбить) или не перепутали, – не так важно.

Важно, что погибли 298 человек, что совершено ужасное преступление, и преступники или приехали из России, или пользовались российской поддержкой. И они должны за это понести наказание.

Да, отравленные пропагандистским ядом, многие (возможно, большинство) граждан моей страны не поверят никакому расследованию, никаким логическим выводам и доказательствам вины «сепаратистов» и тем более – вины российских властей. И будут продолжать верить в вину Украины.

Точно так же они когда-то верили в вину «врагов народа» и в то, что Сталин – великий вождь и учитель, что генетика с кибернетикой – лженаука и продажные девки империализма, что Иосиф Бродский – тунеядец, а Андрей Сахаров – клеветник, что польских офицеров в Катини расстреляли фашисты, а секретные протоколы к пакту Молотова-Риббентропа – гнусная выдумка. Сегодня они же верят в то, что Россия – «осажденная крепость», а в высоких ценах и низких пенсиях виноват Обама.

Некоторые верят в это до сих пор.

Но постепенно приходится – скрипя зубами, – признавать правду.

Так же будет и с «Боингом».

Светлая память погибшим. И нет прощения убийцам и их покровителям.

Захарова и шлепок

1 октября 2016 года

Спикер российского МИДа Мария Захарова, при которой дипломатическая риторика деградировала до уровня трам-

вайного хамства, посмеялась над заявлением министра иностранных дел Великобритании Бориса Джонсона – о том, что стыд является самым мощным оружием, которое Запад может использовать против России.

Ей очень весело: нашли, чем угрожать – стыдом! Еще бы к совести воззвали – к словам, в принципе отсутствующим в кремлевском лексиконе...

Адам Михник когда-то сказал: патриотизм определяется мерой стыда, который человек испытывает за преступления, совершенные от имени его народа. Эти – стыда не испытывают.

Ни за отправку бандитов на восток Украины, ни за бомбардировки гуманитарных конвоев и госпиталей в Сирии, ни за сбитый «Боинг». Им все – божья роса.

В ответ на очередное уличение во вранье, – как написал когда-то Фазиль Искандер, лишь «наглая улыбка обесчещенного».

Когда убили Павла Шеремета, Захарова назвала Украину «братской могилой для журналистов и журналистики».

Как будто в России не были убиты Анна Политковская и Юрий Щекочихин, Наталья Эстемирова и Михаил Бекетов, Лариса Юдина и Анастасия Бабурова, Пол Хлебников и Тимур Куашев, и многие, многие другие.

В подавляющем числе случаев не найдены и не наказаны ни убийцы, ни организаторы, ни заказчики.

Но никак не припомнить беспокойства ни Захаровой, ни ее начальников по этому поводу...

Впрочем, про таких все давно уже сказал гениальный Евгений Шварц.

«Когда в моде был загар, он загорел до того, что стал черен, как негр. И тут загар вдруг вышел из моды. И он решился на операцию. Кожу из-под трусов – это было единственное белое место на его теле, – пересадили ему на лицо. С тех пор он стал чрезвычайно бесстыден, и теперь пощечину называет просто «шлепок».

Путин опять сознался

13 октября 2016 года

«Мы вынуждены были защищать русскоязычное население на Донбассе», – заявил Владимир Путин, выступая на форуме «Россия зовет».

Тем самым был показан очередной пример беззастенчивого перехода российской власти от «наглая ложь!» к «ну да, а что такого?».

Говоря о Крыме, Кремль сперва категорически отрицал участие российского спецназа (неуклюже заgrimированного под «зеленых человечков») в крымской спецоперации весной 2014 года. Потом признал, что российские военные там были. А потом рассказал, что президент Путин лично принимал решение о «присоединении Крыма», и приказал направить в Крым спецподразделения ГРУ, морскую пехоту и десантников под видом «усиления охраны наших военных объектов в Крыму», чтобы «блокировать и разоружить украинские воинские части».

Говоря о Сирии, Кремль сперва заявлял, что российские военные действуют только против террористов запрещенного ИГИЛа. А потом признал, что их задачей является «стабилизация законной власти в этой стране». То есть, сохранение у власти сирийского диктатора Асада.

Говоря о Донбассе, Кремль категорически отрицал какое-либо вмешательство России в мятеж, поднятый на востоке Украины. Называя «доведенными до отчаяния сторонниками федерализации» хорошо вооруженных граждан с тщательно скрываемыми лицами, захватывающих административные здания и отделы милиции на Донбассе и Луганщине, берущих заложников и превращавших женщин и детей в «живой щит». При этом никак не объяснялось, откуда у «мирных шахтеров и трактористов» новейшие российские автоматы и гранатометы. И даже после расследований моего коллеги по «Яблоку» Льва Шлосберга о гибели псковских десантников нам продолжали вдохновенно врать, что никаких российских военных на востоке Украины нет...

У микрофона в зале заседаний Законодательного Собрания

В Мариинском дворце

С заслуженной артисткой России Ларисой Дмитриевой
на совместном концерте

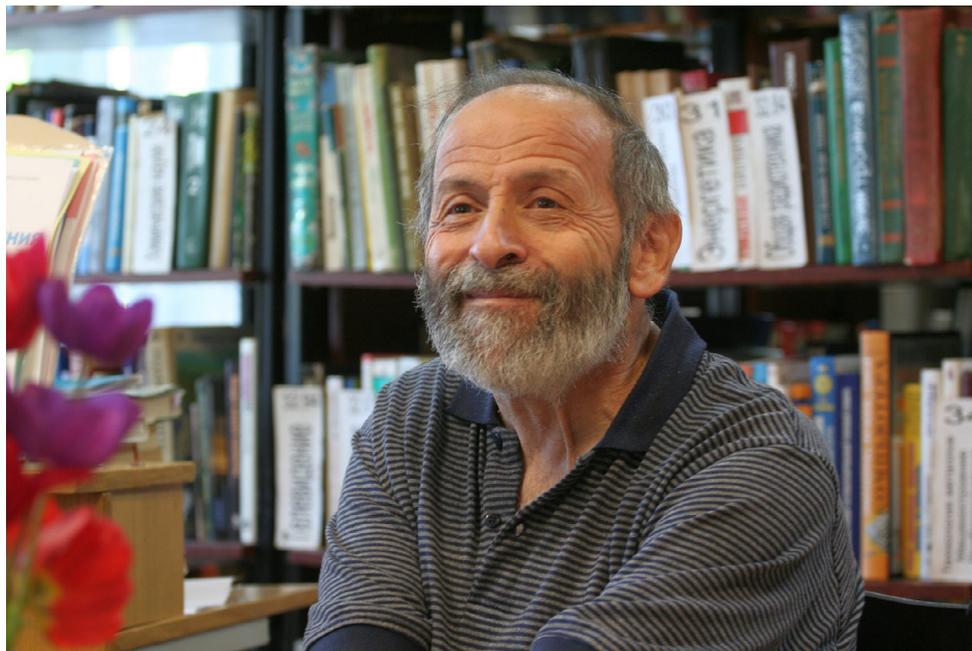
На митинге в День политзаключенных у Соловецкого камня

На митинге против повышения пенсионного возраста

Выступление на трибуне Законодательного Собрания при обсуждении бюджета

В Гдове во время лекции «Миры Братьев Стругацких сегодня»

На митинге в защиту образования, науки и культуры

Потом Путин заявил, что там есть люди, которые «занимаются решением определенных вопросов, в том числе в военной сфере».

Наконец, теперь признается, что Россия, мол, «была вынуждена защищать русскоязычное население». Позвольте спросить – от кого надо было «защищать»? Ни единого доказательства каких-либо «преследований» русскоговорящих граждан на востоке Украины не приводилось – как ранее не приводилось никаких доказательств опасности, якобы угрожавшей русскоязычным гражданам в Крыму, от которой их надо было немедленно спасать, «присоединяя» Крым...

Что сейчас яростно отрицают в Кремле? Причастность к бомбежкам Алеппо и авиаударам по гуманитарным конвоям?

Бревно в глазу Володина

14 ноября 2016 года

Спикер Госдумы Вячеслав Володин нашел массу недостатков в президентской кампании в США.

Оказывается, и досрочное голосование там было, и президент Обама занимался агитацией и в кампании использовались «административный ресурс» и «грязные методы», от которых в России «уже отвыкли, и вообще в США большие проблемы с политической культурой. Не то, что у нас.

Технология маскировки бревна в своем глазу соломинкой в чужом столь же традиционна для российской пропаганды, как и раньше для советской – но сейчас г-н Володин очень уж звучно уселся в лужу. Что называется, чья бы корова мычала.

Главным и единственным методом агитации на выборах последних полутора десятков лет у «Единой России», где состоит Володин, был метод рыбы-прилипалы – мертвой хваткой прилепиться к Путину, который, в свою очередь, поддерживал единороссов. А на минувших думских выборах весь Петербург (и, думаю, не только он) был увешан постерами с цитатами Путина, восхваляющими «Единую Россию».

Что касается «административного ресурса» и «грязных методов», то на единороссов, не стесняясь, работала вся

бюрократическая машина – администрации всех уровней, избиркомы, прокуратура и полиция вели себя как отделы их избирательного штаба.

СМИ, подконтрольные власти, не жалели сил, агитируя за «ЕР» и ее кандидатов (оппозиция при этом находилась в ситуации информационной блокады). Весь «подневольный электорат» – бюджетники, военные, курсанты, ветераны, работники жилкомхозов и социальных служб, – был мобилизован для голосования за «партию власти». Суды же смотрели на все это широко закрытыми глазами – в том числе, на любые факты незаконной агитации и подкупа избирателей со стороны единоклассников кандидатов.

В США есть (и немало) недовольных РЕЗУЛЬТАТАМИ выборов. Но ничего не слышно о массовом недовольстве их ЧЕСТНОСТЬЮ (и потому никто эти результаты не оспаривает).

Ничего не слышно о собраниях в школах, где представители губернаторов или мэров объясняли бы учителям и родителям, за кого надо голосовать. Ничего не слышно о переписывании протоколов голосования и «каруселях» на избирательных участках (только что неопровержимые доказательства «каруселей» были предъявлены суде в Петербурге – на участках, где избранным был объявлен печально известный депутат-гееборец).

Ничего не слышно о том, чтобы военных строем вели голосовать за одного из кандидатов, или чтобы члены избиркомов выпрыгивали из окон, пытаясь унести избирательные документы.

Ничего не слышно об избирательных участках, где с полицией выгоняют оппозиционных наблюдателей, или где главы муниципалитетов пропихивают расческой в урну стопку «вбрасываемых» бюллетеней.

Зато регулярно слышно о другом – ни разу не встречавшемся в России: СМЕНЕ ВЛАСТИ на выборах. Не «рокировки», а реальная смена власти – когда граждане вручают власть другой партии, отправляя прежнюю в оппозицию. Когда эта смена воспринимается не как национальная катастрофа, ведущая к хаосу и нестабильности, а как гарантия

того, что новая власть будет думать об интересах граждан, если хочет продолжить свое пребывание на этом месте.

Вот в чем бы следовало брать пример со страстно ненавидимой российскими номенклатурными политиками и российскими пропагандистами Америки. И с других стран, где власть считает себя слугами народа, а не его хозяевами.

Впрочем, объяснять это Володину и его товарищам бессмысленно: несменяемость власти, основанная на нечестных выборах – единственная гарантия их политического существования.

Но оно не будет так долгим, как они рассчитывают. У нас уже была одна партия, которая полагала, что будет у власти всегда. Чем она закончила – известно.

Исаакий не отдадим!

15 января 2017 года

Приняв официальное решение о передаче РПЦ Исаакиевского собора, петербургская администрация совершила одну из самых больших своих (если не самую большую) ошибок. Это очень хорошо видно по той общественной реакции, которая наблюдается в Петербурге.

Самые разные люди, – в том числе, православные верующие, – едины в том, что Исаакиевский собор должен сохранить свой нынешний статус: государственный музей, в котором (о чем, как правило, стыдливо умалчивают наши оппоненты) регулярно проходят службы, в среднем по два раза в день.

Соответствующая петиция в Интернете – против передачи собора, – набрала почти 170 тысяч голосов за шесть дней. Это очень полезно знать протоиерею Леониду Калинину, который в эфире «Эха» презрительно обозвал «шариковыми» противников передачи собора. Заметим, что петиция противоположного содержания – о передаче собора – набрала аж 106 голосов, после чего была закрыта...

О чем говорят те, кто выступает за передачу собора? Что это требование закона, которое надо выполнять. Что надо

вернуть Исаакий церкви. И что вместо музея-храма будет храм-музей, сохранивший музейные функции.

Все это – лукавство.

Первое. Если бы закон требовал императивной передачи церкви всего, что она попросит, тогда в 2015 году на заявку Санкт-Петербургской митрополии не ответили бы отказом. Но закон этого не требует, он дает органу власти право как передать собор, так и отказать в его передаче. И тогда Смольный отказал, причем совершенно логично – по экономическим причинам. РПЦ содержать собор не может и не хочет, а если передать собор РПЦ, выселив оттуда музей, чьи доходы сейчас обеспечивают содержание и сохранение этого уникального памятника – неоткуда будет взять деньги: в бюджете Петербурга их нет.

Сегодня, по сравнению с ситуацией 2015 года, ничего не поменялось: РПЦ по-прежнему отказывается содержать собор, открыто заявляя, что платить должен город. Однако, по федеральному закону, в случае передачи объекта культурного наследия религиозная организация обязана взять на себя содержание и сохранение памятника. Церковь отказывается от этих обязательств? Тогда до свидания: ничего не получите.

Второе. «Вернуть» Исаакий РПЦ нельзя просто потому, что его у нее не отнимали. Собор строился на средства казны Российской империи (то есть за счет всех ее граждан, как верующих, так и не верующих), всегда был государственной собственностью, никогда не передавался церкви и никогда не был приходским храмом. Это не тот случай, когда можно говорить о «реституции».

Третье. Передача собора РПЦ фактически уничтожит государственный музей «Исаакиевский собор». По закону, музей в этом случае будет выселен. Но он не может существовать без собора, потому что именно собор является главнейшим экспонатом, который показывает музей. Это прекрасно понимают представители Союза музеев России, которые выступили категорически против передачи. При этом, как известно, в Москве спокойно работают в том же режиме, что

сейчас Исаакий, то есть в составе музея, но с регулярными службами) кремлевские соборы – Успенский и Архангельский, которые не переданы РПЦ, и ничего не известно о таких просьбах.

По большому счету, ничего не требовало изменять существующий статус Исаакия – он устраивал всех. Работал музей, привлекавший сотни тысяч посетителей, проходили службы, памятник сохранялся и реставрировался – не было никаких проблем. Что произошло – неясно. Скорее всего, настойчивость проявил патриарх Кирилл, возможно – подключились президентские структуры.

Тем не менее, вопрос далеко не решен, и борьба только начинается.

В действиях Смольного масса юридических ошибок – и в ближайшие дни его решения будут обжалованы в суде (автор, бесспорно, будет одним из заявителей). Готовится массовый митинг в защиту Исаакия, и на этой волне объединяются самые разные политики (в том числе, депутаты из трех фракций ЗАКСа – «Яблока», «Справедливой России» и «Партии роста»), общественные деятели, градозащитники, журналисты, и просто неравнодушные петербуржцы.

Огромное количество горожан пишет и звонит мне, выражая свое возмущение происходящим (среди них, заметим, есть даже священники и чиновники Смольного). Все это очень напоминает кампанию против пресловутого «Охта-центра», которая длилась пять лет, но завершилась победой.

Последнее. Иногда приходится слышать (причем, от очень уважаемых людей): «важно не то, ЧТО передают Исаакий, важно КАК это делается». Мол, мы не против самой передачи, мы против того, как по-хамски это сделано, с демонстративным презрением к горожанам, без изучения их мнения...

Да, по-хамски, и я тоже этим возмущен. Но важно не только КАК, важно ЧТО.

Важны не только средства, важна цель. И эта цель меня категорически не устраивает!

Я против того, что Исаакий передают РПЦ. В первую очередь, потому, что это незаконно. И был бы против даже если решение бы принималось гласно и с общественным обсуждением. Потому что если вас ограбили – неважно, что перед этим вам ласково объяснили, что ваш кошелек грабителям нужнее, чем вам. Речь, между тем, идет именно о грабеже: у нас хотят отнять Исаакий.

Хотят сделать так, чтобы мы, горожане, за счет своих налогов содержали собор, а бесплатно пользоваться им, получая доходы (деликатно именуемые «пожертвованиями» и не облагаемые налогами) будет РПЦ. Чтобы у РПЦ были только права – а у нас только обязанности.

Так не получится, господа.

Нетерпение потревоженной совести. Как учили братья Стругацкие

15 апреля 2017 года

Сегодня Борису Натановичу Стругацкому – любимому писателю (вместе с братом, естественно – они были неразделимы), другу, Учителю, – исполнилось бы 84 года.

Двадцать лет подряд в этот день, где бы я не был, непременно звонил, чтобы поздравить, пожелать здоровья, узнать о планах, и услышать ироническое «ЕБЖ, если буду жив».

Четыре года назад, – 15 апреля 2013 года, – наступил его первый день рождения, с которым мы, его ученики и читатели, не смогли его поздравить.

Остались книги – вечные, на все времена. Лучшее из всего, созданного в мировой фантастике – никто и никогда не переубедит меня в этом.

Осталась память о встречах.

Остались то, чему учили нас братья Стругацкие – не трусить и не лгать, быть верными друзьями, не отступать перед опасностью, не идти на компромиссы с совестью ради выгоды, сомневаться в, казалось бы, непреложных истинах, сохранять «невосторженный образ мыслей» и «нетерпение по-

тревоженной совести», через свободу обретать иммунитет к страху.

Несколько дней назад мой добрый товарищ, священник Апостольской православной церкви Григорий Михнов-Вайтенко (лучший знаток христианства, которого я когда-либо встречал) читал в Петербурге лекцию о связи христианских традиций и ценностей с творчеством Стругацких. Людей неверующих (точнее, Борис Натанович всегда называл себя агностиком). Но, как блестяще показал Гриша, связь имеет-ся – и очень интересная.

Я же, сперва с ним поспорив, тут же вспомнил ключевую, на мой взгляд, сцену «Трудно быть богом» (где же, как не в ней, искать эту связь).

На место торжествующих серых уже пришли черные.

И серых штурмовиков уже сменили черные монахи.

И дон Сэра уже восторгается, как легко дышится в возрожденном Арканаре.

И в королевском дворце уже сидит епископ и боевой магистр, раб божий Рэба.

Но еще не погибла Кира – после чего Румата возьмет в руки меч и проложит себе кровавую дорогу к дворцу...

А пока Румата говорит с доктором Будахом.

Так что же есть зло, против которого надо бороться, дон Румата? – Он (Будах – Б.В) грустно оглядел слушателей. – Зло неистребимо. Никакой человек не способен уменьшить его количество в мире. Он может несколько улучшить свою собственную судьбу, но всегда за счет ухудшения судьбы других. И всегда будут короли, более или менее жестокие, бароны, более или менее дикие, и всегда будет невежественный народ, питающий восхищение к своим угнетателям и ненависть к своему освободителю. И все потому, что раб гораздо лучше понимает своего господина, пусть даже самого жестокого, чем своего освободителя, ибо каждый раб отлично представляет себя на месте господина, но мало кто представляет себя на месте бескорыстного освободителя. Таковы люди, дон Румата, и таков наш мир.

– Мир все время меняется, доктор Будах, – сказал Румата. – Мы знаем время, когда королей не было...

– Мир не может меняться вечно, – возразил Будах, – ибо ничто не вечно, даже перемены... Мы не знаем законов совершенства, но совершенство рано или поздно достигается. Взгляните, например, как устроено наше общество. Как радуется глаз эта четкая, геометрически правильная система! Внизу крестьяне и ремесленники, над ними дворянство, затем духовенство и, наконец, король. Как все продумано, какая устойчивость, какой гармонический порядок! Чему еще меняться в этом отточенном кристалле, вышедшем из рук небесного ювелира? Нет зданий прочнее пирамидальных, это вам скажет любой знающий архитектор. – Он поучающе поднял палец. – Зерно, высыпаемое из мешка, не ложится ровным слоем, но образует так называемую коническую пирамиду. Каждое зернышко цепляется за другое, стараясь не скатиться вниз. Так же и человечество. Если оно хочет быть неким целым, люди должны цепляться друг за друга, неизбежно образуя пирамиду.

– Неужели вы серьезно считаете этот мир совершенным? – удивился Румата. – После встречи с доном Рэбой, после тюрьмы...

– Мой молодой друг, ну конечно же! Мне многое не нравится в мире, многое я хотел бы видеть другим... Но что делать? В глазах высших сил совершенство выглядит иначе, чем в моих. Какой смысл дереву сетовать, что оно не может двигаться, хотя оно и радо было бы, наверное, бежать со всех ног от топора дровосека.

– А что, если бы можно было изменить высшие предначертания?

– На это способны только высшие силы...

– Но все-таки, представьте себе, что вы бог...

Будах засмеялся.

– Если бы я мог представить себя богом, я бы стал им!

– Ну, а если бы вы имели возможность посоветовать богу?

– У вас богатое воображение, – с удовольствием сказал

Будах. – Это хорошо. Вы грамотны? Прекрасно! Я бы с удовольствием позанимался с вами...

– Вы мне льстите... Но что же вы все-таки посоветовали бы всемогущему? Что, по-вашему, следовало бы сделать всемогущему, чтобы вы сказали: вот теперь мир добр и хорош?..

Будах, одобрительно улыбаясь, откинулся на спинку кресла и сложил руки на животе. Кира жадно смотрела на него. – Что ж, – сказал он, – извольте. Я сказал бы всемогущему: «Создатель, я не знаю твоих планов, может быть, ты и не собираешься делать людей добрыми и счастливыми. Захоти этого! Так просто этого достигнуть! Дай людям вволю хлеба, мяса и вина, дай им кров и одежду. Пусть исчезнут голод и нужда, а вместе с тем и все, что разделяет людей».

– И это все? – спросил Румата.

– Вам кажется, что этого мало?

Румата покачал головой.

– Бог ответил бы вам: «Не пойдет это на пользу людям. Ибо сильные вашего мира отберут у слабых то, что я дал им, и слабые по-прежнему останутся нищими».

– Я бы попросил бога оградить слабых, «Вразуми жестоких правителей», сказал бы я.

– Жестокость есть сила. Утратив жестокость, правители потеряют силу, и другие жестокие заменят их.

Будах перестал улыбаться.

– Накажи жестоких, – твердо сказал он, – чтобы неповадно было сильным проявлять жестокость к слабым.

– Человек рождается слабым. Сильным он становится, когда нет вокруг никого сильнее его. Когда будут наказаны жестокие из сильных, их место займут сильные из слабых. Тоже жестокие. Так придется карать всех, а я не хочу этого.

– Тебе виднее, всемогущий. Сделай тогда просто так, чтобы люди получили все и не отбирали друг у друга то, что ты дал им.

– И это не пойдет людям на пользу, – вздохнул Румата, – ибо когда получают они все даром, без трудов, из рук моих, то забудут труд, потеряют вкус к жизни и обратятся в моих до-

машних животных, которых я вынужден буду впредь кормить и одевать вечно.

Не давай им всего сразу! – горячо сказал Будах. – Давай понемногу, постепенно!

– Постепенно люди и сами возьмут все, что им понадобится.

Будах неловко засмеялся.

– Да, я вижу, это не так просто, – сказал он. – Я как-то не думал раньше о таких вещах... Кажется, мы с вами перебрали все. Впрочем, – он подался вперед, – есть еще одна возможность. Сделай так, чтобы больше всего люди любили труд и знание, чтобы труд и знание стали единственным смыслом их жизни!

Да, это мы тоже намеревались попробовать, подумал Румата. Массовая гипноиндукция, позитивная реморализация. Гипноизлучатели на трех экваториальных спутниках...

– Я мог бы сделать и это, – сказал он. – Но стоит ли лишать человечество его истории? Стоит ли подменять одно человечество другим? Не будет ли это то же самое, что стереть это человечество с лица земли и создать на его месте новое?

Будах, сморщив лоб, молчал обдумывая. Румата ждал. За окном снова тоскливо заскрипели подводы. Будах тихо проговорил:

– Тогда, господи, сотри нас с лица земли и создай заново более совершенными ...или еще лучше, оставь нас и дай нам идти своей дорогой.

– Сердце мое полно жалости, – медленно сказал Румата. – Я не могу этого сделать.

И тут он увидел глаза Кирьы. Кира глядела на него с ужасом и надеждой.

Министерство репрессий, или Закона больше нет

20 июня 2017 года

Петербургские события последней недели – после массовых задержаний на Марсовом поле 12 июня, – наглядно

показывают два обстоятельства: создано Министерство репрессий, и закона больше нет.

Полиция, прокуратура, суд – не более чем, разные департаменты указанного Минрепрессий. Они действуют согласованно, решая общую задачу: покарать тех, кто посмел выступить против власти.

Называть полицию и прокуратуру «правоохранительными органами» больше нет никаких оснований.

Они превращены в охранку: охраняют не право, а режим. Защищают не граждан от произвола власти, а власть от граждан.

Закон при этом не действует: все попытки репрессируемых воззвать к его нормам с усмешкой отвергаются департаментами Минрепрессий.

В эту картину, как патроны в обойму, вписываются и аресты тех, кто ничем не провинился, кроме нарушения правила «больше одного не собираться».

И задерживавшие (порой – жестоко) граждан анонимные (без фамилий на форме) «роsgвардейцы» с оловянными глазами.

И издевательская трактовка отказа граждан уйти с места «несанкционированного митинга» как «невыполнение законного распоряжения полиции» (позволяющая не только оштрафовать человека, но и арестовать его на срок до 15 суток).

И требование «аккредитации на митинг» (!) для работавшей там журналистки, которой затем, как, якобы «нарушителью общественного порядка», дают 10 суток ареста.

И возбуждение уголовного дела за «насилие в отношении представителя власти» против 17-летнего юноши, который, убегая от преследовавших его «гвардейцев», спрыгнул с поста мемориала на Марсовом поле, попав в толпу полицейских, один из которых при задержании об него ударился и выбил себе зуб.

И содержание граждан в полиции (в ожидании суда) в условиях, порой напоминающих пыточные – с отказом вызвать

врача или доставить лекарства, без положенного питания (его доставляли волонтеры), в холоде и сырости.

И судебные процессы в военно-полевом режиме: когда решения районных судов об аресте и штрафах принимались с полным игнорированием аргументов задержанных, без каких-либо доказательств их вины, с предоставлением часа (!) на поиски защитника.

И рассмотрение жалоб на эти решения об арестах в городском суде, когда было сделано все, чтобы адвокаты просто-напросто не попали на эти рассмотрения. После чего горсуд признал все решения районных судов обоснованными и законными – также игнорируя любые аргументы арестованных...

О последних примерах – отдельно.

Важнейший элемент сохранения созданной при Путине системы – это нынешний суд. Большой частью (личный опыт автора тому иллюстрация) – скорый и несправедливый, и имеющий к закону весьма отдаленное отношение. А потому – один из департаментов Минрепрессий.

Суд, встающий на сторону власти при большей части ее конфликтов с гражданами. Охотно верящий любым свидетельствам, предъявленным полицией – и «критически относящийся» к свидетельствам в пользу протестующих граждан. И выносящий вопиюще неправосудные решения с полной уверенностью в своей безнаказанности.

Если суд нормальный и подчиняется только закону – правимы любые беззакония других «ветвей власти», исполнительной и законодательной, как и беззаконие «правоохранительных органов». Потому что любое из этих беззаконий в таком суде можно отменить. И те, кто беззаконие творит, это знают.

А когда они знают противоположное – что любое беззаконие (особенно, совершенное с нелояльными гражданами, не страдающими верноподданным образом мыслей) сойдет с рук, – они творят его и дальше с удвоенной силой.

«Разматывать клубок» надо начинать именно отсюда.

Не с призывов посадить коррупционеров (при таком суде они выйдут сухими из воды, даже если в него попадут), а с требования изменения судебной системы.

Несколько месяцев работы в стране судов, подчиняющихся только закону – и Министерство репрессий развалится, а путинская система «капитализма для друзей и знакомых» затрещит по всем швам.

И закон, наконец, будет один для всех, и будет выше любой власти.

Это – не беспочвенные фантазии: именно так живут в нормальных странах.

Которой обязательно должна стать Россия.

«Что тут думать – трясти надо», или Новые песни о «безальтернативном кандидате»

23 июня 2017 года

Сразу несколько известных персон призывают отбросить сомнения и колебания и поддержать на президентских выборах Алексея Навального.

Говорят они почти одинаково: хорош Навальный или плох – не имеет значения, у оппозиции нет другого лидера, ему нет альтернативы, неважно, что у него в прошлом, он единственный таран, которым можно пробить эту стену, а кто его не поддерживает – тем самым поддерживает Путина. Как правило, эти рассуждения дополняются оскорблениями в адрес кандидата в президенты от «Яблока» Григория Явлинского. В общем, «что тут думать – трясти надо», как в старом анекдоте.

Думать, между тем, надо – не поддаваясь манипуляции.

Однажды уже голосовали сердцем, а не умом – за Ельцина, которому тоже «не было альтернативы». И тогда нас уверяли, что каждый, кто не за него – тот за Зюганова.

Напомнить, чем это закончилось? «Залоговыми аукционами», дефолтом, обвалом рубля, второй войной в Чечне, операцией «Наследник» и приходом Путина на 17 лет.

Теперь по порядку – несколько тезисов.

1. Навальный должен иметь право участвовать в выборах. У него есть множество сторонников, которых нельзя лишать права увидеть своего кандидата в бюллетене.

2. Точно такое же право имеет Явлинский. А я (и не только я) имею право считать Явлинского куда лучшим будущим президентом, чем Навального.

3. Антикоррупционная деятельность Навального важна и заслуживает уважения. Но для кандидата в президенты одной лишь «антикоррупционной» идеи недостаточно – он обязан объяснить (причем, до выборов, а не после), каким он видит будущее страны в случае своего избрания, и как планирует к этому будущему придти. Принцип «победим, а потом разберемся» категорически не годится: потом «разбираться» будет некогда и поздно.

4. Первые три шага Явлинского на посту президента известны: прекращение войны с Украиной и военного вмешательства в Сирии, отмена репрессивного законодательства, налаживание отношений с миром, чтобы отменить санкции. Затем – преобразование страны на основе европейского выбора, демонополизация как в политической (демонтаж системы политической монополии и несменяемости власти), так и в экономической сфере. Мне это представляется куда более весомым, чем вариации на тему «не укради».

5. Тухлые сплетни «Явлинский никогда не с кем не хотел объединяться» просьба не повторять: вспомните «первую десятку» списка «Яблока» на думских выборах 2016 года. И вспомните печальную судьбу коалиции «Парнаса» и Навального на тех же выборах, которую развалил (выйдя из нее) именно Навальный.

6. Сторонники Навального вправе его поддерживать, защищать и обожать. Но заявление, что ему нет альтернативы, делает их типологически похожими на сторонников Путина: те тоже уверены, что ему нет альтернативы.

7. Заявление, что каждый, кто не поддерживает Навально-го, поддерживает Путина, – ложь и демагогия большевист-

ского типа «кто не с нами — тот против нас».

Та же демагогия применялась и в постсоветской России, начиная с 1992–93 годов, когда в «пособники коммунистов» зачислялся любой, кто не соглашался поддерживать Ельцина, и заканчивая выборами мэра Москвы в 2013 году, когда под крики «если ты не за Навального, то ты за Кремль», в перечень «кремлевских агентов» попали Явлинский, Рыжков, Пионтковский, Илларионов и Чирикова.

8. Любая критика Навального (или просто попытка усомниться в нем) вызывает в информационном пространстве рефлекторный поток брани его сторонников.

Такой же рефлекс у них — на упоминание о Явлинском. При этом они очень любят называть «Яблоко» сектой. Однако, куда больше секту напоминают они сами — с верой в непогрешимость своего вождя и правильность его любых его действий.

9. Если Навальный сейчас опирается на людей, готовых травить, как врага, любого, кто его критикует, или сомневается в его безусловной правоте — он будет опираться на них, и придя к власти. Между тем, именно по таким лекалам работает путинская система.

Хотите, пробив стену, оказаться в соседней камере?

Неплохие у Навального предшественники по лексикону

21 июля 2017 года

Уверен, что фанаты Навального не преминут объявить его «дискуссию» с Гиркиным-Стрелковым блистательной победой.

Заметим: их вождь заявил, что не считает Гиркина военным преступником, потому что это, мол, должен решать суд, и что мотивы Гиркина (ехать воевать) можно понять.

Посетовал, что Россия, конечно, должна помогать «русскому миру», но очень дорого обходится воевать с Украиной, а тут денег на пенсии не хватает.

Призвал отменить санкции против России.

И назвал русских «крупнейший разделенный народ Европы».

Первое. Стрелков-Гиркин лично признавал, что нажал «спусковой крючок» войны на востоке Украины. Что они на Донбассе убивали людей. И никто не отменял статью УК РФ об участии в незаконном вооруженном формировании на территории иностранного государства. По всем этим признакам, Гиркин – преступник. И даже если это еще не установил суд, это надо было сказать ему в лицо. Навальный, естественно, не сказал. Хотя он не стесняется называть жуликами и ворами чиновников и олигархов, которых никакой суд пока таковыми не признал. А тут – суда будем ждать, понимаете ли...

Почему так? Да потому, что его целью было (сам говорил) привлечение голосов националистов, которые он не хотел потерять.

Второе. Санкции отменяют, когда российская власть изменит свою агрессивную внешнюю политику. Когда признает, что аннексировала Крым, и прекратит поддерживать бандитские «республики» на востоке Украины. Никаких призывов Навального к этому не замечено.

Третье. Первым о «разделенном народе Европы» заговорил Гитлер, который считал, что немцы – разделенный народ, и они должны собраться в единый Рейх. И действовал соответственно. Как – известно.

О русских как о «разделенном народе» говорил (спасибо Александру Кобринскому за изыскания) губернатор Краснодарского края, националист и ксенофоб Николай Кондратенко. Потом об этом говорили национал-патриот и путинист Александр Проханов, националист Егор Холмогоров, анти-семит (осужденный за разжигание национальной вражды) Константин Душенов и президент Владимир Путин.

Неплохие у Навального предшественники по лексикону, не правда ли?

Впрочем – ничего удивительного.

Удивительно было бы, если он сказал что-либо другое.

Читаю вздохи сторонников Навального в Сети – мол, «мы

все равно никуда от него не денемся, никого другого нет»...

Хочется им сказать: не надоело это «нет никого другого», а?

А «куда они, понимаешь, денутся?» с презрением еще Ельцин говорил – о «Дем. выборе России», призвавшем голосовать за него в 1996 году как за «меньшее зло» и «против коммунистического реванша»...

Потом, правда, меньшее зло обернулось большим – залоговыми аукционами, дефолтом, второй войной в Чечне и приходом Путина.

Забыли? Или не хотите помнить?

Кому война – мать родна

31 августа 2017 года

Думский «единоросс» Игорь Сухарев заявил, что война в Сирии сегодня нужнее, чем заработные платы врачей.

Его коллега по партии власти, герой марионеточной «ДНР» Иосиф Кобзон ранее отличился заявлением о том, что собрать средства и «помочь Крыму» целесообразнее, чем найти валюту на лечение больного ребенка.

Еще один единоросс – сенатор Франц Клинецвич, – объявил о предстоящей закладке шести российских авианосцев, на что потребуется примерно столько же денег, сколько уходит на все российское здравоохранение.

Неважно, что сирийская авантюра, против участия в которой по инициативе Григория Явлинского собирает подписи «Яблоко» (при, в лучшем случае, молчании, а в худшем случае – «мочилове» со стороны подавляющего большинства российских СМИ), уже обошлась стране в полторы сотни миллиардов рублей, которых катастрофически не хватает на медицину и социальное жилье, пособия на детей и пенсии, капитальный ремонт домов и строительство детских садов и школ.

Неважно, что со всех сторон звучат мольбы родителей о помощи на лечение их больных детей, на которое «нет денег» у государства, аннексировавшего Крым и ведущего бессмысленную войну в Сирии.

Неважно, что строительство шести авианосцев – по определению, оружия нападения, а не защиты, – не только практически неподъемно для бюджета, но и никак не вяжется с якобы «миролюбивой» внешней политикой путинской власти.

В любой демократической стране политическая карьера перечисленных персонажей гарантированно завершилась бы сразу после этих чудовищных заявлений.

Но в путинской России за них можно быть спокойным: они и им подобные будут процветать.

Так работает негативный отбор – чем человек подлее, лицемернее, бесчестнее, тем у него сегодня больше шансов сделать властную карьеру.

Потом, – когда путинская власть будет выброшена на свалку истории, и придет время отвечать за содеянное, – они и их соратники скажут, что были «маленькими людьми», что «ничего не знали», ни в чем не виноваты, и вообще, их «так учили».

Как там было у гениального Евгения Шварца?

«Всех учили. Но зачем же ты оказался первым учеником, скотина этакая?»

Донецк и Луганск – Украина, а не «Лугандония»

30 августа 2017 года

Канцлер Германии Ангела Меркель заявила, что экономические санкции против России будут сняты только тогда, когда будет восстановлен суверенитет Киева над частью Донецкой и Луганской областей.

Путину прямо сказано: хотите устранить следствия?

Сперва устраните причины.

Санкции – не вдруг откуда-то взявшийся недоброжелательный жест Запада, «ненавидящего Россию», «стремящегося ее ослабить», «пораженного русофобией» (и так далее и тому подобное – но методичкам Соловьевых-Киселевых-Пушковых).

Санкции – ответ на вооруженный мятеж, который на востоке Украины развязали присланные из России диверсанты, боевики и террористы (типа небезызвестного Стрелкова-Гиркина).

С последующим созданием убудочных и никем не признаваемых «ДНР» и «ЛНР», и ведением на протяжении трех лет необъявленной, но вполне реальной, и связанной с тысячами жертв, войны против Украины.

Войне, в которой гибнут и те, кто защищает Украину, и те, кто им противостоит.

Но – и в этом принципиальная разница, – первые гибнут за свою страну, а вторые – в интересах чужой.

И никакие они не «ополченцы», как их пытались называть в первые месяцы мятежа: ополченец – тот, кто помогает своей армии бороться с врагами, а не тот, кто помогает чужой армии бороться со своей страной.

Тот всегда и везде называется иначе: предатель.

Как остановить эту войну – давно известно.

Перекрыть границу: прекратить направлять на восток Украины якобы «добровольцев» из России (на самом деле, – большей частью, – чуть замаскированных российских военных), военную технику и оружие.

Вывести с востока Украины всех «ихтамнетов», которые были посланы из России убивать.

Прекратить любую поддержку, – военную, финансовую, дипломатическую, – самозванных донецких и луганских главарей «республик».

И в самое ближайшее время после этого мы ничего не услышим ни про (никогда ранее не существовавший) «сепаратизм» на востоке Украины, ни про «ДНР-ЛНР», ни про Захарченко или Плотницкого (разве что, услышим про суд над ними – если их не успеют эвакуировать в Россию).

Как только восстановится суверенитет Украины над территориями, которые она сейчас справедливо считает, по сути, временно оккупированными, не подчиняющимися украин-

ским законам и украинской власти — можно будет говорить о снятии экономических санкций против российских компаний и секторов экономики.

В том, чтобы это произошло, в первую очередь, заинтересованы граждане России.

Те, кто своим карманом оплачивает любые военные авантюры путинской власти, в том числе — чудовищно-кровавый проект «Лугандонии».

Искусственно созданной раковой опухоли на территории Украины — под влиянием кремлевских фантомных болей об утраченном «доминировании на постсоветском пространстве».

Нынешнее состояние российской экономики (не устаю повторять меткую фразу Григория Явлинского) — это ее ответ на российскую политику.

За ту внешнюю политику, которая вызвала западные санкции, российские граждане уже заплатили инфляцией и падением уровня жизни, крушением многих жизненных планов и надежд.

Для того, чтобы изменить экономику, надо менять политику. Иного не дано.

Матвиенко и миротворцы: увидеть логику просто

18 сентября 2017 года

Спикер Совета Федерации Валентина Матвиенко заявила, что в идее США отправить миротворцев на границу России и Украины «нет никакой логики». Мол, это означает окружение самопровозглашенных «ДНР» и «ЛНР» «колючей проволокой».

Поспорим с уважаемой Валентиной Ивановной — при помощи простого примера, позволяющего увидеть логику.

Представим невероятное: на территории Ростовской и Воронежской областей организован вооруженный мятеж, возглавляемый украинскими гражданами. Мятежниками за-

хвачены органы власти этих областей, полицейские участки и воинские части, сняты российские флаги и подняты украинские.

Провозглашены «Ростовская» и «Воронежская» «народные республики», а против российской армии, отправившейся подавить вооруженный мятеж, кроме местных коллаборационистов, брошены украинские военные (якобы «добровольцы» и «отпускники»), а порой – и кадровые подразделения, под командованием украинских офицеров и генералов. Когда же «добровольцев» берут в плен – украинские власти от них отрекаются, заявляя, что они не имеют никакого отношения к украинской армии, и никогда не имели, или вчера из нее уволились.

Через российско-украинскую границу, которая в этой части не контролируется Россией, в эти «республики» идет тяжелая техника и поставляются боеприпасы. В «республиках» не признаются российские законы, «национализировано» имущество российских предприятий, а для денежных расчетов применяется гривна. На протяжении трех лет идет необъявленная война, в которой от украинских «Градов», пушек и пулеметов гибнут тысячи россиян.

Российские власти объявляют эти территории временно оккупированными, требуют от Украины прекратить поддержку «республик» и пытаются провести в Совете Безопасности резолюции, осуждающие действия российских властей. Но эти резолюции блокируются Украиной, имеющей право «вето».

При этом украинские политики и дипломаты твердят о «доведенном до отчаяния ростовском и воронежском народе», признают «паспорта» этих «республик» и требуют от российских властей не только вести переговоры с «властями» самопровозглашенных «республик», но и менять российскую Конституцию, предоставляя этим территориям некий «особый статус»...

Что-то подсказывает мне, что в этой чудовищной (еще раз напоминаю – совершенно вымышленной) ситуации спикер Совета Федерации РФ сразу увидела бы логику в идее пе-

редачи российско-украинской границы под контроль миротворцев ООН. Чтобы надежно прекратить поставки оружия и поток «отпускников» с Украины на территории мятежных «республик». Остановить гибель российских граждан – военных и мирных жителей. Вернуть эти территории под полный контроль России. И даже, скорее всего, не возражала бы против колючей проволоки.

Я точно знаю, что будет потом

15 октября 2017 года

***«Правда – это то, что сейчас во благо королю.
Все остальное ложь и преступление».***

***Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий
«Трудно быть богом».***

Гениальная фраза братьев Стругацких – почти все, что надо знать о чудовищной государственной «машине неправды». Это почти все, что надо знать о «Первом канале» и «России», НТВ и РЕН-ТВ, РИА «Новости» и «России сегодня», «Известиях» и «Комсомолке». Это почти все, что надо знать о программах Киселева, Соловьева, Норкина, Попова-Скабеевой и им подобных.

Я не знаю, сколько еще времени отпущено этому режиму, которому верноподданно служат персонажи, назвать которых журналистами у меня язык не поворачивается.

Но я точно знаю, что будет потом – когда этот режим уйдет со сцены (а он обязательно уйдет – то, что основано на лжи, лицемерии, воровстве, страхе и агрессии, не бывает долговечным).

И когда им очень захочется избежать, как минимум, люстрации и отлучения от профессии, а как максимум, скамьи подсудимых за разжигание вражды и ненависти (сколько людей, насмотревшись вранья про «распятых мальчиков», отравились воевать на восток Украины, где убивали людей или гибли сами?).

А будет вот что: генералы, офицеры и солдаты информационных войск РФ начнут врать и изворачиваться. Бить на жа-

лость и призывать войти в положение, учесть обстоятельства и понять. Говорить, что не знали, не понимали, были обмануты, сбиты с толку, излишне доверчивы и наивны. Что все понимали и в глубине души презирали, но были вынуждены, потому что семьи, дети, кредиты, ипотека, болезни, операции. Что просто делали свою работу, выполняя указания начальства – но скрепя сердце, нехотя, переступая через себя, стараясь при любой возможности показать фигу в кармане. Что теперь, когда, наконец, пал проклятый режим, заставлявший их врать и лицемерить, они с радостью отдадут свой талант на службу новой власти.

Я точно знаю, что так будет – потому что на моей памяти однажды так уже было.

И когда это неизбежно случится – важно будет не повторить ошибки, совершенной тогда, в далеком 1991-м. Не понять и не поверить. Не войти в положение и не учесть обстоятельства. Не пожалеть и не простить.

И, кстати, это должно будет касаться не только бойцов информационного фронта.

Иначе все повторится.

Сталинским курсом?

25 декабря 2017 года

Представьте, что в своем интервью руководитель Федеральной службы защиты конституции Германии заявил бы, что репрессии, которые проводил нацистский режим, имели объективную сторону и являлись операциями по пресечению подрывной активности агентов иностранных спецслужб (хотя были и перегибы на местах), а его сотрудники с гордостью называют себя гестаповцами.

А канцлер Германии, в свою очередь, заявил бы, что абсолютное большинство гестаповцев были настоящими государственниками и патриотами..

Что было бы дальше? Почти наверняка – буря.

Сотни тысяч людей вышли бы на улицы, требуя немедленной отставки не только главы ФСЗК и канцлера, но и всего правительства. И им пришлось бы уйти с позором.

Это, конечно же, предположение — причем совершенно фантастическое: никогда бы руководители современной Германии не позволили бы себе оправдания нацистских преступлений и прославления палачей.

Зато это позволили себе в России.

Сперва директор ФСБ Александр Бортников ровно такими словами, как приведены выше, фактически оправдал сталинские преступления (при этом его сотрудники, как известно, гордо называют себя чекистами).

А потом президент Владимир Путин на торжественном вечере, посвященном столетию ВЧК, заявил: «как бы ни менялись эпохи, абсолютное большинство людей, выбирающих эту трудную профессию, всегда были настоящими государственниками и патриотами, которые достойно и честно выполняли свой долг, на первое место ставили службу отечеству и своему народу».

Не могу тут не процитировать своего друга и коллегу Льва Шлосберга: «настоящие государственники и патриоты» инспирировали доносы, убивали людей без суда и следствия, работали круглосуточными садистами, сходили с ума от крови, казнили детей с 12 лет, убивали друг друга, скрывали, как могли, следы своих преступлений«...

И как отреагировали на это в России?

Взрывом негодования?

Ничего подобного.

Заявление съезда «Яблока» — с возмущением интервью Бортникова и требованием его отставки, — подавляющее большинство СМИ уверенно не заметили.

Немногим больше повезло заявлению академиков РАН с протестом против высказываний Бортникова.

Не отреагировали на интервью Бортникова и многие из тех, кто называет себя оппозицией — во всяком случае, их публичного возмущения заметить не удалось.

На митинг памяти жертв репрессий советской власти, который активисты «Демократического Петербурга» проводили 24 декабря в Петербурге у Соловецкого камня, пришло около 30 человек и два-три журналиста.

Никакого массового протеста и возмущения ни интервью Бортникова, ни выступление Путина не вызвали.

И понятно, почему: то, что власть уверенно идет «сталинским курсом» – когда человек не более чем винтик и пыль под ногами, когда государство неизмеримо важнее человека, когда под катком репрессий может оказаться любой, потому что «органы не ошибаются», когда внутри страны предатели, а снаружи враги, и спасти может только сплочение вокруг вождя, – заметно невооруженным глазом.

И вот уже к очередному дню рождения Сталина выстроилась очередь из желающих положить цветы к могиле организатора и вдохновителя репрессий, жертвами которых стали десятки миллионов людей.

А на в очередной раз прозвучавшее предложение (в свое время, с ним выступили «Мемориал» и «Яблоко»), – сделать уголовно наказуемым отрицание или оправдание сталинских преступлений, – в очередной раз последовали протесты прекраснодушных гуманистов: ну как же можно преследовать за слово!

Можно – если это слово подбрасывает дров в костер.

Если оно разжигает вражду – что неизбежно ведет к крови, или оправдывает чудовищные преступления – что неизбежно ведет к их повторению...

Путь к воспроизведению сталинского режима пока не пройден.

Еще не поздно остановить движение по этому пути.

И в первую очередь – 18 марта 2018 года.

Не говорите, что вы «вне политики»

05 февраля 2018 года

«Не нравится мне, что политика появилась на этом митинге», – огорчился перед петербургским митингом 4 февраля в защиту зеленых зон один из его участников, яростно сражающийся (за что ему честь и хвала) против застройки территории около своего дома и требующий организовать там парк.

Он не одинок: нередко приходится слышать от гражданских активистов «Мы – вне политики!».

Это произносят те, кто борется с «уплотнительной застройкой» своего двора (той самой, которой, по мнению губернатора Полтавченко, якобы нет в Петербурге).

Те, кто требует не проводить через любимый парк скоростную автомагистраль.

Те, кто настаивает на появлении в своем квартале необходимой для отдыха зеленой зоны вместо планируемого бизнес-центра.

Те, кто встает перед бульдозерами, чтобы не допустить возведения торгового центра на месте кладбища, где в блокаду хоронили их близких.

Те, кто выступает против «храмостроительства», ведущегося почему-то именно в парках и скверах, а не на пустующих пространствах.

Те, кто защищает уникальную астрономическую обсерваторию от строительства «элитного жилья» по соседству, которое угробит возможность наблюдений...

Они и вправду никогда не занимались политикой.

Пока политика не занялась ими.

Почти каждую неделю на карте Петербурга рождается новая «горячая точка». Вырубают сквер или прокладывают шумную трассу, сносят историческое здание или уничтожают детскую площадку, роют котлован на бывшем кладбище или застраивают часть привычного парка. А еще – «реконструируют» корпуса санатория, где отдыхали семьи с маленькими детьми, под дорогушие «апартаменты», или втыкают уродливую конструкцию из бетона и стекла в застройку 19 века, или превращают жизнь граждан в ад под видом «реновации»...

Каждый раз, когда это происходит, находятся инициативные петербуржцы, готовые с этим бороться. Они выходят на улицы, собирают митинги и проводят пикеты, забрасывают письмами чиновников и депутатов, направляют жалобы в прокуратуру и суд, привлекают журналистов и юристов.

В одних случаях им удается победить (как правило, тогда, когда они готовы бороться до конца и не опускать рук, даже если победа кажется невозможной). В других случаях даже отчаянные усилия не приводят к результату – союз чиновников и застройщиков оказывается сильнее.

Все эти ситуации объединяет одно: каждая из них – неизбежное следствие одной и той же причины.

И причина эта – о чем я не раз говорил, – политическая: независимость власти от людей.

Если бы городской парламент был реально зависим от граждан, если бы все его депутаты реально представляли избирателей и понимали, что только от них зависит их политическое будущее – все было бы иначе.

Не могло бы быть такой, из раза в раз, повторяющейся картины, когда ни одна рука депутата-единоросса не тянется к кнопке для голосования, чтобы поддержать решение о защите парка Малиновка или Удельного парка, парка 300-летия Петербурга или парка Интернационалистов.

Потому что все они твердо бы знали: от того, как они проголосуют сегодня, зависит, как за них проголосуют завтра.

И не было бы того, что я вижу регулярно, когда после провала очередной инициативы или поправки оппозиции, внесенной в интересах горожан, ко мне подсаживается кто-нибудь из единороссов и разводит руками: мол, «Боря, ты прав на 200%, но понимаешь, у нас партийная дисциплина».

А если бы губернатор Полтавченко понимал, что от того, насколько принимаемые им решения ведут к пользе для граждан, зависит его политическая судьба, – не могло бы быть попыток «уплотнения» уютных жилых кварталов, вырубки скверов, разрушения исторических зданий или застройки кладбищ.

Потому что он твердо бы знал: каждая из таких попыток уверенно приближает его к провалу на следующих выборах.

Мы – оппозиционные депутаты, инициативные группы, гражданские активисты – непрерывно боремся со следствиями.

Выезжаем на очередной «пожар» и стараюсь его потушить.

При этом не успеваем и не можем успеть всюду.

Если мы хотим изменить ситуацию – надо бороться с причинами.

Не только тушить «пожары», но и сделать так, чтобы не «загоралось». Сменить городскую власть, и не только персоналии – но и ее устройство, ее систему.

Для этого надо ходить на выборы – а не оставаться дома (а потом сокрушаться, что опять не приняли те законы, которых мы хотим, зато приняли те, с которыми мы категорически не согласны).

Становиться наблюдателями, мешающими попыткам фальсификации.

Становиться кандидатами в депутаты, борющимися за мандаты – чтобы потом самим принимать решения, нужные горожанам.

Иначе говоря – надо заниматься политикой.

Тогда есть шанс на то, что не придется постоянно собирать митинги, протестуя против тех или иных решений и их последствий – потому что решения будут приниматься совсем другие.

«Здесь собрались представители десятков инициативных групп, борющихся за свой двор, квартал, район, – говорил я, выступая на митинге. – Именно вы, уже показавшие свою способность отстаивать интересы своих соседей, должны на ближайших выборах баллотироваться в муниципальные депутаты, а потом – в депутаты Законодательного Собрания. Тогда вся система городской власти начнет меняться – и меняться к лучшему».

Так победим.

Пушки вместо масла – девиз четвертого срока

01 марта 2018 года

Пацанское бряцание якобы оборонительным оружием, для которого в мире якобы нет преград – квинтэссенция президентского послания.

Пушки вместо масла – девиз планируемого четвертого срока.

Советский Союз был куда мощнее, чем нынешняя Россия – но не выдержал гонки вооружений.

Тому, кто считает распад СССР «величайшей геополитической катастрофой», полезно об этом помнить.

А в качестве иллюстрации – сегодня в петербургском парламенте на заседании комиссии по социальной политике и здравоохранению обсуждали выполнение планов улучшения жилищных условий горожан.

Цифры, мягко говоря, не радостные: хотя за 10 лет при помощи специальной целевой программы расселены 42 тысячи «коммуналок» – 75 тысяч таких квартир (позор для европейского города в 21 веке) остается.

На учете по улучшению жилищных условий на начало года – 143 тысячи семей «очередников», и хотя год назад было 149 тысяч, динамика, прямо скажем, мизерная.

Наконец, убийственная цифра: «обычные» очередники (не имеющие льгот, то есть не дети-сироты, не многодетные матери с тремя и более несовершеннолетними детьми, не участники или ветераны войны, не инвалиды) сегодня могут получить от города социальное жилье, если они встали на очередь до... 1980 года. ТРИДЦАТЬ ВОСЕМЬ ЛЕТ НАЗАД.

Вдумайтесь в этот срок.

Очередник без льгот, живущий в стесненных условиях, не имеет шансов получить жилье, построенное бюджетные (то есть, на его же) деньги, если он не встал на очередь тридцать восемь лет назад или раньше.

Те, кто ждал жилья 25-30-35 лет (не имея материальной возможности его купить), должны ждать еще – пока государство, наконец, выполнит свои взятые когда-то обязательства.

Почему так происходит? Причина банальна до слез: якобы «нет денег».

На второй по стоимости стадион в мире (строившийся исключительно за деньги питерского бюджета) – есть. На обеспечение гарантированной прибыли «Западному скорос-

тному диаметру» (даже если по нему не проедет ни одной машины, его владельцы получают гарантированные доходы за счет бюджета Петербурга) – есть. А на жилье – нет.

А еще (уже не в городе – в стране) есть деньги на безумную войну в Сирии и на отправку туда наемников из якобы «частных военных компаний».

Летом 2017 года, когда «Яблоко» по инициативе Григория Явлинского начало уличную кампанию «Время вернуться домой», требуя прекратить участие в сирийской авантюре, его травили и осмеивали со всех сторон. Не помню, чтобы кто-то другой из кандидатов в президенты – включая недопущенных, – тогда осмеливался говорить об уходе из Сирии. И все же мы собрали более 100 тысяч подписей россиян в поддержку этого предложения – и еще тогда расходы на сирийскую войну оценивались от 100 до 150 млрд. рублей.

Сейчас эта сумма, скорее всего, приблизилась к 200 млрд. рублей – на эти деньги можно было бы расселить все оставшиеся питерские «коммуналки». Но на них предпочитают воевать и убивать – в том числе, в Восточной Гуте.

«Позор! Не выделяют жилье для ветеранов боевых действий!», – возмущался один из единороссов на упомянутом заседании комиссии в нашем ЗАКСе.

Надо же понимать: где причины, а где – следствия.

Один запуск ракеты «Калибр» в Сирии – это около 90 млн. рублей. А один боевой вылет в Сирии – это от 3.5 до 5.5.млн. рублей. Одно – или двухкомнатная квартира.

Проще говоря, каждый боевой вылет будущего сирийского «ветерана» – это одна недополученная квартира для ветерана «афганского».

Заставьте, господа единороссы, своего президента уйти из Сирии (а заодно – из Украины) – будут деньги на жилье. И не только на него.

Надежнее, впрочем, на выборах сменить президента.

На того, который будет искать друзей, а не врагов.

Не размахивать ядерной дубиной, обороняя якобы «осажденную крепость» – а жить в мире с соседями.

И не захватывать чужие территории – а обустривать свои.

Нас тут нет, или Диван – союзник Путина

15 марта 2018 года

Все перевернуто у тех, кто яростно призывает не идти 18 марта на президентские выборы.

Идешь на выборы, поддерживая своего кандидата, предлагающего альтернативу путинской политике – «помогаешь власти».

Сидишь на диване, не идешь на выборы – «борешься с режимом».

Прямо оруэлловское: война – это мир, ложь – это правда, рабство – это свобода...

Сто раз уже доказано – и мной, и Львом Шлосбергом, и другими: власти не нужна явка вообще. Ей нужна явка «своих» и неявка «чужих» избирателей.

Ей надо, чтобы «путинских» избирателей пришло больше, а «антипутинских» – меньше, и перевес Путина над оппозицией был подавляющим.

Тогда можно будет сказать печальное известное : ИХ ТАМ НЕТ.

Тех, кто выступает против политики власти – нет.

А их действительно нет – раз они не пришли на выборы.
ИХ ТУТ НЕТ.

Значит, с ними незачем считаться.

Значит, можно будет сказать, что этой власти нет альтернативы.

Значит, можно будет и дальше продолжать войну в Украине и Сирии.

Отдавать нефтегазовые доходы «друзьям президента».

Тратить треть бюджета на армию, полицию и спецслужбы.

Тратить миллиарды на новые ракеты и торпеды, а не на лекарства против рака.

Издавательски призывать «держаться» получающих нищенские пенсии и мизерные зарплаты.

Оставляя больницы без лекарств, а очередников – без жилья.

И при каждом удобном случае грозить развязать ядерную войну.

**Неучастие демократических избирателей в выборах вы-
годно именно тем, с чьей политикой эти избиратели катего-
рически не согласны.**

Алексея Навального понять можно.

Ему, несправедливо не допущенному к выборам, надо решить две задачи.

Ему нужно чем-то занять своих сторонников – чтобы не быть во время кампании на политической обочине.

И ему нужно как можно более тяжелое поражение демократов (в первую очередь, Явлинского), чтобы остаться одному на «зачищенном» политическом поле.

«Забастовка», к которой он призывает именно демократического избирателя, а вовсе не избирателя Путина, решает обе эти задачи.

Между тем, мне много раз за последние месяцы приходилось помогать сторонникам Навального – часами ездить по отделам полиции после акций протеста, требуя освобождения задержанных, привозить им воду и еду, добиваться допуска в суд их защитников, писать запросы и жалобы, настаивать на соблюдении их прав.

Среди них много молодых, смелых и умных, искренних и неравнодушных.

Хочу спросить у них: вы уверены, что ваши интересы во всем совпадают с интересами Навального?

Подумайте: если власть после выборов сможет заявить о ничтожности поддержки оппозиции и отсутствии альтернативы политике Путина – как она себя поведет?

Будут «закручивать» – или «откручивать гайки»?

Усилятся или уменьшатся преследования оппозиции?

Будут чаще арестовывать противников власти, посмевших выйти на улицу – или будут давать им возможность свободно собираться?

Усилятся или снизится коррупция?

Увеличится или уменьшится воровство из бюджета?

Станут более свободными – или более несвободными СМИ?

Станет более независимым – или более зависимым суд?

Ответ представляется очевидным.

Как этого не допустить?

Только одним путем: придти на выборы и поддержать оппозицию.

Да, выборы нечестные и неравные.

Но их результат – если не на качественном, то на количественном уровне, – вовсе не предрешен: в политике вообще нет предрешенных ситуаций.

Возможности власти фальсифицировать выборы ограничены степенью сопротивления оппозиции и гражданского общества.

И абсолютно прав Лев Шлосберг: в «матче» с властью очень важен не только результат, но и счет на табло.

Да, очень сложно добиться смены власти на этих выборах.

Но можно – и нужно, – заставить власть изменить политику.

Если за Григория Явлинского (или кого-то другого, предлагающего альтернативу путинской политике) проголосуют миллионы граждан – к ним придется прислушаться.

Невозможно будет сказать, что «их там нет».

Если корабль идет неверным курсом, не всегда можно сменить рулевого.

Но всегда можно и нужно заставить его повернуть штурвал.

И повернуть тем больше, чем больше оппозиционных избирателей придут на выборы и проголосуют за смену курса, ведущего на рифы.

18 марта и «непришедшие несогласные»

20 марта 2018 года

У выборов 18 марта – два чудовищных результата.

Первый результат – огромное количество граждан, проголосовавших за Путина, то есть – за сохранение нынешней политики.

Политики войны и агрессии, коррупции и воровства, инфляции и полицейщины.

55 миллионов человек проголосовали за то, что вообще-то должно совершенно не соответствовать их интересам.

Не отождествляя свой низкий уровень жизни, высокие цены, беспредел полиции, несправедливый суд, безумную роскошь чиновников и олигархов с персонально Путиным и его политикой.

Как будто он не имеет к ней отношения и не несет ответственности за все происходящее.

А второй результат – отказ большей части граждан, выходящей против этой политики, прийти на выборы и поддержать кандидатов, которые предлагали ей альтернативу.

В условиях сильнейшей административной мобилизации, включения на полную мощность телевизионных башен-излучателей, истерических криков «Отечество в опасности!» и заклинаний «Верховного главнокомандующего не выбирают!», представляется, что «путинский электорат» был вызван на участки почти полностью.

Но даже если предпочтения оставшихся дома 32% избирателей разделились поровну – не менее 15% могли бы поддержать альтернативу путинской политике.

В дополнение к тем нескольким процентам (Явлинский, Собчак и даже «ну что» Титов), которые эту альтернативу представляли. Грудинина, Жириновского, Сурайкина и Бабурина к таковым не отношу – достаточно посмотреть на Госдуму, где «четыре оттенка серого» сливаются по всем ключевым для Путина вопросам.

Или – могли бы сделать бюллетени недействительными, снизив таким образом процент голосов за Путина.

Но не сделали ни того, ни другого.

Итог прост: «непришедшие несогласные» дали власти основание сказать, что альтернативы ее политике нет.

Почему они не пришли?

На то три понятные причины.

Одни не пришли, потому, что равнодушны, ленивы или никогда не ходили.

Другие раньше ходили – но потом разуверились в том, что на выборах что-то можно изменить. Ведь им, начиная с 1996 года, раз за разом показывали, что сменить власть им не позволят – что бы они о ней не думали. «Рокировка» 2012 года стала здесь, возможно, последней каплей.

Да, можно упрекать демократов, что этих людей они не сумели привести на выборы. Не убедили в том, что очень важно поддержать своими голосами изменения в политике – даже и при малых шансах добиться изменения власти. Что от числа этих голосов будет прямо зависеть степень изменения нынешней политики.

Но была еще и третья причина для увеличения числа «непришедших несогласных» – агрессивные и назойливые призывы к «забастовке», позволившей им видеть себя не беглецами с поля боя, а героическими борцами с режимом.

О том, что своим «бойкотом» Навальный помогает Путину и снижает результат конкурентов на демократическом фланге, направляя главный удар против Явлинского, я говорил и писал, начиная с декабря. О том, что он и те, кто его поддерживают, упрямо не хотят понимать очевидного – роста «путинского процента» при отказе демократического избирателя прийти на участки.

В ответ раздавались бравадные призывы: ««Мы им покажем пустые участки!», «Все увидят, что Путин нелегитимен!», «Проценты можно подделать, а явку нет!».

Все оказалось пшиком – не было никаких «пустых участков».

На них – сужу по личным впечатлениям в Петербурге, – было много избирателей. И это были, в подавляющем большинстве, избиратели Путина, которые пришли – в отличие от своих оппонентов, доведя до позорного для демократического Петербурга процент голосов за действующего президента.

Что же теперь твердят адепты «забастовки», сокрушающиеся, что ближайшие годы придется провести с «малоадекватной» и «воровской» властью, при той же политике – а может быть, и при гораздо худшей?

Признают, что идея «забастовки» была категорически неверной?

Что они ошиблись (возможно, из лучших побуждений)?

Не понимали, не просчитывали (хотя им, замечу, все на пальцах объясняли)?

Как бы не так. Ни малейшего сомнения. Два тезиса. Первый: ах, какие мы молодцы, что в этом не участвовали и не запачкались. Второй: оппозиционные кандидаты своим участием помогли Путину стать легитимным президентом (!). Вместо того, чтобы «объединиться с Навальным в уличном протесте».

Не запачкались, но участвовали – своим отсутствием на выборах подняли процент голосов за Путина и опустили процент голосов за демократических кандидатов. В последнем, как откровенно объяснил Алексей Венедиктов, и заключалась цель Навального. Замечу: сторонники которого все последние годы злобно и агрессивно травили Явлинского. Это во-первых .

А во-вторых, что касается уличных протестов, то уж сколько раз твердили миру: уличные протесты бывают после нечестных выборов, где люди проголосовали – а потом увидели, что их обманули. Те же, кто не ходил на выборы и не отдал свой голос, не может жаловаться, что этот голос у него украли. И не имеет после выборов никаких оснований для протеста.

Что дальше?

А дальше – делаем то, что должны, и случится, чему суждено.

Не брюзжим, что «все предreshено» и усилия тщетны, не смешим публику пафосными заявлениями об «отказе играть по их правилам» – а боремся.

Защищаем права граждан и поддерживаем их борьбу за свои права.

Говорим с людьми, объясняя происходящее.

Участвуем в выборах – пусть даже и нечестных, региональных и местных.

Поднимаем свой голос против безобразий власти.

Да, пока нас ждет продолжение зимы.

Значит, будем приближать весну.

Долой самодержавие!

12 апреля 2018 года

5 мая — за два дня до инаугурации Владимира Путина, — россияне призвали выйти на акцию протеста.

Против того, что старо-новый президент считает, что прошедшие выборы наделили его «царскими полномочиями», и «намеревается управлять Россией как личной собственностью в интересах своих, своей семьи и узкой правящей группы».

Против «коррупции, установления монархии, неравенства, цензуры и беззакония». Чтобы голос граждан «был услышан и принят во внимание».

Все логично — вполне поддерживаю.

И президент, судя по всему, именно так и считает и намеревается.

И никакой он не «царь» и не несменяемый «вождь» (сколько бы не верещала его медиа-обслуга).

И против коррупции, монархии, неравенства, цензуры и беззакония надо выступать.

И голоса наши должны быть услышаны и приняты во внимание.

Есть только одно «но».

Лучший способ сделать так, чтобы голоса граждан были услышаны и приняты во внимание — отдать эти голоса на выборах.

Лучший способ выступить против коррупции, беззакония, цензуры, неравенства то есть, против сути путинского режима, — это придти на выборы, и показать, что тех, кто не согласен с политикой властей, тех, кто требует ее изменения, — много.

А если те, кто «против», не приходят на выборы — у власти нет ни малейшего резона с ними считаться и принимать их голоса во внимание.

Между тем, призыв выйти на улицы 5 мая исходит от Алексея Навального, три месяца не жалевшего сил и слов для пропаганды бойкота выборов, к которым его не допустили.

Лично ответственного за то, что часть демократических избирателей, поверив его призывам, осталась дома и не пошла голосовать. Что повысило процент Путина на выборах и снизило проценты голосов за оппозиционных кандидатов.

Именно поэтому, – увидев подавляющий «путинский процент» и удручающе низкие «оппозиционные проценты», – власть после выборов и «оборзела».

Решила, что ей можно все.

Угрожать миру ракетами, отрицать газовые атаки, проводимые союзными Кремлю мерзавцами, анонсировать рост налогов, проводить обыски у тех, кто возмущается невыносимой жизнью около свалок, обещать заблокировать Телеграм...

Этому, безусловно, можно и нужно сопротивляться. В том числе, на улицах.

Но помнить при этом, кто помог власти «оборзеть».

Кто помог Путину выиграть с подавляющим перевесом, убедив часть его оппонентов не ходить на выборы – вместо того, чтобы выступить против власти и потребовать принять во внимание их голоса.

А теперь на голубом глазу делает вид, что он тут ни при чем. Последнее.

Еще в январе 2004 года я написал, что лозунг «Долой самодержавие» должен стать главным для российских демократов.

По прошествии полутора десятков лет он стал еще более актуальным.

Впереди у этого театра Карабаса- Барабаса – неизбежная лужа под дождем

08 мая 2018 года

Самое малозначительное событие 7 мая – инаугурация Путина и сообщения о перестановках в правительстве Медведева.

Анализировать? Нет предмета для анализа. Абсолютно все равно, – для страны, – кто при президенте Путине и путинской политике будет на каком месте.

Смеяться? Кадровые назначения по принципу «а вы друзья, как ни садитесь» уже не смешат. Зачем всерьез обсуждать, справится ли Мутко со строительством, а Голодец с культурой, если оба персонажа – анекдотические? Как и премьер «денег нет, но вы держитесь».

Но и расстраиваться не стоит.

Да, дракон многим из наших сограждан вывихнул души и затуманил зрение.

Да, одни из них выстроили в голове чудовищную конструкцию «только благодаря Путину нет войны» (при том, что страна ведет сразу две войны: на Украине и в Сирии).

Другие всю жизнь провели при Путине и не видели ничего другого.

А третьи, – как Тина Канделаки, – уверены, что все происходящее или не происходящее в стране зависит только от Путина, считая себя лишь зрителями на сцене. И сразу вспоминается знаменитое шварцевское «Это не народ. Это хуже, чем народ. Это лучшие люди города».

И тем не менее – когда закончится терпение у публики, которой пошлая, унылая и бездарная путинская труппа почти два десятка лет показывает один и тот же репертуар, время от времени меняясь ролями и костюмами, весь этот коллектив Карабаса-Барабаса стремительно окажется влуже под дождем. История не раз показывала, как это происходит: последний пример – Армения.

И какая судьба постигала диктаторов, которые себе и своей прислуге казались несменяемыми.

Кстати, именно прислуга будет потом, яростно отталкивая друг друга, от них отречься и их сдавать, чтобы заработать себе прощение. Тут важно – не простить и не забыть.

А потому – работаем дальше.

Объясняем людям, что происходит, помогаем им везде, где им нужна помощь, защищаем их права, боремся с произво-

лом властей, участвуем в выборах, заставляя слышать наш голос и с нами считаться.

«Успех не окончателен, поражение не фатально, значение имеет только решимость продолжать». Уинстон Черчилль.

Кто опустил за Путина 56 миллионов бюллетеней?

20 июля 2018 года

Не сомневался, что послушное единороссовское большинство в Госдуме послушно проголосует за повышение пенсионного возраста.

Открыто наплевав на мнение граждан, 90% которых – против этого.

И цинично призвав с думской трибуны «выйти из зоны комфорта» (при том, что сами они из нее выходить не собираются, а тех, кого они призывают, в этой зоне нет) .

Сколько бы ни изощрялась кремлевская пропаганда, она никого не смогла обмануть, уверяя в якобы полезности повышения пенсионного возраста.

Сколько бы не врали правительственные эксперты.

Сколько бы «вирусной рекламы» не размещали в соцсетях.

И сколько бы не запрещали говорить «пенсионная реформа».

Кстати, в этом я с правительством согласен: конечно, никакая это не реформа!

Это обычный, наглый, циничный и беззастенчивый грабеж населения.

Единственная цель – сократить число пенсионеров, отнять на 5–8 лет пенсию у тех, кто заранее оплатил ее своими налогами и сборами, и на этом «наварить».

На что пойдут деньги, которые вынут из карманов граждан? Понятно, на что.

На войны в Сирии и Украине. На армию, оружие и «силовиков», которых скоро будет больше, чем пенсионеров (их, кстати, «преобразования пенсионной системы» не коснутся),

охраняющих власть от граждан. На прибыли олигархов и го-
скомпаний, попавших под санкции. На новые заказы «друзьям
президента», на которых они смогут еще больше нажать.
На содержание кремлевских пропагандистов. На новое во-
ровство и коррупцию.

Думские голосования – поименные.

Список тех, кто голосовал за это людоедское решение,
известен.

Все 328 человек – известны.

Звать к их совести столь же бессмысленно, как и к их
честности и порядочности. Надо просто предать позору эти
имена.

Надо, чтобы на каждой их депутатской приемной висели
стикеры: «Он поддержал повышение пенсионного возраста».

Надо, чтобы каждое упоминание о них в независимых СМИ
и в соцсетях сопровождалось напоминанием об этом голо-
совании.

Надо, чтобы они никогда и никуда больше не были избра-
ны.

Но надо понимать, что дело – не только в этих депутатах.

И не в правительстве, которое лишь послушный инструмент
в руках президента (кто верит, что Медведев решился бы на
такое без прямого одобрения Путина – поднимите руки).

Происходящее – закономерное и неизбежное следствие
президентских выборов 18 марта 2018 года.

После которых, увидев результат (обусловленный, в том
числе, отказом части тех, кто мог бы поддержать альтернати-
ву Путину и его политике, придти на выборы), власть поняла,
что можно делать все, что угодно, ничего не стесняясь.

Если результаты были бы иными – в Кремле не решились
бы ни на блокировку Телеграма, ни на повышение НДС, ни на
продолжение «дела Дмитриева», ни на повышение пенсион-
ного возраста, ни на многое другое.

328 голосов в Госдуме – это отвратительно и цинично.

Но, перефразируя Сергея Довлатова, хочется спросить:
кто опустил за Путина 56 миллионов бюллетеней?

Президент, который держит граждан за болванов

21 июля 2018 года

Из вчерашних высказываний Владимира Путина мы узнали много интересного.

Оказывается, президенту не нравится повышение пенсионного возраста.

Оказывается, для поддержания в течение 10 лет нынешней пенсионной системы возможностей в стране хватит.

Оказывается, окончательного решения пока нет, потому что прошло только первое чтение закона в Госдуме, и вообще – дискуссия только разворачивается.

Если бы в нормальной стране президент несколько месяцев отмалчивался по самому обсуждаемому гражданами вопросу (при этом его пресс-служба уверяла бы, что он этим вообще не занимается), а потом выступил бы подобным образом – на том его правление бы и закончилось.

Потому что в нормальных странах граждане очень не любят, когда президент ведет себя так, как будто только что вернулся из длительной эмиграции, и держит граждан за болванов.

Первое. Невозможно поверить, что правительство Медведева могло внести какое-либо серьезное предложение, которое не было бы согласовано с президентом Путиным, а тем более – ему бы не нравилось.

Второе. Если еще на десять лет нынешних возможностей хватит – зачем сейчас поднимать пенсионный возраст? Может быть сначала (о чем твердили все критики) наладить нормальное здравоохранение, поднять продолжительность жизни, увеличить доходы граждан, создать новые рабочие места – а уже потом обсуждать пенсионный возраст? Однако, критиков (как это делали, например, единороссы в Псковском областном собрании) уверенно именовали «врагами народа» и «политическими провокаторами».

Третье. На протяжении последнего месяца все ресурсы государственной пропаганды и все ВИП-персоны, которых

удалось для этого привлечь, были брошены на доказательство крайней необходимости повышения пенсионного возраста. Единороссам было объявлено, что любое сомнение в правильности этого предложения будет наказано, как слушание. Почти все законодательные собрания регионов превосходящими силами единороссовских депутатов одобрили повышение пенсионного возраста. Госдума приняла законопроект в первом чтении силами 328 единороссов. Нагло и цинично наплевали на мнение подавляющего большинства граждан, которые по всем опросам, категорически «против». А теперь выясняется, что дискуссия только начинается? Что мешало начать ее раньше? И принимать решения по ее результатам?

Четвертое. Первое чтение закона в Госдуме – это официальное одобрение его концепции. Никакой иной концепции, кроме повышения пенсионного возраста, там нет. При втором чтении возможны только поправки, эту концепцию не меняющие. И это называется «окончательного решения еще нет»?

Пятое. Почему президент Путин, когда пол-страны стояло на ушах, обсуждая «пенсионные» предложения, молчал обо всем, что сказал сейчас? До него только сейчас все это дошло? Что помешало ему выступить раньше – как минимум, до голосования в Думе? Почему он «держал паузу» – чтобы теперь выйти, весь в белом, и даровать милости? В виде или полной отмены предложений правительства, или их серьезного смягчения?

Досрочная отставка и президента, и правительства, и Госдумы – вот что они реально заслужили.

И на выборах всех уровней теперь (о чем я уже писал) должен быть очень простой принцип: ни одного голоса тем, кто поддержал повышение пенсионного возраста.

«А над гробом встали мародеры...»

27 июля 2018 года

Не думал, что такое возможно в моем городе: представители общества блокадников сняли и спрятали в своей кладов-

ке все экспонаты выставки к 140-летию великого гуманиста и педагога Януша Корчака, размещенной на первом этаже здания, где блокадники занимают второй этаж.

Заставить функционеров блокадного общества оперативно вернуть чужое имущество удалось только с помощью полиции.

Но суть не только в этом: выставка была демонтирована по причине ... предстоящего визита к блокадникам немецкой делегации, которую они ждали в гости. Чтобы не обидеть немцев напоминанием о Корчаке.

На выставке было размещено шесть десятков фотографий – портреты Корчака, плакаты той эпохи, фотографии Варшавского гетто. На фоне декораций из замечательного спектакля Интерьерного театра «Страх и отчаяние в Третьей империи», поставленного по пьесе Бертольда Брехта. Театр занимает помещения на четвертом и третьем этажах, выставку, которая была открыта в субботу, 21 июля, готовил главный художник театра Марк Борнштейн. А вечером в среду, 25 июля, блокадники ее демонтировали.

Утром 26 июля мы с правозащитником и священнослужителем Григорием Михновым-Вайтенко (сыном Александра Галича), Натальей Сивохиной и Марком Борнштейном пришли в общество блокадников и потребовали немедленно вернуть экспонаты. По сути – украденные.

Дверь нам открыла секретарь общества Людмила Виноградова, но впускать отказалась. На вопрос о том, кто снял экспонаты, гордо ответила, что она лично. Почему? А потому. Потому, что «с ними не согласовано». Потому, что якобы «нельзя на первом этаже выставки устраивать». Потому что «пусть у себя в театре выставки делают». И потому, что немцы приедут.

«Отдайте чужое имущество!», – потребовали мы.

«Не отдам!», – гордо ответила Людмила Павловна. Приходите в 16 часов, когда будет руководство, а сейчас никого нет, я одна».

Это была очевидная ложь – за 15 минут до того, как мы к ним поднялись, я лично наблюдал группу людей, входивших в

помещение с двумя коробками с пирогами.

«Вы были в Германии?», – спрашиваю я.

«Нет!», – отвечает Виноградова.

«А я – был, – говорю я. – И прекрасно знаю, что там необычайно сильно чувство вины и раскаяния за фашизм и Холокост. Как можно подумать, что немцы «обидятся», увидев выставку памяти Корчака? А от факта вашего существования – блокадников, – они не обидятся? А от встречи с вами с городе, который пережил блокаду?».

Никакого ответа не последовало.

На лестнице – прямо у входа в помещение общества «Жители блокадного Ленинграда», – висит огромный плакат, стилизованный под военный, с надписью «Все для фронта, все для победы над врагом». Спрашиваю: а этот плакат почему не сняли? Вдруг заденете тонкие чувства немецких гостей?

Снова нет ответа.

Общество блокадников – такой же арендатор в этом доме, как и Интерьерный театр. Никакого права что-то разрешать, запрещать или согласовывать на первом этаже, у них нет. Но – решили действовать.

Приехавшей съемочной группе питерского НТВ Виноградова изложила еще одну версию: оказывается, выставку сняли по «эстетическим соображениям». Не понравилось качество исполнения (!). При том, что Марк Борнштейн – один из лучших театральных художников Петербурга. Эту же версию журналистам потом повторила глава общества блокадников Елена Тихомирова: «мятые коробки», «откуда мы знаем, что это», «может быть, это провокация», «если кто приедет – а на стенах такое»...

Мы вызвали полицию – и только после ее прихода Виноградова согласилась вернуть экспонаты.

В гости, как выяснилось, ждали генерального консула Германии в Санкт-Петербурге Эльтье Адерхольд, которую я знаю лично.

Предположить, что она могла обидеться, увидев выставку памяти Корчака, можно было только при условии полной нравственной глухоты (в консульстве журналистам «Фонтан-

ки.Ру» подтвердили, что ни о какой «обиде» и речи быть не могло). Как и счесть эту выставку «провокацией».

Зачем сняли выставку? А на всякий случай. Как бы чего не вышло. Лучше перестраховаться.

Это – позор для моего города, когда функционеры блокадного общества (замечу: поддерживающие городские власти во всех их начинаниях, получающие от них подарки и блага, и зовущие подопечных блокадников голосовать за кандидатов от власти на всех выборах) устраивают подобное.

Кстати, именно они в свое время потребовали закрыть телеканал «Дождь». Обиделись и подали в суды из-за проведенного каналом опроса о блокаде – не надо ли было сдать Ленинград немцам? А теперь они же трогательно заботятся о том, чтобы немецкая делегация не обиделась.

Давно не было так стыдно.

И звучат в ушах строчки из песни Александра Галича памяти Бориса Пастернака.

«А над гробом встали мародеры,
И несут почетный ка-ра-ул!».

Приоритеты – воровать и охранять наворованное

04 августа 2018 года

Путин, конечно, подписал закон о повышении НДС с 18% до 20%.

Практически все экономисты сходятся в том, что это приведет к повышению цен, и не на 2%, а значительно больше.

Правительство радостно подсчитывает доходы от повышения, немалая часть которых пойдет, – конечно же!, – на военно-силовые цели.

Российский бюджет все больше приобретает коррупционно-охранительную направленность: часть денег идет на то, чтобы их освоили «друзья президента», часть – на то, чтобы охранять президента и его друзей от народа, из карманов которого, собственно, и изымаются деньги для бюджета.

Проще говоря, главные (хотя и незаявленные) приоритеты бюджета – это воровать и охранять наворованное.

Но надо понимать, что повышение НДС – так же, как и планы повышения пенсионного возраста, – следствия одной и той же причины.

Эта причина – результаты президентских выборов 18 марта, где «непришедшие несогласные» дали власти основания считать, что никакой поддерживаемой многими гражданами альтернативы нынешней политике не существует.

Вот за это теперь и расплачиваемся.

И так будет до тех пор, пока граждане в массе своей будут безучастны и равнодушны.

Пока они не поймут, что сменить на выборах власть, которая ворует и лжет – единственный выход.

Глава 4. От первого лица

Интервью с Борисом Вишневым

«Всем, кто ко мне обращается, я стараюсь помочь»

Эхо Москвы, программа «Разбор полета», 11 января 2016
года

Т. Фельгенгауэр – Здравствуйте! Это программа «Разбор полета». Мы продолжаем наше Санкт-петербургское турне, и на этот раз мы добрались до Бориса Вишневого, я думаю, одного из ведущих политиков Санкт-Петербурга, которого вы все прекрасно знаете, на нашем сайте активно читаете. А жители Санкт-Петербурга, в общем, регулярно за него голосуют.

И. Воробьева – Да, потому что он депутат законодательного собрания Санкт-Петербурга 5-го созыва. Ну а здесь, в Питере – Татьяна Фельгенгауэр, Ирина Воробьева. Мы здесь, в Питере почему-то забываем себя представлять – такая у нас какая-то чисто питерская привычка образовалась. Борис Лазаревич, здравствуйте!

Б.Вишневы – Здравствуйте!

И.Воробьева – Спасибо, что мы с вами встретились!

Б.Вишневы – Вам спасибо!

И.Воробьева – У нас есть традиционный вопрос нашей программы «Разбор полета», это вопрос о самом тяжелом решении, самом трудном, которое вам приходилось в жизни принимать, о котором вы, так сказать, сразу подумали сейчас.

Б.Вишневы – У меня, пожалуй, таких было два, примерно одинаковых по тяжести. Одно – это 1990-й год, когда я принимал решение из ученого стать политиком. Второе – это 1999-й год, когда мы, работая тогда в питерской администрации, уходили из нее, уходили в глухую оппозицию губернатору Владимиру Яковлеву; оставались без работы, без

массовых возможностей и, в общем, с не вполне определенным будущим.

И.Воробьева – Тогда давайте вернемся к вашему первому решению, когда вы решили пойти в политику. Чем оно продиктовано, как вообще это вышло?

Б.Вишневский – Знаете, я был не один такой. Вы, девушки вполне молодые, в отличие от меня, и вы вряд ли помните, какой тогда был массовый призыв примерно таких людей, как я. Вообще, в политику, в депутаты разных уровней огромное число моих знакомых, друзей, приятелей из технической интеллигенции, из гуманитарной тогда в 89-м, в 90-х годах решили, что стоит приличным людям пойти во власть – и мир изменится: что мы изменим город, изменим страну, что мы все это изменим; потом вернемся обратно на свои места младших и старших научных сотрудников.

Вот я был к 89-му году такой абсолютно благополучный старший научный сотрудник. Защитил кандидатскую диссертацию, начал писать докторскую, ходил в горы, пел песни под гитару. Сперва подпевал, потом взял в руки гитару, научился петь. Потом стал сам сочинять. Читал фантастические книги, только еще с Борисом Натановичем Стругацким не был лично знаком – чуть-чуть позже произошло. В общем, все у меня было хорошо в жизни.

И.Воробьева – А вы – я прошу прощения, перебиваю – ваша была специальность – теория управления.

Б.Вишневский – Я математик по основной своей специальности. Я много лет проработал в НИИ, который занимался радиоэлектронными системами для самолетов. Вот я разрабатывал алгоритмы обработки информации для навигационных систем.

И.Воробьева – Прекрасно! Вы готовили ГЛОНАСС.

Б.Вишневский – Нет, что вы! Никакого ГЛОНАСС тогда не было. Я вам сейчас расскажу о страшном своем разочаровании, которое меня постигло, кстати, оно никак не повлияло на уход из науки в политику. Знаете, я много лет решал

такую задачу. Вот давайте представим себе: летит самолет, на борту этого самолета есть несколько разных датчиков разной физической природы: есть инерциальная навигационная система, есть радиолокатор, есть так называемый доплеровский измеритель скорости и угла сноса, есть еще много чего. И все они должны определять положение самолета в пространстве. Потому что надо же прилететь туда, куда надо. Но все они работают с ошибками, теми или иными. Но, поскольку они разной физической природы, то ошибки эти тоже разные по своей сути.

И вот в чем была моя задача: я должен был придумать, как, имея показания 5-6 неточных датчиков, как можно более точно определить, где находится самолет, с какой скоростью он летит, на какой высоте, с каким курсом он летит и так далее. И вот много лет я решал эту задачу, писал сложнейшие формулы. Кстати, я еще, наверное, половину из этих формул понимаю, когда я читаю свои научные работы – у меня их около ста, – то примерно половина мне еще доступна. В результате я добился того, что на длинном маршруте в 2-3 тысячи километров ошибка в определении положения самолета уменьшилась с 300 метров до 150.

И.Воробьева – Это для самолета – 150 метров, прямо скажем, не очень много.

Б.Вишневский – Нет, но это было очень важно, потому что надо же было прилететь туда, куда нужно. И вот я защитил диссертацию очень успешно, был страшно горд своими достижениями. Это было в 88-м году. А в 89-м году появились спутниковые навигационные системы.

Т.Фельгенгауэр – О боже!

Б.Вишневский – Которые давали точность местоположения несколько метров тогда уже. Это, конечно, сути моих методов не обесценило, потому что алгоритмы обработки, они все равно имеют ценность. Но вот, поскольку была совсем другая физическая система, то, конечно, ценность самой диссертации несколько снизилась. Кстати, я уже давно пыта-

юсь получить ее в руки. Она у меня секретная, я в закрытом институте работал. Кстати, это «Ленинец» наш знаменитый.

Т.Фельгенгауэр – Тот самый?

Б.Вишневский – У меня генеральным директором был старший Турчак.

Т.Фельгенгауэр – О боже!

Б.Вишневский – Да-да, мир тесен. Причем мне три года не давали защищать диссертацию. Интересно, что когда мне сейчас иногда приходится встречаться с Турчаком на каких-нибудь приемах у губернатора – он тоже работал два года на «Ленинце», между прочим.

Т.Фельгенгауэр – Потрясающе!

Б.Вишневский – Нынешний наш Георгий Сергеевич Полтавченко проработал два года на «Ленинце» и ушел оттуда в райком комсомола, а оттуда уже в КГБ – такая была карьера интересная. И вот, когда мы встречаемся втроем, то Турчак-старший начинает рассказывать Георгию Сергеевичу, что я был его любимый ученик, что он меня холил и лелеял, растил. Когда он отходит, я обычно рассказываю Георгию Сергеевичу, как все было на самом деле.

Но суть дела не в этом, а в том, что, конечно, я был доволен, я занимался своей любимой наукой, я всегда хотел ей заниматься. Закончил физмат-школу. Стремился к этому. Перед этим, кстати, тоже было очень нелегкое для меня решение – в юности, много лет назад, когда надо было решать, куда поступать. Я закончил школу в 72-м году. Я понимаю, что вам страшно даже слышать, что был такой год.

Т.Фельгенгауэр – До этого нужно было закончить школу при этом.

Б.Вишневский – Да, я уже закончил школу тогда.

Т.Фельгенгауэр – Ну ладно, Борис Лазаревич, мы эту программу ведем давно. У нас были гости и сильно старше, чем вы.

Б.Вишневский – Я верю.

Т.Фельгенгауэр – Прекращайте бравировать возрастом.

Б.Вишневский – Нет, я не бравирую возрастом; я просто говорю, что тогда, в 72-м году люди с моими, извиняюсь, анкетными данными, то бишь «5-м пунктом», таким же, как у моего друга Льва Шлосберга, который у вас был недавно, с трудом поступали в вузы. И мне прямо сказали, что «на мехмат университета тебя со всеми твоими дипломами не возьмут, хоть ты в лепешку расшибись, если у тебя не будет блата на уровне обкома партии», той партии – коммунистической. Блата у моих родителей не было никакого. Поэтому я пошел в другой институт, хотя не жалею об этом. И, повторяю, много лет я очень успешно, я считаю, работал, и было страшно интересно. Я точно могу сказать, что ни разу за 13 лет работы в своей основной сфере у меня не было такого, чтобы я сидел на работе и ожидал мучительно окончания рабочего дня, когда можно будет уйти домой. Мне было интересно, меня все это очень увлекало.

Т.Фельгенгауэр – Когда вы меняете род деятельности, вы уходите не откуда, а куда. То есть вас влечет что-то новое.

Б.Вишневский – Я не всегда менял род деятельности по собственному желанию. Иногда это происходило в принудительном порядке, о чем я вам тоже расскажу. Так вот в 85-м году началась перестройка. В 88-м году, в 87-м даже мы начали создавать клуб «Перестройка» в Ленинграде. Там были легендарные фигуры в этом клубе «Перестройка». Часть из них еще занимается политикой, часть из них – нет. Потом это переросло все в «Ленинградский народный фронт», потом были выборы 89-го года, тоже знаменитые, где впервые в них участвовал как наблюдатель всего лишь. Я сидел ночью на избирательном участке – весь день и ночью – смотрел, как считают голоса: мы их не дали подделать – результаты, – не дали ничего вбросить. И в результате председатель Ленгорисполкома Владимир Яковлевич Ходырев на выборах пролетел. Мы не дали ему стать депутатом.

Т.Фельгенгауэр – То есть вера в себя так пробуждалась.

Б.Вишневский – Ну, постепенно пробуждалась. И потом, в самом конце 89-го года произошло событие, которое из-

менило мою благополучную жизнь. Впереди были уже выборы 90-го года. В 89-м – это выборы народных депутатов СССР, а в 90-е – это уже были выборы в Верховный Совет России, в Ленсовет, в райсоветы. Мне позвонил мой давний школьный друг, не так давно еще депутат Государственной думы, сейчас уполномоченный по правам человека в Санкт-Петербурге Александр Шишлов, и сказал грозным голосом: «Ты почему никуда не баллотируешься?» Я что-то залепетал: «Саша, куда мне? Я хочу докторскую закончить. У меня все хорошо. Зачем мне баллотироваться?» «Ты эти глупости брось, – грозно сказал Саша, – вот тебе телефон клуба избирателей. Позвонишь, придешь завтра к ним на собрание – они будут тебя выдвигать в депутаты». Я говорю: «Зачем?» «Так надо», – сказал Саша. Я пошел – меня выдвинули в депутаты.

Т.Фельгенгауэр – Ну. Раз надо, так надо!

Б.Вишневский – И в 90-м году меня и выбрали к моему некоторому даже удивлению. Но повторяю, тогда очень много таких, как я стало депутатами разных уровней. Думали, что это крайне временное событие. Что вот сейчас все мы изменим – вернемся назад. А выяснилось, что вернуться назад не удалось, потому что когда в 93-м году нас всех стали разгонять – были такие очень печальные события, – выяснилось, во-первых, в моей профессии, в математике, если ты почти четыре года пропускаешь, ты не можешь уже вернуться, ты уже отстал почти навсегда. Уже невозможно возвращаться к прежним профессиям, почти никому из нас тогда это не удалось.

Т.Фельгенгауэр – А были попытки?

Б.Вишневский – Я, честно говоря, даже попыток не делал, потому что я понимал, что обратно на свой «Ленинец» я уже не приду. И мы стали каждый искать себе какое-то другое пристанище. И я, кстати, тогда начал заниматься журналистикой уже не как хобби, – потому что писать статьи я начал еще с 90-го года, меня стали потихонечку печатать, а как каким-то делом, которое позволяло заработать на жизнь. Где-то около года я этим занимался, потом я параллельно с этим

уже работал в законодательном собрании, которое сменило Ленсовет. Там я был и помощником председателя. Потом, когда мы ушли работать в администрацию города, я был советником первого вице-губернатора Игоря Артемьева, который сейчас руководит антимонопольной службой. Потом мы ушли в оппозицию, ушли из администрации.

Вернулся опять в законодательное собрание. Работал там вместе с моим другом и моим товарищем Михаилом Амосовым, который был несколько созывов там депутатом. Вот с 2011 года я уже депутат сам в законодательном собрании. И произошло уже несколько таких, я бы сказал, изгибов моей жизненной траектории, несколько жизней.

И.Воробьева – Слушайте, мы с первым решением сейчас – раз! – и на полпрограммы сейчас шагнули...

Б.Вишневский – О втором я уже сказал – что мы ушли в оппозицию, потому что мы поняли, что мы категорически расходимся с губернатором. В 96-м году были выборы мэра. У нас были очень серьезные разногласия с покойным Анатолием Александровичем Собчаком. Мы считали, что Анатолий Александрович – человек, не очень любящих демократию, человек, стремящийся к авторитарной власти, человек, не очень уважающий закон, как ни странно. «Он часто говорил: это плохой закон и выполнять его не буду». И мы считали, что власть в городе должна смениться. И мы поддержали Владимир Яковлева, тогда первого вице-мэра. Еще одним вице-мэром был Владимир Путин, а еще одним – Алексей Курдрин. Такая была интересная конфигурация.

И Яковлев стал губернатором. Артемьев стал первым вице-губернатором. И большое довольно количество наших товарищей ушло работать в администрацию. И, поскольку Артемьев одновременно возглавил комитет финансов, то я работал тоже в этом комитете, и получил бесценный совершенно опыт работы в исполнительной власти. А к концу 98-го года стало понятно, что мы расходимся очень серьезно.

Т.Фельгенгауэр – То есть вы сделали ставку не на того человека.

Б.Вишневский – Дело не в этом. Понимаете, он изменился – мы не изменились. Но вот то, как он вел себя в начале губернаторского срока и как стал вести уже к его середине – это были очень серьезные изменения. Там пошли крайне сомнительные решения, пошло то, что было похоже, так скажем, на коррупцию. И, кстати, это, вообще, единственный случай в истории Петербурга, когда представители политической организации, которые по коалиционному соглашению принимают участие в городском правительстве, они принимают решение на конференции партии об уходе в оппозицию и об отзыве всех своих представителей из администрации города. Вот все наши, кто работал, оттуда ушли – из администрации – с разных должностей, в том числе, и я. Могу сказать, что это было очень нелегкое решение.

И.Воробьева – Я прошу прощения. Просто по первому решению я вас так и не спросила. Ведь, когда вы уходили в политику, это, по крайней мере, казалось, действительно политической?

Б.Вишневский – Конечно. Это была действительно политика. Чуть забегаю вперед скажу, что я, кроме того, что я депутат, я еще профессор на кафедре политологии в университете имени Герцена – читаю студентам лекции. Вот я им рассказываю, насколько та политическая жизнь отличалась от сегодняшней. Тогда, когда мне в ночь выборов, уже под утро звонили и говорили, что «все в порядке, все подсчитали – ты депутат», у меня не было опасений, что сейчас переписут протокол, тебе придется свой мандат получать через суд. Вообще, никто не думал даже о том, что можно переписать протокол. А самое главное, что была реальная конкуренция, была реальная борьба.

Вы знаете, я когда-то сказал – это я не к тому, что я сильно бы хвалил коммунистов, я никогда не был членом коммунистической партии, я всегда придерживался антикоммунистических взглядов, – что коммунисты, как ни парадоксально, в 90-м году не побоялись провести честные выборы, и проиграли их, по крайней мере, в Ленинграде катастрофически

просто проиграли. Потому что, если бы она тогда проводили выборы, как сейчас «Единая Россия», они бы до сих пор оставались правящей партией в стране. Вот такой ответ.

И.Воробьева – И по поводу решений, я немножко отклонюсь сейчас, прошу прощения.

Б.Вишневский – Пожалуйста.

И.Воробьева – Я про «яблочников спросить». Вы назвали несколько фамилий. Но можно назвать гораздо больше, не самом деле, фамилий «яблочников»...

Б.Вишневский – Я много могу называть фамилий...

И.Воробьева – ...которые впоследствии, вот как Артемьев, который стал, главой Федеральной антимонопольной службы, Лукин стал на долгое время уполномоченным по правам человека; Шишлов, которого вы называли – уполномоченным по правам человека в Питере, и многие другие. Есть, конечно, люди, которые ушли в другие партии, и их имена тоже на слуху...

Б.Вишневский – Есть.

И.Воробьева – Но я говорю сейчас немножечко не про них, хотя, на самом деле, про всех. Вот власть, именно сама власть, которая попадает в руки людям, с которыми вы были, скажем так, одних взглядов...

Т.Фельгенгауэр – Скорее единомышленниками.

И.Воробьева – Она сильно их испортила? Вы часто это замечаете? Вы перестаете с ними общаться?

Б.Вишневский – Нет, вы знаете, я могу сказать к чести своих товарищей, что на моей памяти никого из них власть не испортила. Вот Игорь Артемьев как был моих другом и товарищем 25 лет назад в «ленсоветовские» времена, так остался им и сейчас. Единственно, я сейчас довольно редко его вижу. Он, кстати, остается членом политкомитета «Яблоко», он не выходит из партии. Просто настолько он занят, что нечасто удается видеться. Саша Шишлов, с которым дружим 45 лет, если не 46, ничуть не изменился от всех своих думских

и прочих титулов. Владимира Петровича Лукина тоже знаю почти четверть века – ничуть не изменился. Явлинский ничуть не изменился. Мои коллеги, которые в Питере тоже получают разные посты – понимаете, никто из них не изменился... по-человечески.

Т.Фельгенгауэр – До неузнаваемости?

Б.Вишневский – Нет, нет. Вот абсолютно точно. Я иногда сам с ужасом думаю, а не бронзовею ли в чем-то я, не меняюсь ли я сам и прошу, если кто не дай бог это заметит – сообщать. Хотя у меня власти не очень много, я не занимаю административных должностей. Я все-таки депутат, это немножко другая роль. Но нет такого, чтобы люди, получившие какую-то реальную власть, особенно власть исполнительную, сильно менялись. Ну, конечно, все меняются в силу возраста, в силу того, что жизнь меняется, в ней появились какие-то новые знания, какие-то новые эмоции. Но вот кардинально не изменился никто из моих друзей и товарищей, с которыми мы вместе начинали, с которыми мы создавали «Яблоко». Я один из тех, кто его создавал, причем питерское «Яблоко» появилось даже раньше, чем федеральное, если вы знаете.

И.Воробьева – Как и многие другие. Как Лев Шлосберг рассказывал – тоже псковское «Яблоко» появилось раньше, чем федеральное.

Б.Вишневский – У нас еще в 92-м году появилась организация с такой аббревиатурой – только не смейтесь – РПЦ.

Т.Фельгенгауэр – Да мы знаем.

Б.Вишневский – Региональная партия центра, она называлась. Там были и Артемьев и Миша Амосов, и Борис Моисеев, будущий думский депутат; и Юра Нестеров, депутат Верховного Совета России, потом депутат Государственной думы и многие-многие другие, почти все которые до сих пор сегодня в «Яблоке» – нас там было несколько десятков человек. Потом Региональная партия центра стала как раз базой питерского «Яблока», когда еще было объединение «Яблоко», а не партия. Партия появилась официально только в 2001 году.

И.Воробьева – Почему «Яблоко»?

Б.Вишневский – Известная история, девушки. 93-й год. Выборы в государственную думу, первые после разгона съезда, всех советов. Избирательный блок: Явлинский, Болдырев, Лукин – три человека, возглавлявшие наш список. Первые три буквы: буква «Я», буква «Б», буква «Л». Журналисты мгновенно окрестили этот блок именно «Яблоком». Оттуда название.

И.Воробьева – Нет, откуда название – мы знаем...

Б.Вишневский – Откуда вообще появилась организация?

И.Воробьева – Игрунова, еще который там был, мы тоже знаем. Вы, почему вы – в «Яблоко»? Почему вы – и «Яблоко»? Это решение такое? Почему именно «Яблоко»?

Б.Вишневский – Потому что именно там разделялись те принципы, которых я всегда придерживался. Вот в 92-м, 93-м году в нашем демократическом движении возник такой очень серьезный водораздел. Водораздел этот происходил по отношению, скажем так, к связи между реформами и демократией. Часть наших товарищей – это будущий Демократический выбор России, будущий Союз правых сил – они считали, что можно ограничить демократию для того, чтобы успешно провести реформы. Поскольку, реформы невозможно проводить – те, которые они хотели – экономические в ситуации, когда парламент может эти реформы заставить изменить или остановить, и вообще невозможно пробить вопреки воли большинства, значит, надо сделать, чтобы воля большинства не мешала проводить эти реформы.

Мы считали, что демократия важнее; что один раз отказавшись от демократии, мы обратно уже не вернемся. Вот этот многолетний спор между нами... ну, исторически, я думаю, он давно уже завершился, я все-таки считаю, что мы тогда были правы, что отказ от демократии, попытки ее ограничить, они ни к чему хорошему не привели. И вот этот спор длился много лет. И вот я оказался по ту сторону этой баррикады, где были люди, считавшие недопустимым отказ от демократии, чьи взгляды я, естественно, разделял. Я всегда

был сторонником парламентаризма, я всегда был сторонником, между прочим, парламентской республики, и до сих пор им остаюсь, и убеждаю своих коллег, что это и есть оптимальная форма правления.

А самое главное, что у нас еще тогда появился такой лозунг, назывался он «Реформы для большинства». Вот никакие реформы нельзя проводить, если в результате их становится жить хуже. Я так считал и считаю и сейчас. А кроме того, в «Яблоке» огромное количество людей из числа моих друзей, товарищей, с которыми мы вместе начинали еще в клубе «Перестройка» в народном фронте, в советах...

Т.Фельгенгауэр – В хорошем смысле в народном фронте.

Б.Вишневский – Конечно, в том народном фронте, в Ленинградском народном фронте.

Т.Фельгенгауэр – Важное уточнение.

Б.Вишневский – Конечно, важное уточнение, потому что нынешний народный фронт – такая... жалкая пародия.

Т.Фельгенгауэр – У нас полторы минуты до перерыва, но я бы хотел задать вопрос, который потребует более долгого ответа. Почему вы тогда пошли в «Яблоко» и появилось, вообще, «Яблоко» – понятно. Часто ли вам приходится решать для самого себя, что вы останетесь в партии «Яблоко», даже не смотря на то, как изменилась партия за прошедшее время?

Б.Вишневский – Знаете, мой ответ будет мгновенным. Ни разу за 23 года у меня не было мысли уйти из «Яблока», вот ни разу, и никогда такая мысль меня не посещала. Я буду даже не до конца – это нехорошее слово – столько, сколько я буду заниматься политикой, я буду в партии, поскольку я ее создавал вместе с другими, и, что еще более важно, здесь те принципы и убеждения, которых я сам придерживаюсь.

Т.Фельгенгауэр – Даже когда ваших товарищей по партии из этой самой партии выгоняют, есть ли у вас какое-то внутреннее несогласие с руководством партии все равно?

Б.Вишневский – Знаете, я отнюдь не всегда соглашаюсь с руководством партии – это совершенно нормально. Я часто

с ним спору, они прекрасно это знают. У нас партия устроена так, что эти споры – абсолютно нормальное явление. Что касается того, что кого-то из партии исключают – тем более, разные ситуации – были и ситуации, когда я как раз считал, что этих людей нужно из партии исключить...

Т.Фельгенгауэр – Например?..

Б.Вишневский – Алексей Навальный – самый яркий пример.

И.Воробьева – Вы считали, что надо исключить из партии?

Б.Вишневский – Я считаю, что его надо было исключить из партии за то, что он тогда делал. Были ситуации, когда я считал, что тех людей, которых исключают из партии, исключать очень тяжело, но делать это, к сожалению, необходимо, как пришлось исключить целую группу наших питерских товарищей, которые просто стали соучастниками фальсификации на выборах в законодательное собрание в 2011 году. Мы прекрасно знаем, как перетасовывался состав партии «Яблоко», как у мною упомянутого Михаила Амосова и председателя Ленсовета 21-го созыва сенатора Александра Беляева были отняты депутатские мандаты и отданы людям, нашим товарищам, которые согласились взять ворованное. Пришлось исключать и тех, кто их поддерживал. Другого выхода просто не было.

Т.Фельгенгауэр – Мы должны прерваться на несколько минут. Я напомню, что программа «Разбор полета» выездная. На этот раз мы в Санкт-Петербурге, и наш гость – Борис Вишневский. Мы к вам скоро вернемся и еще несколько фамилий известных «яблочников» озвучим.

НОВОСТИ

Т.Фельгенгауэр – Продолжаем программу «Разбор полета». Татьяна Фельгенгауэр, Ирина Воробьева и наш сегодняшний гость – депутат законодательного собрания Санкт-Петербурга 5-го созыва, общественный деятель, публицист, журналист, писатель – про книги, я надеюсь, еще сегодня поговорим – Борис Вишневский.

Б.Вишневский – С удовольствием.

Т.Фельгенгауэр – Мы предыдущую часть программы закончили на том, что обсуждали партию «Яблоко», и обсуждали исключение из партии разных политиков. И вы назвали имя Алексея Навального, за исключение которого вы были.

Б.Вишневский – Да, я за это голосовал.

Т.Фельгенгауэр – Я, знаете, хотела о другом спросить. Когда после этого Алексей Навальный, вместо того, чтобы исчезнуть с политического небосклона, внезапно прорвался и стал одним из самых популярных политиков в стране, вам не стало жаль, что вы его исключили из партии «Яблоко»?

Б.Вишневский – Нет. Во-первых, мы понимали, что они никуда не исчезнет с политического небосклона. Он уже тогда был талантливым политиком. Мы понимали, что у него большое будущее. Просто будущее это расходилось с нашим. Мы его исключили по очень простой причине: не по причине каких-то разногласий с руководством партии, критики руководства партии – Алексей стал одним из организаторов «Русского марша». Вот «Яблоко» и национализм, «Яблоко» и «Русский марш» – это абсолютно несовместимые понятия, абсолютно. Алексею честно было сказано: «Прекрати в этом участвовать, иначе мы не сможем быть с тобой в одной партии». Алексей отказался в этом участвовать. Когда это обсуждалось на бюро, была не очень красивая сцена. Но не было иного выхода, кроме как его исключить. Но мы понимаем, что мы были правы, потому что многое из того, что было потом, подтвердило, что нам с ним было, мягко говоря, не по пути.

И.Воробьева – Могу сказать, что на моей памяти был не один Алексей Навальный, который в свое время в партии «Яблоко» поддерживал тех или иных националистов. Разные были регионы, разные были выступления, по-разному партия «Яблоко» реагировало.

Б.Вишневский – Их тоже исключали.

И.Воробьева – Я хотела спросить про другое. Ну, партия «Яблоко», действительно, очень большая и заявлений разных

много, и лидер поменялся, и вместо Явлинского пришел Митрохин. Бывает ли вам стыдно за партию «Яблоко»?

Б.Вишневский – Стыдно – нет. Бывают ошибки, бывают решения, с которыми я не согласен. Я, кстати, всегда абсолютно открыто об этом говорю, и как-то меня за это не репрессует. Никаких неприятностей у меня потом не начинается.

На мой взгляд, самая для меня горькая ошибка – это в свое время решения фракции «Яблоко» в Московской городской думе поддержать утверждение Лужкова мэром. Я был против этого решения. Мои товарищи по питерской организации тоже были против. Мы выступали потом на съезде, просили признать это решение ошибочным, но подавляющее большинство с нами не согласилось. Я до сих пор считаю, что это негативно сказалось, хотя я и понимаю мотивы тех, кто считал, что это нужно было сделать.

И.Воробьева – А это сделал, кстати, в том числе, Сергей Митрохин, который ныне лидер партии «Яблоко».

Б.Вишневский – Я это прекрасно знаю. Я знаю аргументацию. Я помню, как Митрохин говорил, что было обещано в случае, если «Яблоко» поддержит Лужкова на пост мэра, – тем более, никого своего у нас не было, – остановить точечные застройки в Москве. У нас в городе это называется «уплотнительными застройками». Я как депутат тоже с ними борюсь совершенно отчаянно. Но обещание это, насколько я знаю, было выполнено. Но я все-таки до сих пор сохраняю свое несогласие с тем решением. Я думаю, я имею на это право. Я публично это высказываю. У нас вот, повторяю, как устроена партия: у нас все говорится публично, никто не стесняется критиковать руководство партии...

Т.Фельгенгауэр – На бюро партии.

Б.Вишневский – И не только на бюро, но и в СМИ довольно часто это бывает.

И.Воробьева – Как я люблю, когда к нам в программу «Разбор полета» приходят «яблочники»!

Т.Фельгенгауэр – Да, да. Я каждый раз с трепетом жду этого диалога между Ирой Воробьевой и членами партии

«Яблоко». Очень эмоционально обычно получается, правда, у всех как-то одинаково. Сейчас не хочу обидеть партию «Яблоко», но как у единороссов всегда есть объяснения – ну, мы спрашиваем: «Почему вы голосовали по такому и такому закону так-то и так-то?» Говорят: «А у нас партийная дисциплина. Мы на фракции решили, поэтому так голосуем». Вот и с членами партии «Яблоко» – как там у них не спрашивай, так у них все: «Ну мы критикуем, но мы да...».

Б.Вишневский – Нет, минуточку! У единороссов все очень просто. Во-первых, не помню, чтобы у единороссов кто-то критиковал собственное руководство...

Т.Фельгенгауэр – У них все на фракции...

Б.Вишневский – Я не бываю у них на фракциях – не знаю. А у нас это делается сколько угодно, повторяю, в том числе, и во внешнем мире, в том числе и в эфире «Эха Москвы», в том числе, и в газетах и социальных сетях, да сколько хотите.

И.Воробьева – Поэтому вы, собственно, и демократическая партия «Яблоко».

Б.Вишневский – Мы, по крайней мере, считаем себя демократической партией. У нас абсолютно свобода дискуссий. Что касается партийной дисциплины, то, конечно, если какое-то решение принято, то или ты это решение выполняешь, или ты, по крайней мере, не действуешь вопреки ему, этому решению. Когда речь идет о голосовании на собрании, вот фракция приняла какое-то решение – это у нас еще со времен фракции в Государственной думе – очень просто: ты можешь быть с этим решением не согласен, но тогда, по крайней мере, ты не голосуй вопреки ему, не участвуй в голосовании.

И.Воробьева – Слушайте, а вот момент перехода в политику, там же совпали или немного не совпали по годам – события 91-го, 93-го года – вы же, если я правильно понимаю, когда события 91-го года происходили, были в Питере, в Москву никто из вас не ездил.

Б.Вишневский – В 91-ом году, когда был путч, я был в Ялте. Вообще, было крайне интересно. Я был в двух шагах от Ми-

хали Сергеевича Горбачева. Так получилось, что за неделю до путча я поехал лечиться в санаторий – я тогда не очень себя здорово чувствовал – и путч меня застал... Уехать оттуда я не смог: билетов не было ни на что и никаких. Три дня там просидел в санатории у телевизора, скупая все газеты вокруг, какие мог скупить и звоня домой непрерывно и выясняя, что вообще там делается.

Вот путч 93-го года я провел в Петербурге. Это все уже я наблюдал в нашем городе своими глазами. К счастью, у нас не происходило того, что происходило в Москве, но очень были печальные события. Я, кстати, категорически не разделяю ту точку зрения, что это был какой-то красно-коричневый мятеж, что это было столкновение замечательного президента Ельцина с ужасными депутатами, с какими-то реакционерами. Во-первых, нет. У меня совершенно иная трактовка этих событий, и многократно я ее излагал, в том числе, в собственных публикациях, может быть, вам даже что-то из них попадалось. Я полагаю, что это был антиконституционный переворот. Я полагаю, что действия президента не имели ничего общего с законом и Конституцией, и что, конечно, нельзя было так, как было сделано тогда. Это оказало огромное разрушительное воздействие на всю политическую систему страны и вообще на все политическое будущее, потому что стало понятно, что отныне прав тот, кто сильнее. Вот это тот принцип, который «Яблоко» никогда не принимало. Мы, кстати, не поддерживали принятие новой Конституции. Бюллетень по голосованию я унес домой, он до сих пор у меня хранится.

Я считал тогда и считаю сейчас, что это конституция такой, самодержавной политической система, которая дала президенту огромную, ничем не ограниченную власть, поставила парламент в заведомо ущемленное состояние.

Т.Фельгенгауэр – А если 93-й год – вы после него сделали выводы, какие же вы выводы тогда сделали после выборов президента в 96-м году?

Б.Вишневский – Моя точка зрения на эти выборы тоже хорошо известна. Я многократно об этом писал. Я считал тогда

и считаю сейчас, что лучше был бы честно избранный Зюганов, чем нечестно избранный Ельцин. Самое главное – это честность выборов. Выборы были катастрофически нечестными. Выборы проходили при буйстве административного ресурса. И самое главное, что на этих выборах впервые была опробована такая модель, при которой очень многие российские СМИ, в основном телевидение превратились просто в отдел избирательного штаба одного из кандидатов. Потом это, к сожалению, сохранилось.

Т.Фельгенгауэр – Смотрите, 93-й, 96-й, конец 99-го, путинская эпоха. Ни разу вы не настояли на развилке: уходите из политики, потому что ну нет ничего, нет политики как таковой?

Б.Вишневский – Знаете, пессимистические мысли иногда меня посещают, как любого нормального человека. Я привык бороться до конца. Более того, я привык строить свою жизнь, исходя из очень простого принципа. У меня даже на каком-то календарике для избирателей было написано, что «Тот, кто борется, может не победить. Тот, кто не борется, не победит никогда». Вот я привык не отступать – я привык бороться. Да, я могу и проиграть, я и проигрывал выборы в своей жизни: и один, и вместе с партией, всякое было. В 2003-м я почти считал себя депутатом Государственной думы, входил в федеральный список «Яблока», в центральную часть, но нам не хватило полпроцента.

Т.Фельгенгауэр – С утра выяснилось...

Б.Вишневский – С утра выяснилось, что нас никого там нет, хотя ночью еще Владимир Владимирович Путин звонил Явлинскому – поздравлял (видимо, был такой изощренный способ издевательства). Повторяю, у меня были поражения, были победы, но я считаю, что надо бороться, пока ты можешь, пока есть силы, пока ты понимаешь, что надо делать.

Т.Фельгенгауэр – Когда к вам, как к депутату обращаются за помощью – тут, как принять решение? С одной стороны, у вас есть какие-то полномочия, какая-то власть. С другой

стороны, так много всяких случаев: когда нужна реально мощность, а когда, в общем, помочь нельзя. Как тут действовать, как принять решение: кому помогать, кому не помогать?

Б.Вишневский – Тут как раз очень просто: надо помогать всем.

Т.Фельгенгауэр – Это невозможно. Помочь всем – нельзя.

Б.Вишневский – Всем, кто ко мне обращается, я стараюсь помочь. Я не оставляю без ответа ни одно обращение. Я пытаюсь решить все проблемы, с которыми обращаются ко мне. Кое-что мне удастся – так скажу, осторожно. Вот я вам приведу только одну цифру. Вот сдаю свою отчет за полтора года работы. В 14-ти случаях мы решили жилищные проблемы людей, добились предоставления им жилья. Могу сказать, что это очень много.

Конечно, я не могу сделать все. Я любому избирателю, который ко мне приходит, говорю честно: «Я не обещаю вам, что я решу вашу проблему. Это был бы обман, это было бы нечестно. Но я обещаю вам, что сделаю все, что от меня зависит, чтобы проблему эту решить». Как я действую? Тем методом, который у меня есть как у депутата: я начинаю писать письма, запросы, обращения, стараться юридически обосновать позицию защиты интересов этого избирателя, отстаивания его прав; пытаюсь объяснить, почему его проблему можно и нужно решить и надо найти для этого возможности.

Потом начинаю использовать заработанную в городе и при общении с исполнительной властью репутацию человека, который не отступается. Вот они сами, так сказать, иногда с такой, кривой ухмылкой говорят, что «если Вишневский за что-то взялся, мы понимаем, что он не отвяжется. Значит, может быть, лучше решить проблему, на которой он настаивает, потому что он будет долбить, долбить и долбить».

Т.Фельгенгауэр – Те результаты, которые получаются или которых не удастся добиться – я все возвращаюсь к развилкам и возможному уходу или отходу в сторону – вы можете писать книги, жить спокойной жизнью, не участвовать в этой довольно неприятной, а последнее время, еще и опасной

политической жизни, ведь даже, может, имитацией политической жизни. Я не знаю, в Петербурге все как-то поживее, наверное, чем в Москве, попроще. Во всяком случае, так выглядит со стороны. Но, тем не менее, много уже сделано – прекрасно! – почему бы не пойти, не написать пять новых книг про Стругацкого, поработать?

Б.Вишневский – Во-первых, при том, чем я занимаюсь, я успеваю писать книги. А, во-вторых, что самое главное... Понимаете, давайте вернемся к тому, с чего я начинал. Почему когда-то мы – интеллигенты, ученые, инженеры – пошли заниматься политикой? Что нам не хватало в этой жизни? Мне всего, например, хватало, кроме одного: я понимал, что от меня ничего не зависит в том, что происходит вокруг. А я хотел, чтобы от меня зависело. Я хотел влиять на происходящее, чтобы жизнь моего города, моей страны зависело от моих действий.

И.Воробьева – И сколько за эти года раз вы себя чувствовали человеком, от которого что-то зависит?

Б.Вишневский – Достаточно часто. Вот хотите, я приведу один, может быть, самый любимый мой пример? Это тоже к вопросу тщетности усилий. Одна из моих книг называется: «Башне – нет! Петербург против «Газоскреба»».

Т.Фельгенгауэр – О, это легенда!

Б.Вишневский – Пять лет моей жизни было отдано борьбе с башней Охто-центра. Я был один из организаторов этой борьбы во всех ее проявлениях. Я писал статьи, организовывал митинги, организовывал референдумы.

Т.Фельгенгауэр – Помним, помним.

Б.Вишневский – Я участвовал в судебных процессах. Чего я только не делал вместе с моими товарищами. Когда мы начинали эту борьбу, нам говорили: «Вы что, с ума сошли? У вас ничего не выйдет. Это же «Газпром». Против лома нет приема». Мы сами не верили, что у нас что-то выйдет, честно говоря. Мы были уверены, что борьба безнадежна, но мы ее вели, потому чтобы потом могли сказать детям на вопрос: «Папа, как же ты допустил?..» – «Я хотя бы сделал то, что мог.

Да, у меня не вышло, но я хотя бы сделал то, что мог». Вот пять лет борьбы – нету башни Охто-центра.

Кстати, в 89-м году – тоже еще более дальний пример – когда были выборы народных депутатов СССР, и нас жалкая кучка, как тогда нас называли, таких... экстремистов, стала бороться с членами бюро обкома партии на выборах, нам тоже говорили: «Вы что, с ума сошли? Вам делать нечего? Все равно всех изберут, вы ни на что не повлияете». Никого из них не выбрали кроме одного единственного человека, который кроме этого был еще академиком и крупным ученым – это, наверное, помогло ему выиграть. А все остальные члены городского руководства партии пролетели, простите, как фанера над Парижем, на выборах. Вот жалкая кучка демократической общественности это сделала.

Поэтому, когда ты начинаешь борьбу, то ты должен верить в победу, ты не должен поддаваться унынию. А потом, ведь очень просто все: если я буду впадать в грех уныния, если я не буду верить в то, что можно решить проблему граждан, как же я за них смогу заступиться? Да никак.

Сейчас одни из битв, которую я веду – я надеюсь – тьфу-тьфу-тьфу! – стучу по голове – она закончится победой, – я хочу не дать превратить уникальный совершенно памятник Конюшенный двор в апартамент-отель, фактически в элитный жилой комплекс в самом центре Санкт-Петербурга. Я надеюсь, нам это удастся. Вот полтора года борьбы, которую я веду, надеюсь, что завершатся нашей победой.

И.Воробьева – Хотела спросить про Владимира Путина, которого вы-то знали до того, как он стал президентом.

Б.Вишневский – Конечно. Не могу сказать, что очень близко, но встречались.

И.Воробьева – По крайней мере, в отличие от нас, вы его здесь наблюдали. Вот, когда стало известно, что именно Владимир Путин становится преемником, вы какие чувства тогда испытывали: вы поддерживали его; сразу поняли и подумали, что что-то не то? Я понимаю, что сама по себе операция «Преемник» никому не нравилась – это понятно.

Б.Вишневский – Нет, я, конечно, его не поддерживал, поскольку хорошо его знал по Петербургу, но надо сказать, что с именем Владимира Владимировича связан мой самый неудачный политический прогноз в жизни. У меня был один очень удачный прогноз, один – очень неудачный. Удачный прогноз: в феврале 1998 года в «Независимой газете» вышла моя статья: «Борис Ельцин уйдет в декабре 1999 года». Можете себе представить?

И.Воробьева – Так. А неудачный?

Б.Вишневский – А неудачный – это в августе 1999 года, узнав о назначении Путина преемником, я сказал журналистом под камеры, что Борис Николаевич, как мне кажется, абсолютно утратил адекватность, и если он думает, что из этого человека можно сделать популярного политика, значит он уже ничего не понимает о том, что происходит в стране.

И.Воробьева – И последние 16 лет Владимир Путин у власти. И рейтинги у него...

Б.Вишневский – Меня извиняет, наверное, в какой-то степени только одно: я не мог предположить, как наверное и вы и многие другие, что для обеспечения операции «Преемник» будут применены такие методы, как война, как взрывы домов и все прочее, что мы тогда наблюдали. Это не могло прийти мне в голову.

И.Воробьева – Ну, у нас нет доказательств того, что все это было организовано властью или спецслужбами.

Б.Вишневский – Но, по крайней мере, то, что для этого будет развязана война – а это является очевидным абсолютно фактом – этого я не мог предположить. Вот я исходил как бы из предыдущих своих наблюдений за Владимиром Путиным, поэтому, я, естественно, категорически не поддерживал избрание его президентом, вообще, преемником. Мне это очень не нравилось. Я отношения своего к нему не меняю с тех пор.

Т.Фельгенгауэр – Борис Вишневский в программе «Разбор полета». Немного не про политику. Книги, которые вы пишете – не про «Газоскребы» – а в чем-то, может быть, литературо-

ведческие, а, может быть, просто художественные – разные книги – для вас это внутренняя эмиграция, попытка отвлечься или такое логичное продолжение и политики вашей?

Б.Вишневский – Нет, Таня, ну что вы! Некий аналог внутренней эмиграции, как вы говорите, для нас вот, старших и младших научных сотрудников с таким «невосторженным образом мысли» – это я формулировку Стругацких употребляю – в 70-80-е годы были горные путешествия – а я 10 лет лазил по горам, – это бардовская песня – я и пел песни и сочинял их и до сих пор еще вполне могу взять в руки гитару: вот на презентации, кстати, книг, которые я вам подарил, я часа два пел не останавливаясь – и фантастика. Вот три таких главных направления внутренней эмиграции и позволяли уйти от советской действительности, в которой мы жили в другой мир, где действовали другие законы, где мы чувствовали себя абсолютно иначе.

Сейчас для меня книги о Стругацких – а я почти 20 лет был очень дружен с Борисом Натановичем – это дань памяти учителю. Вот когда-то идея первого издания книги «Аркадий и Борис Стругацкие: двойная звезда» появилась к 60-летию Бориса Натановича, когда я просто захотел собрать в одну книгу все опубликованные с ним интервью. 10 лет мы записывали интервью. Такой один долгий, нескончаемый спор об окружающем нас, о стране, о мире, о реформах, о демократии; совсем немножко – о литературе, кстати. Борис Натанович больше всего обожал беседовать на общественно-политические темы. И вот появилась книга, в нее вошли и биографические вещи и мои такие эссе небольшие о лучших книгах Стругацких, – а я вырос в мирах Братьев Стругацких, как мы их называли, – фотографии уникальные из их архива. Это была первая, на самом деле, книга в России о творчестве Стругацких изданная.

В 2013-м году вышло второе издание уже после кончины Бориса Натановича. Туда попали уже следующие, в том числе, за следующие 10 лет написанные интервью, которые мы записывали... ну, не до самое его кончины – последнее

интервью месяцев за 8 или 9 до ухода Бориса Натановича было записано. И туда еще вошел, кстати, очень интересный такой диалог, назывался «Фантастические письма». Это организованная, при моей, в том числе, помощи, переписка его с Михаилом Ходорковским, когда он еще сидел. Они обменивались письмами, мы их печатали в «Новой газете». Она написала друг другу по четыре огромных письма крайне интересных. Они очень любопытны, на мой взгляд, даже до сих пор. И вот для меня это дань моему Учителю. Слово «Учитель» Стругацкие всегда писали с большой буквы. Кстати, я вот я считаю себя их учеником не как писатель, хотя я член нашего Союза писателей, но, наверное, в полной мере меня считать писателем трудно – как их ученик по жизни. Вот я старался, как можно, впитать в себя их ощущения и руководствоваться в жизни этими принципами, которым они нас учили – Аркадий и Борис Стругацкие. Я, к сожалению, не был знаком с Аркадием Натановичем. Но с Борисом Натановичем мы были знакомы много лет.

И.Воробьева – Надо сказать, что не одно поколение стало учениками Стругацких. Я выросла на книгах Стругацких. И одна из первых больших книжек, которые я прочитала ребенком, была «Повесть о дружбе и не дружбе».

Б.Вишневский – Была совершенно замечательная книжка.

И.Воробьева – С тех пор я читаю Стругацких. Я в очень раннем возрасте начала их читать. И перечитываю, и каждый раз, мне кажется, каждый из нас находит в его книгах что-то новое, открывает какие-то новые грани. Мне кажется, правда, многие из них выросли и считаю себя учениками...

Б.Вишневский – Мы в этих мирах еще и живем. Ира, вы знаете, мне регулярно задают вопрос: «А мире какой из книг Стругацких мы живем?». А я его задавал Борису Натановичу много раз. И вот интересно, что мир, в котором они хотели бы жить сами – это был мир «Полудня» – «Полдень, XXII век». Потом, в начале 90-х годов это был мир «Хищные вещи века»: что называется, начинающийся капитализм, общество потребления, но тоже по-своему привлекательное, во всяком

случае, лучше, чем советское. Потом, в начале 2000-х это стал уже мир «Града обреченного».

И.Воробьева – Но не в том, в котором они хотели бы.

Б.Вишневский – Конечно. Мир, окружающий нас. Потом стал уже мир «Града обреченного». Потом стал мир «Гадких лебедей». А сейчас, конечно, это мир «Обитаемого острова» без малейших сомнений. Я абсолютно уверен, что сейчас в этом мире мы сейчас существуем. Причем, к сожалению, башни-излучатели включены на полную мощность не два раза в сутки, а на все 24 часа.

Т.Фельгенгауэр – И как же принимать решения в таком мире?

Б.Вишневский – Вы знаете, наверное, в мире «Обитаемого острова» я бы относился к числу «выродков», как там такие люди назывались, я, во всяком случае, и мои друзья, мы не поддаемся этому излучения. Хотя, конечно, включение его на полную мощность вызывает у нас... ну не сильнейшие головные боли, как в «Обитаемом острове», но ощущения не лучшие.

Понимаете, очень тяжело стало последнее время наблюдать за чем-то похожим на массовое безумие, охватившее огромное число людей, в том числе, с которыми я общаюсь. Многим из них я ничего не могу объяснить. Они разговаривают со мной фразами из телевизора. Они разговаривают со мной штампами какими-то готовыми. Иногда, потратив на это массу времени, я могу их в чем-то переубедить, что-то им объяснить, но тоже это не всегда получается. Я надеюсь, что это все-таки будет проходить, потому что невозможно держать в таком зомбирующем состоянии всю страну длительное время, что люди сами начнут понимать, что происходит; что они начнут ощущать реальность. Я очень на это надеюсь.

Т.Фельгенгауэр – А вы сами, в какой бы книжке Стругацких хотели бы жить, в каком мире?

Б.Вишневский – Ну, конечно, в мире «Полудня». В каком бы еще другом мире я хотел бы жить? Это абсолютно при-

влекательный мир, где единственной проблемой является ограниченность ресурсом на пути познания. Я бы с огромным удовольствием жил бы в этом светлом и радостном мире, который Стругацкие начертали именно как мир, в котором они бы хотели жить. Я абсолютно разделяю их мнение. Я не знаю, удастся ли мне дожить, что такой мир будет вокруг меня, но, по крайней мере, пытаюсь изменить тот мир, который существует и как депутат, и как журналист, и как политик, и как человек просто. Вот делай, что должно – случится, чему суждено. Тоже один из принципов, которого я стараюсь придерживаться как могу. Да, конечно, я делаю ошибки тоже. Вообще, безошибочных людей никогда не бывает. Я умею их признавать. Я понимаю, что невозможно принимать всегда только правильные решения.

Т.Фельгенгауэр – Спасибо большое! В программе «Разбор полета» сегодня нашим гостем был Борис Вишневский.

И.Воробьева – Спасибо!

«Яблоко» для власти как кость в горле»

ЗАКС.Ру, 20 июля 2016 года

ЗАКС.Ру застал депутата Законодательного собрания Бориса Вишневецкого за работой в его скромно обставленном кабинете. Политик рассказывал в этот момент своей интернет-аудитории о письме ректору Государственного университета, в котором он просил не допустить переноса учебных корпусов под Гатчину.

После чего лидер городского списка «Яблока» рассказал ЗАКС.Ру о том, как должны выстраиваться отношения между народом и властью, почему парламентские партии не являются оппозиционными, а также почему у него в рабочем кабинете вместо портрета Путина висит Борис Стругацкий. В чем отличие политика от «подданного монарха» и как старейшая демократическая партия России сегодня стала «костью в горле» для городской и для федеральной власти.

– Расскажите, с какой программой вы пойдете на выборы в Петербурге и стране в целом?

– У нас будет единая кампания – и федеральная и городская. Они неотделимы друг от друга, тем более что многие наши кандидаты баллотируются и в ЗакС и в Думу. Я сам нахожусь в петербургской части думского списка, но моя главная задача – кампания по выборам в Законодательное собрание, руководство которой возложено на нас с главой петербургского отделения партии Михаилом Амосовым.

Наша федеральная программа называется «Уважение к человеку». Ее слоганы – сила уважения, мир, умная страна, единая Европа, удобные города и здоровая среда, государство без коррупции и для человека. Это именно то, чего сейчас в России катастрофически не хватает. Наша петербургская программа называется «Европейский путь Петербурга». Мы хотим, чтобы Петербург стал европейским городом, где люди чувствуют себя безопасно, комфортно и равноправно, где есть возможности для всестороннего развития каждого человека и где власть служит гражданам. Где власть не явля-

ется начальством над гражданами, а является их обслуживающим персоналом, не более того! Я, кстати, воспринимаю и себя как обслуживающий персонал. Это моя задача, как избранного депутата, работать для людей, которые за меня голосовали, отстаивать их интересы и защищать их права. К сожалению, большинство людей, которые находятся сейчас у власти, считают себя не слугами народа, а его хозяевами. Мы полагаем, что надо решительно изменить ситуацию, в частности у нас в городе. Надо, чтобы власть зависела от людей и делала то, что хотят граждане, а не навязывала им свои решения. Это требует принципиально иного подхода ко многим проблемам. При власти, организованной таким образом, когда власть прислушивается к гражданам, ситуации с попытками построить «Охта-центр» или превратить Конюшенное ведомство в апарт-отель – что мы тоже остановили, хотя нам понадобились огромные усилия, – были бы невозможны в принципе. Это и есть европейский путь.

– Кто является вашим электоратом?

– «Яблоко» традиционно опиралось на интеллигенцию, но не только. Это представители малого и среднего бизнеса и бюджетники, которые понимают, что ухудшение их уровня жизни происходит из-за проводимой политики. Это также представители свободных профессий: адвокаты, журналисты и другие. Это думающие люди, которые способны сомневаться в происходящем и ничего не принимают на веру и на которых не действует оглушительная государственная пропаганда, всё больше напоминающая излучение башен, как в «Обитаемом острове» моих любимых братьев Стругацких.

– Какова судьба политической оппозиции сегодня? Считаете ли вы думские партии оппозиционными?

– К думским партиям я давно применяю термин «четыре оттенка серого». Они почти неотличимы друг от друга. Все они сходятся на том, что у нас есть великий Владимир Владимирович Путин, чью политику надо всегда одобрять и поддерживать. Эти партии отличаются лишь степенью выражения преданности ему, а свою критику направляют исключительно

но на правительство, которое является техническим органом. Это реализация хорошо известной конструкции «хороший царь и плохие бояре». Путина никто не трогает и не тронет. Некоторые из новых партий отличаются ровно тем же, они не посмеют ничего критического сказать о президенте ни где и никогда. Это табу. Они часто говорят, что правительство ошибается и его надо менять, но наша позиция заключается в том, что надо менять не правительство, а президента. Надо бороться с причинами, а не со следствиями. Поэтому мы не считаем думские партии оппозиционными. Оппозиция – это та сила, которая выступает за смену политического и экономического курса. Которая говорит власти: «Отойди, я сделаю лучше, чем ты, ведь ты идешь в неверном направлении!» Но «Справедливая Россия», ЛДПР и КПРФ считают, что страну ведут в верном направлении, хотя и бывают отдельные ошибки. Общаясь с президентом, они ведут себя как подданные с монархом – это то, что абсолютно неприемлемо для «Яблока». Обратите внимание, в кабинетах политиков и чиновников висят, как правило, портреты Путина, Медведева и Полтавченко, а у меня висит портрет Бориса Стругацкого. Мне в голову не приходит вешать в своем кабинете портреты Путина или Полтавченко, потому что я не считаю себя их подданным. Это разница в менталитете.

– Есть ли сегодня запрос на демократические ценности в обществе?

– Хотите ли вы честных выборов? Хотите. Вы хотите, чтобы у вас под окном не вырубали сквер, если жители против? Вы хотите отстаивать свои права в суде, когда вы судитесь против власти? Вы хотите свободные СМИ, которые показывают то, что происходит на самом деле, а не то, что нужно власти? Вы хотите, чтобы все были равны перед законом?

– Конечно.

– Получается, что вы человек демократических убеждений. Теперь выйдите на улицу и спросите любого прохожего, и он тоже захочет всего этого. Получается, что подавляю-

щее большинство людей придерживается демократических взглядов.

– Сегодня у большей части населения либеральные идеи ассоциируются с «национал-предательством» и русофобством, так ли это на самом деле?

– Я полагаю, что именно демократическая оппозиция является самой главной патриотической силой в нашей стране. Демократическая оппозиция хочет, чтобы наша страна была процветающей, чтобы люди жили в ней спокойно и достойно, чтобы они имели обеспеченную старость, возможность найти себе достойную работу, получить качественное образование, чтобы нас окружали друзья, а не враги, чтобы мы нигде не воевали, не захватывали чужие территории и нам не рассказывали про то, что мы живем в осажденной крепости, окруженной врагами. Скажите мне, разве это позиция национал-предателей, русофобов или пятой колонны? Мы хотим только добра для своей страны, но это добро возможно лишь при изменении нынешнего политического и экономического курса. Мы полагаем, что нынешняя власть ведет страну в тупик. Я видел всё это на своей памяти. Я видел советскую систему и Коммунистическую партию, повадки которой перенимает «Единая Россия». Я прекрасно помню времена, когда людей, выступавших против коммунистической идеологии, точно так же называли изменниками и предателями. Таких людей, как академик Сахаров или как мой старший коллега по партии Сергей Адамович Ковалев. Теперь эти люди – гордость нации, и они оказались правы, а не те, кто их оскорблял. Власть тогда потеряла уважение граждан, не могла решить экономические проблемы и вечно лгала, рассказывая о том, что вокруг одни враги, а мы идем правильным путем. Современная ситуация похожа на ситуацию 80-х годов.

– Не кажется ли вам, что протестные настроения в обществе сегодня менее распространены, чем в преддверии прошлых выборов?

– Мне кажется, что сейчас эти настроения скорее нарастают. Два года назад я написал в своем блоге на «Эхо

Москвы» текст, который назывался «Битва телевизора с холодильником», теперь очень многие используют данный термин. Это наглядное выражение того, что происходит. Самое серьезное изменение общественного сознания происходит, когда человек видит, как окружающие его события отражаются на его жизни и достатке. Сегодня становится всё больше людей, которые понимают, что огромные «победы» весны 2014 года, включая присоединение Крыма и всё, что с ним связано, выходят боком. Сравните курс рубля в январе 2014 года и в июле 2016-го, сравните цены в магазинах, и всё станет понятно. Руководитель нашей фракции Григорий Явлинский очень любит говорить, что нынешний кризис – это ответ российской экономики на российскую политику. Экономика не изменится, пока не изменится политика. Всё больше людей начинают понимать, чем обернулась наша агрессивная международная политика, захват Крыма и поддержка бандитов, устроивших мятеж на востоке Украины, для российской экономики и уровня жизни граждан. Это понимание постепенно нарастает. Ухудшение экономического положения не сразу ведет к изменению политических настроений, даже в советское время для этого потребовалось несколько лет, сейчас всё происходит быстрее. Мы надеемся, что запрос на альтернативный курс вырастет к выборам в сентябре.

– Думаете, этот запрос будет сравним с 2011 годом?

– Прогнозы – вещь неблагодарная. Летом 2011 года никто не мог предполагать, что к концу ноября возникнут такие серьезные протестные настроения. Летом того года просмольнинские социологи давали «Яблоку» 1%, а получилось, даже после фальсификаций и воровства части голосов у «Яблока», 12,5%. Мы полагаем, что у нас отняли один, а может, и два мандата.

– Почему «Яблоко» не смогло объединиться с «ПарНаСом», о чем просили общественные деятели в «Новой газете», в феврале этого года?

– Это обращение уже давно утратило актуальность. Оно было написано людьми уважаемыми, но плохо понимающими

законодательство. Вопрос объединения «Яблока» с «ПарНаСом» возможен, в условиях нынешней избирательной системы, лишь в том случае, если одна из двух партий самоликвидируется. Естественно, ликвидироваться никто не хотел. Правда, сейчас мы видим, что «ПарНаС» достаточно близко подошел к этому в политическом плане, так как на второе место в федеральном списке поставлен господин Мальцев, публично заявляющий о наличии еврейской мафии. Я теперь вижу мало людей, готовых голосовать за эту партию. Именно «Яблоко», на мой взгляд, и наша федеральная десятка (центральная часть думского списка) это ярко демонстрирует, сформировало настоящую демократическую коалицию. К нам пришли люди, которые не являются членами партии, но являются очень яркими политиками. Под флагами «Яблока» идет много непартийных политиков, а тех, кто идет от «ПарНаСа», их вы даже не сможете назвать, кроме Касьянова, Мальцева и Зубова. Если бы были разрешены избирательные блоки, тогда объединение можно было бы обсуждать, но и то только до того момента, когда появился господин Мальцев, — наши избиратели не поняли бы этого. Всё это касается не только федерального списка, но и кандидатов из Петербурга и области. Например, наш список по Ленинградской области будет возглавлять Алексей Этманов, которого я помню еще по забастовкам на «Форде». Кстати, наш список на выборах в Законодательное собрание — тоже коалиционный. В нем четыре бывших депутата ЗакСа (Амосов, Гуляев, Карпенко, Истомин), при этом только Михаил Амосов является изначально «яблочником». В нем известные гражданские активисты, не являющиеся членами «Яблока», — такие как Дмитрий Сухарев, Роман Шайхайдаров, Константин Ершов, Ксения Михайлова и другие.

— Что будет делать «Яблоко», если оно не наберет 3%? Ведь прошлый раз собирать подписи было очень непросто.

— Это действительно было непросто. Еще в 2007 году нас отстранили от выборов, совершенно необоснованно обвинив нас в недостоверных подписях. Тогда люди, чьи подписи были

объявлены фальшивыми, шли лично в Городскую избирательную комиссию, чтобы подтвердить их, но им говорили, что «ваши подписи являются фальшивыми, потому что у нас есть справка эксперта». Сегодня, благодаря тому что мы имеем фракцию в ЗакСе, нам не требуется собирать подписи. Я уверен, что мы преодолеем избирательный барьер и на выборах в ЗакС, и в Государственную думу. Сейчас, судя по интернету, довольно много людей, которые раньше относились к «Яблоку» скептически, пишут, что голосовать нужно именно за нас. «Яблоко» выигрывает соревнования в умах демократически настроенной публики благодаря грамотной стратегии и точному формированию своего избирательного списка.

– Вы не боитесь провокаций и давления со стороны власти?

– Мы не то чтобы боимся, а абсолютно уверены, что это произойдет. Мы кость в горле как для федеральной власти, так и для питерской. Мы понимаем, кто для нее представляет наибольшую опасность. Это даже видно по расстановке кандидатов в округах. Можете сравнить, кого «Единая Россия» выставила против наиболее известных оппозиционных депутатов петербургского Законодательного собрания. Против меня выставили главу Центрального района Марию Щербакову. А потом посмотрите, кого ЕР поставила на Васильевском острове, в Приморском районе, в Курортном или Калининском районе, и сразу станет понятно, кого они боятся, а кого – нет. Мы к этому готовы и работаем в такой обстановке много лет. Это участь оппозиции. «Яблоко» единственная оппозиционная партия, которая идет на выборы в ЗакС, и мы основная оппозиционная сила в сегодняшнем Петербурге.

– Вам округа никто не «расчищал»; вы думаете, что остальные партии практикуют эту тактику?

– Это заметно невооруженным глазом. И мы прекрасно понимали, что так и будет, что именно с нами будут бороться всерьез, но мы привыкли! Мы привыкли побеждать именно в такой обстановке, а не тогда, когда нам выстилают ковровую дорожку к следующему мандату.

– Вы утверждали, что фракция этого созыва развалилась из-за фальсификаций ваших кандидатов. Будете ли вы теперь предпринимать меры для того, чтобы этот сценарий не повторился?

– Действительно, всё было именно так. Через неделю после выборов были изменены результаты по двум территориям. Двое наших (теперь уже бывших) коллег – Вячеслав Нотяг и Ольга Галкина оказались на проходных местах, хотя по первичным протоколам они находились на непроходных. Сдать ворованные мандаты они отказались. Эту перетасовку тогда устроили со всеми фракциями, но только «Яблоко» с этим публично не согласилось и начало бороться. Мы даже пошли в суд, который проиграли из-за того, что туда в последний момент было подано заявление Галкиной о том, что она просила пересчитать голоса, хотя до этого она говорила нам, что не имеет понятия, как это произошло, и она ни при чем. Пришлось их с Нотягом исключать из партии – а также тех, кто их поддерживал. Невозможно идти на следующие выборы с людьми, которые одобрили воровство депутатских мандатов у своих товарищей. Предупредить же повторение этого сценария можно только тщательным наблюдением на выборах. У нас будут наблюдатели на всех избирательных участках, у нас есть члены и люди с правом решающего голоса во всех территориальных избирательных комиссиях, у нас есть большое число членов УИК с правом решающего голоса. Мы приложим все возможные усилия, чтобы не допустить повторения фальсификаций.

Беседовал Святослав Афонькин

«Попытка передать Исаакий – это вопрос не веры, а жадности»

Фонтанка.Ру, 30.12.2017

– Борис Лазаревич, какие события 2017 года вы бы назвали самыми значительными?

– Если брать город – это, конечно, то, что благодаря ответственному сопротивлению мы отстояли Исаакиевский собор. Сохранили музей. Не передали Исаакий церкви, иначе музей был бы разрушен необратимо. Что касается страны, то самое заметное событие года – очень печальное: это скандал с дисквалификацией российских спортсменов, с лишением их медалей, полученных в Сочи. И ситуация, при которой российская команда должна будет ехать на Олимпиаду 2018 года не под национальным флагом, а под эгидой Международного олимпийского комитета. Без своей символики. Ещё и не в полном составе.

– Про Исаакиевский собор вы так уверенно говорите, что его отстояли. Эта история, вы считаете, закончена?

– Нет, она не закончена. Но мне совершенно понятно, что если бы не общественное сопротивление, Исаакий давно был бы передан церкви, а мы бы разводили руками над разгромленным музеем, поражаясь жадности церковников. Это же не было вопросом веры. Это – исключительно вопрос жадности епархии, её желания получить себе доходы, которые дают экскурсии в Исаакий, не неся самим никаких расходов. Теперь, думаю, никто об этом не заикнётся, как минимум, до 18 марта.

– А потом?

– Потом вполне возможны новые попытки. И мы уже предпринимаем усилия, чтобы эти попытки не стали успешными.

– Слово «попытки» вам не кажется слишком оптимистичным? Что помешает государству после 18 марта просто взять – и передать собор без всяких попыток? Как это было с мостом Кадырова, который просто взяли – и назвали.

- Ситуация с мостом Кадырова принципиально другая юридически. Тут городское правительство приняло решение, чудовищно неуважительное по отношению к общественному мнению. Но формально оно было законно, его нельзя отменить через суд, потому что ничего не было нарушено. Исполнительная власть имеет право принимать решения о названиях топонимических объектов. Никаких ограничений здесь нет.

- Разве с передачей собора есть такие ограничения? Сторонники ссылаются на закон, по которому церковь может претендовать на объекты, когда-то ей принадлежавшие.

- Во-первых, Исаакий никогда церкви не принадлежал...

- Это известный аргумент. Но в Российской империи церковное имущество, если не ошибаюсь, и принадлежало государству, церковь была его частью.

- Дело даже не в этом. Этот закон иногда ошибочно называют «законом о церковной реституции». На самом деле, всё даже хуже, чем реституция: речь идёт о передаче церкви не того, чем она когда-то владела, а в принципе любого объекта, имеющего религиозное назначение.

- В том-то и дело. Откуда тогда ваш оптимизм?

- Но тот же закон говорит о том, что передаче не подлежат предметы музейного фонда.

- Предметы никто и не просит, церковь претендует на здание.

- Это не-воз-мож-но. Малахитовые колонны Исаакия, фрески, витражи – это тоже предметы музейного фонда и неотъемлемая часть памятника истории и культуры федерального значения. Их нельзя отделить от собора. Любая попытка их демонтировать – статья 214 УК РФ о вандализме.

- Разве нельзя то же самое сказать, например, о Сампсониевском соборе? Передать его РПЦ это не помешало.

- Тем не менее, в Исаакиевском соборе это противоречие абсолютно очевидно. Кроме того, господа церковники ведь живут по законам божеским, так что в законах юридических

они не сильны. Нам всё время говорят, что город обязан передать им собор. Так вот: нет – не обязан! Закон не устанавливает императивного права органа власти передать религиозной организации имущество религиозного назначения. Он фиксирует только право церкви обратиться с просьбой. Орган власти обязан просьбу рассмотреть. Дальше её можно удовлетворить – или нет. Доказательство тому – решение того же губернатора в такой же ситуации начала сентября 2015 года. Тогда церкви отказали в передаче собора.

- Вы сейчас всерьёз апеллируете к законам?

- Конечно. Да, у нас в государстве достаточно случаев, когда закон нарушается. Но всегда есть возможность оспаривать это в судах.

- Напомните, пожалуйста, примеры, когда действия органов власти, нарушающие закон, удалось оспорить в суде.

- Легко: Охта-центр.

- А посвежее нет примера?

- Пожалуйста – самый свежий пример: недавно суд признал незаконным разрешение на строительство комплекса «Планетоград» около Пулковской обсерватории. Мы там проводили инспекцию, фотофиксацию, вызвали полицию, я заставил приехать туда представителей застройщика со всеми документами. Мы обсудили эту тему в Госстройнадзоре, потому что, несмотря на решение суда и обеспечительные меры, компания всё равно продолжала работы на стройке, называя их консервацией.

- Я часто езжу мимо этой стройки, там уже четыре этажа.

- Да, решение суда, к сожалению, было принято поздно, поэтому они успели построить четыре этажа. Но, кроме этого примера, есть целый ряд судебных решений по превращению так называемой реновации хрущёвок в уплотнительную застройку у парка Александрино. Эти примеры говорят о том, что можно в судебном порядке отменить решение власти. Даже в нашу эпоху.

- Мы с вами живём в прекрасную эпоху: законы работают, справедливость торжествует...

- Не надо, не надо. Не лакируйте нашу действительность. Да – законы у нас работают не всегда. Но такие случаи есть.

- Событием года в масштабах страны вы назвали дисквалификацию Олимпийского комитета России. Было много разговоров, что Россия ответит бойкотом Олимпиады 2018 года, но вдруг Путин объявил, что бойкота не будет. С чем связана такая мягкость?

- Думаю, что это не мягкость, а прагматичность. Если страна официально бойкотирует Олимпиаду, она теряет право на участие в двух следующих. На это наша власть оказалась не готова пойти. Спортивные успехи – это одна из главных составляющих её пропаганды.

- Это если успехи будут. Если не получится, как в Ванкувере в 2010 году, когда, если верить WADA, обходились без допинга.

- Я всё-таки уверен, что у нас есть «чистые» спортсмены, способные побеждать и без допинга. Кстати, меня мало что смешило в последнее время так, как предположение о применении допинга российской футбольной сборной.

- Если они на допинге так играли...

- ...То мне даже страшно представить, что было бы без него! Но, повторю, я уверен, что многие наши спортсмены могут победить без допинга.

- А вы вообще верите этим наветам на наше государство, которое якобы покровительствовало допингу?

- А вы, может быть, верите, что люди, которые не стесняются подделывать итоги выборов и выносить неправосудные приговоры, постесняются подменить анализы мочи? К сожалению, у меня есть достаточно основания верить, что они вполне могли это делать.

- Событием наступающего года, а то и ближайших шести, наверняка станут президентские выборы. Ваша партия

«Яблоко» выдвинула кандидатом Григория Явлинского. Неожиданное решение, правда?

- Вы можете, как многие, шутить на эту тему: что, мол, Явлинский баллотируется в президенты всю жизнь. Вы знаете, сколько раз он на самом деле участвовал в президентских выборах?

- Три.

- Два! Всего два раза: в 1996 году и в 2000-м. В 2012-м ему отказали в регистрации.

- Недавно, перед самым выдвижением, Явлинский встречался с Путиным. Зачем?

- Такие встречи происходят время от времени. Нечасто. И никогда эти встречи не имеют политических последствий. Всё, что я знаю о последней встрече, – что Григорий Алексеевич убеждал президента прекратить вмешательство в дела Сирии и необъявленную войну с Украиной. Это публичная позиция «Яблока». Минувшим летом мы вели целую кампанию по сбору подписей под названием «Время вернуться домой».

- Он просил за Сирию – после того как президент и сам объявил о выводе войск? Не поздно ли он озаботился Сирией? И насколько актуален именно сейчас, когда начинается президентская кампания, разговор об Украине?

- Разговор об Украине в высшей степени актуален – российская власть продолжает поддерживать там организованный при активном участии российских граждан (например, Гиркина-Стрелкова) мятеж против законных властей Украины, в результате которого почти каждый день гибнут люди. Кроме того, я абсолютно уверен, что президентская кампания и выдвижение Явлинского не обсуждались. Явлинский – человек самостоятельный. Решение о его участии в выборах президента было принято ещё весной 2015 года. Здесь, думаю, просто не было темы для разговора. Вот что они могли обсуждать с президентом?

- Например – рамки, в которых лидер вашей партии может действовать как кандидат в президенты без неприятных последствий. Что можно «Яблоку», а в чём ему будут мешать.

- Власть будет мешать «Яблоку» во всём, это абсолютно очевидно. Так что не мог этот вопрос быть предметом встречи. У меня нет никаких сомнений, что если бы власть не мешала, он участвовал бы в выборах 2012 года. Но тогда его не допустили, а выпустили, как известно, крупного политического деятеля Михаила Прохорова. И где теперь этот выдающийся политик, которого тогда так возлюбила либеральная интеллигенция? Теперь у нашей либеральной интеллигенции новая любимица – Ксения Собчак. Ничего кроме презрения она у меня не вызывает. Я считаю, что она фальшива насквозь.

- Ну, знаете, так можно о ком угодно сказать в политике.

- Нет. Я не испытываю ни малейших симпатий к Алексею Навальному, но фальшивым я его не могу назвать. Что касается Ксении Собчак, то всё, что она говорит, на мой взгляд, абсолютно не совпадает с тем, что она думает на самом деле.

- У вас в партии традиционно не любят всех других представителей оппозиции, но откуда вы знаете, что они на самом деле думают?

- Нынешние слова Собчак не совпадают с тем, что она говорила и делала до сих пор. Здесь важны такие вещи, как политическая история, как репутация. Достаточно вспомнить, как горячо Ксения Собчак раньше поддерживала присоединение Крыма. В 2014 году она одобряла решение Путина и восхищалась им. Говорила, что это «блистательно разыгранная политическая комбинация». Сокрушалась, что все ее друзья против Крыма, она осталась в одиночестве. Теперь, спустя три года, она прозрела – и говорит, что Россия нарушила международное право.

- Многие признают, что это была «блистательно разыгранная политическая комбинация», но это совсем не обязательно одобрение. В июле 2015 года она же сказала: «Крым – наш огромный геморрой на ближайшие лет сто. Его уже явно не вернут. А что с ним делать – непонятно. Это такая история, которую всем расхлебывать очень долго».

- Есть и другие примеры, кроме Крыма. Собчак ни разу прежде не говорила об особенностях нашей политической системы: о несменяемости власти Путина, о коррупции высших чиновников, об олигархах, а теперь вдруг увидела все эти проблемы. Я не раз видел её на «Дожде», где она брала интервью, в том числе – у Явлинского. Но никогда не видел, чтоб она высказывала оценки, которые высказывает сейчас.

- Вы видели её как журналиста и удивлены тем, что она не высказывала оценок? Напомните, пожалуйста, где высказывал своё резкое осуждение политики Путина Григорий Явлинский.

- У меня лежит на столе книга – сборник выступлений Явлинского за последние годы. Всё это выложено на его сайте. Полное неприятие политики Путина зафиксировано и в выступлениях Явлинского, и во многих решениях «Яблока». Это наша давняя и последовательная позиция.

- Как «Яблоко» планирует доносить до избирателей программу Явлинского?

- Мы будем делать то, что делали всегда. Будем рассказывать о программе на встречах, с помощью газет, листовок, выступлений в прессе. Дебатов – если они состоятся. В соцсетях. И будем убеждать придти на выборы – бойкот, к которому призывает Навальный, лишь увеличит процент голосов за Путина, это вытекает из правил выборов.

- После голосования на довыборах в Госдуму в сентябре этого года кандидат от вашей партии рассказывал мне, что у партии банально не было денег на агитацию. На прошлых думских выборах один из яблочников говорил, что на весь местный штаб партия выделила аж две футболки с символикой.

- Это случаи, конечно, печальные. Но, во-первых, я надеюсь, что нам удастся найти ресурсы для этой кампании. Во-вторых, «Яблоко» отнюдь не только так занималось кампанией. Когда я баллотировался в 2016 году в Законодательное собрание, порядка полумиллиона рублей на агитацию

мы набрали только краудфандингом, и я получил 30 процентов в своём округе. Проблем с изготовлением и распространением листовок у меня не было.

- Этим же способом обеспечил кампанию в Псковской области и победы в ней ваш коллега Лев Шлосберг.

- И мы будем его опыт использовать. Как и наработки команды Дмитрия Гудкова на муниципальных выборах в Москве. Кстати, если вспоминать главные события 2017 года, то я бы назвал эту победу «Яблока». В Москве сейчас есть муниципалитет, где работают только наши депутаты, все 12. И это Гагаринский район – где голосует Путин. На последнем съезде, кстати, и Дмитрий Гудков, и Владимир Рыжков поддержали Григория Явлинского и обещали помощь в кампании, хотя оба они – не члены «Яблока». Конечно, ни у кого нет сомнений, что если Путин останется президентом, то меняться ничего не будет. А мы хотим, чтобы менялось. И в первую очередь – политическая система и проводимая политика.

- Мне понравилось ваше «если».

- Да – «если».

- Что должно произойти, чтобы Путин не стал президентом?

- Для этого на участки должны прийти те, кто хочет перемен и знает, что каждый голос имеет значение. Основная проблема выборов в последнее время – как раз неучастие в них тех, кто мог бы голосовать за оппозицию, за перемены.

- Ни на одних федеральных выборах в последние годы «Яблоку» не удавалось мобилизовать этих людей так, чтобы переломить ситуацию. Откуда ваш оптимизм, почему вы верите, что теперь удастся?

- К сожалению, на настроение избирателей действительно влияют многие факторы, в том числе – интенсивность государственной пропаганды, которая в последние годы разрослась до фантастических масштабов. Тем не менее, любой диктаторский режим, построенный на страхе и несвободе, обречён. Его время рано или поздно заканчивается.

- Как вы считаете, выборы губернатора Петербурга в 2018 году состоятся?

- Наш губернатор ещё не знает, хочет он уйти в отставку или не хочет.

- Он сам должен захотеть этого?

- Нет. В сегодняшней политической системе в России ему сообщат, что он хочет уйти в отставку. Как в старой партийной системе, ему скажут, что «есть мнение». А он, человек военный, ответит «есть!» и перейдёт на другую работу.

- Это будет хорошо для Петербурга?

- Я Вам удивлю: не уверен, что это будет хорошо. Практика последних лет показала, что каждый следующий градоначальник был хуже предыдущего. При этом к самому Георгию Сергеевичу у меня лично претензий нет. Он не замечен в коррупции, воровстве, злоупотреблениях. Он не хочет зла городу. У меня просто складывается впечатление, что к городским проблемам он равнодушен. Что он не принимает решений вовремя. И что должностью своей он тяготеет. Но если он уйдёт, то временно исполняющий обязанности, которого нам пришлёт, может оказаться ещё худшим вариантом.

- Предполагаемое назначение полпредом Александра Беглова не означает, что нам показывают губернатора, которого мы скоро выберем?

- Не могу этого исключать. Но Александр Дмитриевич уже несколько месяцев руководил городом как и.о. губернатора – и ничем выдающимся не запомнился. Это, впрочем, не главное. Главное – насколько конкурентными будут следующие губернаторские выборы, когда бы они ни состоялись – в будущем году или в 2019-м, по плану. В городе есть люди, которые могут претендовать на этот пост и при более-менее честной конкуренции победить Полтавченко. Вопрос в том, смогут ли они участвовать в этих выборах – учитывая пресловутый муниципальный фильтр.

Беседовала Ирина Тумакова, «Фонтанка.ру»

«Стругацкие учили нас не трусить и не лгать»

Эхо Москвы в Санкт-Петербурге, 15 апреля 2018 года

Татьяна Троянская: Борис Лазаревич Вишневский, депутат Законодательного собрания Петербурга. Говорить мы сегодня будем не о политике, как это не странно, хотя мы живем в такое странное время. Говоря о Стругацких, не затронуть политику очень сложно. Борис Лазаревич Вишневский – человек, который был лично знаком с Борисом Натановичем Стругацким и написал не одну книгу. Во-первых, здравствуйте! Я всё правильно говорю, Борис Лазаревич?

Борис Вишневский: Добрый день! Книгу написал одну – просто она выдержала два издания и не исключая, что может быть когда-нибудь и третье, эта книга называется «Аркадий и Борис Стругацкие: двойная звезда» и она о жизни, о творчестве братьев Стругацких. И может быть самая интересная часть этой книги – это одно многолетнее интервью с Борисом Стругацким, наши беседы, которые шли на протяжении двух десятков лет с 1992 года по 2011 год, и мы говорили о жизни, о будущем, о настоящем, о политике, естественно, потому что Борис Натанович очень интересовался тем, что происходит у нас в городе, в стране и в мире и, естественно, это было одной из ключевых тем нашего обсуждения.

Татьяна Троянская: А как всё началось? Вы познакомились, когда брали интервью?

Борис Вишневский: Я полжизни мечтал познакомиться, поскольку начиная примерно с 1967 года я читатель братьев Стругацких. В 1972 году, когда я заканчивал школу, а я заканчивал физико-математическую школу номер 366 на улице Фрунзе, мы устроили вечер под названием «Были ли пришельцы из космоса», и поскольку мы знали, что у нас живет в Ленинграде такой замечательный писатель, как Борис Натанович – я набрался наглости – нашёл телефон и позвонил ему и пригласил его на этот вечер.

Татьяна Троянская: И он прям сразу согласился?

Борис Вишневский: Борис Натанович вежливо сказал, что тема, конечно, очень интересная, но он очень занят и прийти никак не может. Поэтому пришлось мне ждать знакомства с ним ещё 20 лет, пока наконец в феврале 1992 года мой друг, известный сейчас кинорежиссер Константин Селиверстов меня не познакомил с Борисом Натановичем в кафе старого Дома писателей на Шпалерной, тогда ещё не сгоревшего. Я был счастлив от этого знакомства. Когда я сидел напротив Бориса Натановича в кафе – у меня было полное ощущение, что у меня отросли крылья и я, естественно, стал сразу договариваться нельзя ли как-нибудь взять у него интервью. Я тогда уже был депутатом, но и занимался ещё журналистикой. Мы с ним встретились, записали интервью большое, оно вышло в газете «Вечерний Петербург» и вот с тех пор начались наши многолетние беседы.

Татьяна Троянская: Первая книга которую Вы прочитали и которая завлекла Вас в этот мир.

Борис Вишневский: Первое произведение Стругацких, которое я прочёл это были несколько рассказов, которые входили в сборник «Альфа Эридана», который стоит до сих пор у меня дома на книжной полке. Это был 1967 год. Там было несколько рассказов. Я их прочел и крайне ими заинтересовался. Впервые узнал про наличие таких авторов и стал в школьной и районной библиотеке искать. Быстро нашел. С тех пор являюсь их верным и преданным читателем.

Татьяна Троянская: Я возвращаюсь к шестидесятым годам. Полдень 22 век.

Борис Вишневский: Полдень 22 век – это первая половина шестидесятых, одно из самых лучших, на мой взгляд, произведений у Стругацких, потому что с него начался так называемый – «Мир Полудня» – целая серия книг, описывающая будущее человечества. Мира победившего коммунизма. Стругацкие на достаточно долгом этапе своём жизни верили в то, что это возможно, и в их представлении, коммунизм был таким

миром, в каком хотелось бы жить. Он не имел ничего общего с тоталитарным строем, ничего общего с политическими преследованиями, с политической монополией, с классовой борьбой. Мир полудня, созданный братьями Стругацкими, как мне говорил сам Борис Натанович, – это мир, где человечество избавлено от войн, от агрессии, от злобы, где самая главная проблема – это ограниченность ресурсов, ограниченность человеческого познания, человек стремится всё время расширить эти границы. Необычайно привлекательный мир с необычайно привлекательными героями, но, к сожалению, этот мир на практике так и не реализовался.

Татьяна Троянская: Но мы еще в 21 веке, Борис Лазаревич. Может быть вдруг случится что-то и 22 век будет другим?

Борис Вишневский: Я не думаю, что этот мир будет когда-нибудь реализован. Это сказка, мечта. Хотя повторяюсь – мне бы хотелось жить в этом мире и с героями Стругацких, которые в этом мире действуют, такими как Леонид Горбовский, у которого девизом его жизни было – «Из всех возможных решений выбирай самое доброе» и то, как описан этот мир, действительно, заставляет очень хотеть в нём оказаться. Увы, дальше и сами Стругацкие поняли, что мир этот не будет реализован и жить мы дальше стали совсем в других мирах Стругацких, мирах совсем других их книг.

Татьяна Троянская: Это звучит парадоксально, но ведь там же ещё неземные цивилизации, с которыми мы сосуществовали и сейчас на фоне того что происходит, когда мы окружены как бы (сейчас кавычки показываю) – врагами, это, конечно, очень парадоксально выглядит.

Борис Вишневский: Те внеземные цивилизации, с которыми соприкасаются герои Стругацких не являются для Земли враждебными. Между прочим, основная из них – сверхцивилизация «странников» – так и остаётся загадкой, поскольку «странников» не видят, и никак с ними в явном виде не соприкасаются. В повести «Жук в муравейнике», как известно, действуют герои, которые якобы когда-то странниками были

созданы и возможно запрограммированы, как будущие исполнители их воли, но так и не удаётся выяснить, в чём заключалась эта воля. Поскольку при попытке героя «Жука в муравейнике» Льва Абалкина – одного из таких питомцев «странников», прикоснуться к детонатору, после чего он должен начать эту волю выполнять, другой герой этой книги – Рудольф Сикорски – его убивает, не желая рисковать. И остаётся неизвестным – что же всё-таки «странники» задумали, но в любом случае эта цивилизация не изображена, как враг. Вот во что Стругацкие никогда не верили – это в то, что наша страна окружена врагами. Другое дело, что в ряде своих миров они изобразили такую страну. Может быть самый яркий пример – это «Обитаемый остров». Где вокруг Саракша – бывшие части бывшей метрополии, и где предлагается «вернуть гадов в лоно, предварительно строго наказав». Что сразу вызывает ассоциации с сегодняшним отношением российской власти к бывшим республикам Советского Союза, где, как раз, эти бывшие части одной страны изображаются, как отъявленные враги – непрерывно засылающие шпионов, непрерывно вредящие, от которых надо защищаться. В общем, очень похожая атмосфера, на то, что мы наблюдаем, к сожалению, вокруг нас. А главное, конечно, что мы наблюдаем – я не раз за последние годы это говорил, что мы существуем в мире «Обитаемого острова», – это всепроникающее пропагандистское излучение, которое выбивает у людей способность к критическому анализу действительности, которая превращает их если не в роботов, то в тех, кто послушно идет на поводу у властей. Потому что мощность излучения башен Саракши, если пользоваться терминологией «Обитаемого острова», или мощность телевизионной пропаганды, которую мы видим сегодня – такова, что она пробивает защитные барьеры у очень многих. Я встречаю немало людей, которые в последние четыре года, после Крыма, разговаривают со мной фразами из телевизора – это то, чего до этого не было долгие, долгие годы. Даже в советское время эти люди встречались, как мне кажется, реже, чем сейчас, когда

пропаганда заставляет людей перестраивать своё мышление и тупо повторять те стереотипы, которые им навязывают.

Татьяна Троянская: То есть Вы считаете, что сейчас время «Обитаемого острова»?

Борис Вишневский: Сейчас время «Обитаемого острова», в некоторой смеси с временем «Трудно быть богом», где надобны не умные, а верные, где цены на хлеб падают, а цены на латы растут, где заговоры раскрываются во время, где колдунов и подозрительных книжечеев сажают на кол, где король по обыкновению велик и светел, а дон Рэба безгранично умён и всегда начеку. И где несменяемый дон Рэба нами правит уже почти два десятилетия, намеревается править ещё. И где, я уверен абсолютно, всё-таки для изменений придётся обходиться без благородного дона Руматы, без прогрессоров. Придётся добиваться этого самим. Но мир этот печален, потому что в этом мире после торжества серых у власти давно уже находятся чёрные.

Татьяна Троянская: А Вы спрашивали Бориса Натановича о том, когда произошло понимание, что полуденный мир невозможен?

Борис Вишневский: Они пришли к пониманию того, что этот мир невозможен, думаю, где-то уже в семидесятые годы, когда стало понятно, что строим не коммунизм, а что-то совсем другое. В 1980 году, как известно, вместо обещанного коммунизма объявили олимпийские игры, но позже – вот уже в самом начале девяностых годов – мы оказались в повести «Хищные вещи века». Это очень интересная повесть – писалась в шестидесятые годы, как критика «общества потребления». В 60–70е годы была очень популярна дискуссия о том, как вредно существующее на Западе «общество потребления», где мало духовности, но много стремления к благополучию, к богатству, к удовлетворению своих желаний. Которые важнее, чем потребности общества. Ну, конечно, советская пропаганда уверяла, что общество потребления – это очень плохо, что есть гнивающий Запад, исторически об-

реченная капиталистическая система. Жизнь показала, что исторически обречённой оказалась как раз система социалистическая, а не капиталистическая, поскольку от того, что называется лагерем социализма ничего не осталось к концу восьмидесятых – начала девяностых годов. Но в 1991 – 1992 годов, у нас после распада Советского Союза и начала радикальных экономических реформ, после появления рыночной экономики вдруг появилось общество во многом похожее на мир повести «Хищные вещи века». И тогда Борис Натанович сказал мне, что по внимательному наблюдению он пришел к выводу, что мир этот не так уж и плох. Этот мир похож на испорченного подростка со всеми его плюсами и минусами, и тем не менее в этом мире человек свободен, в этом мире человеку никто ничего не навязывает, он может быть хорошим, может быть плохим, он вправе действовать так, как считает нужным, стремиться к высоким целям или стремиться к не очень высоким целям, но самое главное, что он свободен, он сам выбирает свой путь. Он может делать, конечно, массу ошибок на этом пути, но тем не менее мир этот вполне приемлем. В этом мире вполне можно жить. Проблема только заключалась в том, что на этом мире мы не остановились. Если бы мы так и остались в мире «Хищных вещей века», я думаю, Россия была бы сейчас нормальной европейской страной такой, как Швеция или Германия, или Италия, или Польша и мы не имели бы тех проблем, которые мы имеем. Но, к сожалению, уже в самом конце девяностых – начале двухтысячных годов мы перебрались в совсем другой мир. И начали мы с мира «Града обреченного» и «Гадких лебедей».

Мы попали в мир, где сперва власти еще можно было возражать, но в этом было мало смысла, потому что это не приносило никаких выгод, а потом возражать власти стало уже не безопасно, мы попали постепенно в мир, где формировался авторитарный режим с политической цензурой, с политическими преследованиями, с невозможностью смены власти. В мир, где лояльность гражданина к государству превращалась в главный критерий его оценки и превращалась

в фактор, определяющий его жизнь и безопасность, что и по мнению Бориса Натановича и, по-моему, было совершенно неприемлемо.

Я очень люблю цитату из «Гадких лебедей», где главный герой этой повести – писатель Виктор Банев – вспоминает о приеме у президента, говорит, что господин президент «изволили взвинтить себя до последней степени, из клыкастой пасти летели брызги, и тогда я демонстративно достал платок и вытер щеку – и это был самый храбрый поступок в моей жизни, не считая случая, когда я дрался с тремя танками сразу». Ситуация, в которой нужно небывалое мужество и храбрость для того, чтобы вытереть щеку от брызг слюны президента, многое мне, конечно напоминает. Особенно, когда я гляжу в каком стиле с нашим нынешним президентом общаются наши чиновники, наши олигархи, некоторые наши деятели культуры и другие персонажи – глядеть на это просто противно.

Но и на мире «Гадких лебедей» и «Града обреченного» мы не остановились, а перебрались в самые последние годы жизни Бориса Натановича в мир «Обитаемого острова». Хотя полностью этот мир «развернулся» уже тогда, когда Бориса Натановича не было – 4 года назад, начиная с «присоединения» Крыма и мятежа, организованного при поддержке российских властей на востоке Украины. После этого башни-излучатели врубили на полную мощность.

Татьяна Троянская: Борис Лазаревич, правильно я понимаю, что Борис Натанович... что в девяностые годы у него была надежда, что всё может вырулить? Т. е., девяностые годы он скорее воспринимал как плюс?

Борис Вишневский: Да. Без сомнения, он поддерживал экономические реформы 90-х годов. Он был убеждённым сторонником Егора Гайдара и Бориса Ельцина. Мы, кстати, очень много об этом спорили, потому что я негативно оценивал те реформы, которые проводил Гайдар, полагая, что это реформы в интересах подавляющего меньшинства и, что невозможно проводить реформы при подавлении демокра-

тических институтов. А ведь реформы в интересах меньшинства можно проводить только при подавлении демократии. Борис Натанович со мной, как правило, не соглашался, хотя это не мешало нашим замечательным отношениям. Но отношение к Ельцину у него начало всё-таки меняться, когда началась война в Чечне. Еще в 1992–1993 годов на мой вопрос – «Что же нужно, чтобы изменилось Ваше отношение к действующей власти?» – он говорил, что надо, чтобы пролилась кровь, вот пока не пролилась кровь, я буду её поддерживать. В Чечне кровь пролилась – и Борис Натанович довольно серьёзно задумался над происходящим, хотя не выступал очень резко против действий президента Ельцина. Зато, когда появился президент Путин, Борис Натанович воспринял его приход сперва равнодушно, но потом достаточно негативно относился, конечно, к тому, что он делает. В этом плане очень показательно, что где-то году в 2006-м я у него спросил: доведись ему встретиться с президентом, о чем бы он его спросил. Президент же встречается время от времени с писателями. Борис Натанович очень сухо ответил – «Ни о чем, у меня нет с ним общих тем для разговора».

Татьяна Троянская: Возвращаясь к Вашим темам для разговора. Вы сказали, что Вы очень много спорили. Об одном аспекте Вы сказали – с чем не соглашались, а еще в чем были ваши споры?

Борис Вишневский: Наверное, самые главные наши споры заключались в соотношении политических и экономических свобод, в соотношении рынка и демократии. Борис Натанович говорил – большинство не любит ходить к зубному врачу, не любит понимать горьких истин, поэтому надо его силой, в принудительном порядке заставить перетерпеть экономические реформы, потому что потом обязательно будет лучше. А если подчиняться воле большинства, то никаких реформы не проведем – так и останемся в нынешнем состоянии. Я с этим никогда не соглашался, я всегда полагал, что если реформы идут против большинства, ведут к ухудшению жизни людей – зачем тогда такие реформы нужны? Это очень похоже на то, что когда-то делали большевики – силой вели в светлое

будущее. Когда было «кто не с нами, тот против нас», и когда если враг не сдавался, то его уничтожали. Вот этот большевистский характер экономических реформ – это то, с чем я никогда не был согласен. И, конечно, у нас было разное отношение в этом плане к первому российскому парламенту – Борис Натанович поддерживал Ельцина в противостоянии со съездом и Верховным Советом России, а я полагал, что необходимо искать компромиссы и что невозможны никакие силовые действия, направленные на подавление парламента, на устранение парламента с политической сцены. Борис Натанович поддерживал Конституцию 1993 года, я выступал против неё, полагая, что это запрограммированное установление в России самодержавия... Как мне кажется – всё-таки мои оценки впоследствии оказались более точными. Ну, а в путинские времена у нас споров с Борисом Натановичем почти не осталось – отношение наше к происходящему стало полностью совпадать.

Татьяна Троянская: А с властями он общался как-то?

Борис Вишневский: Крайне мало Борис Натанович общался с властями. Я помню в девяностые годы я был депутатом Московского райсовета, а Борис Натанович, как известно, жил на улице Победы в Московском районе. Мы всё время приглашали его к нам в гости – он всё время отказывался. Наконец, при помощи маленькой хитрости нам всё-таки удалось его заманить – мы ему сказали, что ему надо получить удостоверение жителя блокадного Ленинграда. И получить его можно только у нас в райсовете. Борис Натанович приехал – мы ему торжественно вручили удостоверение, потом его провели к накрытому столу – там собралось несколько наших депутатов во главе с председателем, покойным, к сожалению, моим другом Виктором Новосёловым. Мы с ним сидели, выпили, поговорили. Это вот единственный случай, когда при мне он появился в коридорах власти. Он их очень не любил и старался с властями общаться как можно меньше.

Татьяна Троянская: Мы сейчас сделаем паузу – после московских новостей и рекламы вернемся.

Я напомним, что мы общаемся с Борисом Вишневским – депутатом Законодательного собрания Петербурга. Борис Лазаревич, снова хочу вернуться в Ваше первое общение с Борисом Натановичем. Я вот спросила до того, как мы начали записываться – Вы осознавали, что перед Вами сидит гениальный человек?

Борис Вишневский: Я осознавал, что передо мной сидит один из моих любимых писателей и был просто невероятно счастлив от возможности его видеть, с ним разговаривать, задавать ему вопросы. Я человек неверующий, но если был бы верующий, то, наверное, я бы примерно так воспринимал присутствие около меня Господа Бога. Борис Натанович был одним из моих кумиров, одним из моих учителей и таким и сегодня для меня остаётся. Двадцать лет нашей дружбы только укрепили меня в этом и чем больше лет проходит после его ухода, тем более я понимаю на сколько всё-таки важную роль играли братья Стругацкие, их творчество в воспитании и моего и последующих поколений. Кстати, мне очень приятно, что сегодня у очень многих молодых людей я вижу интерес к творчеству Стругацких. Когда я спрашиваю у моих студентов – много ли из них читали Стругацких – поднимается достаточно много рук. Я им советую читать и перечитывать, потому что это не просто фантастика, это выдающаяся великая социально-философская литература, это огромное важнейшее явление не только в российской, но и в мировой культуре – творчество братьев Стругацких – то, что они в нас воспитывали. Самая большая проблема Стругацких, как говорил мне когда-то Борис Натанович – это выбор. Выбор, который делает человек, оказавшись в сложных обстоятельствах и очень многое зависит от того – какой выбор он сделает – этот выбор, как правило, очень непрост и то, как Стругацкие описывают те или иные ситуации, на мой взгляд, еще много лет будет сохранять актуальность. Стругацкие были свободными людьми. Стругацкие учили нас быть свободными. Стругацкие заражали нас бациллой свободы и те из нас, кто её впитали в себя – они утрачивали страх, потому что сво-

бода – то, что выводит страх из организма, также как красное вино выводит из организма радиоактивный стронций. Стругацкие учили нас не сдаваться перед обстоятельствами, Стругацкие учили нас оставаться людьми в любой ситуации, Стругацкие учили нас не трусить и не лгать, и я всегда буду их считать своими учителями. По жизни их творчество очень много мне дало. Конечно, мне ещё очень далеко до героев Стругацких, до обретения тех черт, которые они имели, я стараюсь в чём могу им подражать.

Татьяна Троянская: В Петербурге сейчас уже есть сквер братьев Стругацких, а что с музеем?

Борис Вишневский: Прошу прощения – сквера нет, есть площадь братьев Стругацких. Я два года этим занимался и счастлив, что меня поддержало городское правительство и губернатор, и Законодательное собрание. Площадь братьев Стругацких – единственная в стране и в мире, эта площадь на пересечении Московского проспекта, улицы Фрунзе и улицы Победа. В доме 4 по улице Победы жил Борис Натанович много лет. Теперь эта площадь так называется, там висят таблички, объявляют остановки, и очень приятно там проезжать, и слышать «Следующая остановка – площадь братьев Стругацких». Мы сейчас занимаемся установкой мемориальной доски на доме номер 4. Что касается музея – этим занимаются родные Стругацких, и замечательные ребята из группы «Людены» во главе с Юрием Флейшманом – это группа исследователей творчества Стругацких. Моя задача сейчас – мемориальная доска и потом может быть на этой площади в сквере, который там существует, будет установлен памятник. Я надеюсь, что это тоже решаемая задача, потому что надо, чтобы имя братьев Стругацких было увековечено в нашем городе. Если будет музей – это будет здорово. Я буду счастлив приходить в этот музей, буду готов передать этому музею какие-то экспонаты из личной коллекции. У меня достаточно много дома хранится того, что связано с братьями Стругацкими – особенно с Борисом Натановичем. Огромное количество книг с его автографами, газеты с его авто-

графами, очень много фотографий, большой архив того, что накопилось за много лет общения с Борисом Натановичем. Я, конечно, с удовольствием передам что-то в дар музею, если он будет создан.

Татьяна Троянская: Когда экранизируют любимых писателей обычно у тех, кто любит творчество, претензии. Ваши любимые фильмы по произведениям Стругацких и нелюбимые.

Борис Вишневский: На мой взгляд, самая удачная экранизация – это первая экранизация «Трудно быть богом», по-моему, 1986 год, режиссер Петер Фляйшман, дон Румату играл польский актер Эдвард Зентара, также там играл замечательный грузинский актёр Элгуджа Бурдули, который играл великолепного барона Пампу, друга дон Руматы. Это была очень хорошая экранизация. Неплохая экранизация Константина Лопушанского «Гадких лебедей». «Сталкер», честно говоря, не очень мне понравился, это считается великим произведением мирового киноискусства, но не могу сказать, что оно совпадает с моим представлением о том, как должна была бы выглядеть экранизация «Пикника на обочине». Неплохая была эстонская экранизация «Отеля у погибшего альпиниста», тоже достаточно адекватно воспроизводящая книгу, хотя само произведение к числу моих любимых не относится. Что касается самого неудачного, на мой взгляд, это «германовская» экранизация «Трудно быть богом» и неудачная экранизация, к сожалению, «Обитаемого острова» Фёдора Бондарчука. Про «Остров» скажу одну простую вещь – смысл книги, один из главных её смыслов в том, что переходя, как в квесте, с уровня на уровень, с одной роли – в этом мире, в этом острове на другую, от роли робинзона к роли легионера, от роли легионера к роли каторжника, от каторжника к подпольщику, от подпольщика к ученому, главный герой Максим Каммерер радикально меняется. На каждом уровне он принципиально другой, нежели на других. Он обретает новое знание, новое понимание, иначе действует. В фильме же Бондарчука актер, играющий роль Максима Каммерера все две серии скачет по экрану с одной и той же полубессмысленной белозубой улыбкой – не меняясь, это означает,

что режиссер просто не понял книги. Что касается экранизации «Трудно быть богом», на мой взгляд, тут то же самое. Я понимаю, что Алексей Герман – это гениальный режиссер, хотя и не являюсь большим поклонником его творчества. Но он снял фильм вообще не о том, о чем написано в книге. Самое главное – социально-философские рассуждения, проблема выбора, проблема возможности или невозможности вмешательства в дела чужого мира – важнейшая нравственная проблема. Может ли и должен ли человек с Земли спокойно смотреть, как убивают, пытаются, насилуют, казнят, и в какой степени он может вмешаться – всё это вообще из фильма ушло. Осталось что-то совсем другое, имеющее довольно малое отношение к книге. Я бы лично никому бы не советовал этот фильм смотреть. Я его посмотрел, у меня осталось очень тяжелое впечатление. И на мой взгляд – это крайне неудачная экранизация.

Татьяна Троянская: А Борис Натанович как относился и согласен ли он с Вами, то, что успел посмотреть?

Борис Вишневский: Он успел посмотреть «Обитаемый остров» и разделил мою точку зрения. Когда мы с ним посмотрели первую часть вроде было ещё не плохо, но после второй наступило разочарование. До конца съемок «Трудно быть богом» Германа Борис Натанович не дожил. Но Борис Натанович мне всё время говорил, что Герман снимает что-то, имеющее малое отношение к их книге. Снимает как обычно что-то своё. Он в это не вмешивается, Герман никак с ним не советуется и что называется – и ладно. Он спокойно к этому относился. Я думаю, что если бы он успел посмотреть этот фильм, наверное, он бы ему тоже не очень понравился. Мне так кажется, потому что самое главное из книги в этот фильм вообще не попало, к сожалению.

Татьяна Троянская: А «Пикник на обочине», «Сталкер» – как он к нему относился?

Борис Вишневский: Примерно также, как я говорил. Это великое произведение, но имеющее тоже довольно мало общего с их книгой и тем о чём они писали и тем, что они хотели

сказать. Он с уважением относился к Тарковскому, конечно, но говорил, что Тарковский тоже, как и Герман снимал то, что он хотел снимать. А литературное произведение было только некой основой, стартовой точкой.

Татьяна Троянская: Здесь я могу призвать, говоря о Сталкере, нужно и читать, и смотреть, и воспринимать это, как совершенно два разных произведения искусства.

Борис Вишневский: Я думаю, что это правильно, это, действительно, разные произведения искусства, но в данном случае они оба удачны – и книга великолепна и фильм очень удачен, очень интересен, прекрасные актёры и без сомнения входит в то, что принято называть – сокровища мирового кинематографа. О фильме Германа «Трудно быть богом» я бы, конечно, этого не сказал. Мне очень жаль, что именно такой получилась экранизация. Кстати, вот что меня потрясло когда-то и Бориса Натановича очень огорчило, хотя он улыбнулся на это своей грустной улыбкой. В каком-то интервью Герман сказал, что он снимает фильм о Путине, что у него Путин является прообразом главного героя, что Путин героическими усилиями пытается страну вытащить из крови, из грязи, из пропасти. И у Бориса Натановича, и у меня Путин ассоциировался с совсем другим героем «Трудно быть богом» – с доном Рэбой, поэтому мне не совсем понятно с чего вдруг Алексея Юрьевича понесло, что называется, в эту сторону.

Татьяна Троянская: Может это была хитрость режиссера? Для того, чтобы дали снять.

Борис Вишневский: Никто особо не мешал ему снимать, хотя эти съемки длились очень много лет.

Татьяна Троянская: Но это особенность Германа.

Борис Вишневский: Да. Повторяю – с чем я точно не соглашусь, так это с тем, что Путин может быть прообразом дона Руматы из «Трудно быть богом».

Татьяна Троянская: Мне остается лишь добавить, что здорово, что мы говорим в день рождения Бориса Натановича, и я могу только призвать всех читать Стругацких.

Борис Вишневский: Да. Сегодня Борису Натановичу исполнилось бы 85 лет и мне хочется тоже призвать читать и перечитывать Стругацких, но не просто читать и перечитывать, а учиться у них, стараться воспринимать то, что они написали, потому что таких великих учителей, как братья Стругацкие в истории человечества, я считаю, были единицы.

Татьяна Троянская: Спасибо. Борис Вишневский был нашим сегодняшним гостем.

Борис Вишневский: Спасибо.

«Доверие избирателей стараюсь завоевывать своими делами»

Эхо Москвы, 29 июня 2018 года

О. Бычкова – Добрый вечер! Добрый день! Это программа «2018». Сегодня в московской студии я, Ольга Бычкова. Ну, а в Санкт-Петербурге у нас Виталий Дымарский, главный редактор «Эха Петербурга». Добрый вечер тебе! Привет!

В. Дымарский – Добрый вечер тебе! Привет-привет! Надо гостя представлять...

О. Бычкова – Ну, я уже скажу, ладно. Наш гость – это депутат Законодательного собрания Петербурга Борис Вишневский. Борис, добрый вечер!

Б. Вишневский – Добрый вечер!

О. Бычкова – То есть непонятно, кто чей гость там, конечно. Ну, в общем, будем считать, что вы – наш гость.

В. Дымарский – Слушай, у меня сразу, если ты не возражаешь, вопрос к Борису Лазаревичу...

Б.Вишневский: Принимают решения люди, которые получают пенсии совсем по другим правилам, совсем в других размерах

О. Бычкова – Давай.

В. Дымарский – ...По поводу его депутатства в Законодательном собрании. А существует еще фракция «Яблоко»?

Б. Вишневский – Во-первых, существует. Во-вторых, можно без отчества? Мне проще будет.

В. Дымарский – Хорошо, Борис. Из скольких человек она состоит?

Б. Вишневский – Она состоит из двух человек, к сожалению: я и мой давний друг Михаил Амосов.

В. Дымарский – А, понял...

Б. Вишневский – Это результаты выборов 2016-го года.

В. Дымарский – Здесь, просто, недавно что-то с Амосовым происходило, поэтому...

Б. Вишневский – Нормальные процессы для демократической партии. Ну, Амосов – член «Яблока», член его политкомитета, никуда не делся.

В. Дымарский – Но он теперь не руководитель фракции, правильно?

Б. Вишневский – Он и не был руководителем фракции. Я им был с самого начала.

В. Дымарский – А, вот мы выяснили, Оль, что...

Б. Вишневский – Меня никто не смещал с этого поста.

В. Дымарский – ...Что Борис Вишневский еще руководитель фракции «Яблоко» в Законодательном собрании. Правильно, да?

Б. Вишневский – Конечно.

О. Бычкова – Мы поняли, да. Хорошо, мы это все учтем. Вот как руководителя фракции «Яблоко» в Законодательном собрании Петербурга я сразу хочу спросить Бориса Вишневого, на свежую тему задать вопрос по поводу улицы Рубинштейна. Я поверить не могу, Борис, честное слово. Действительно ли вы пожаловались Полтавченко на Рубинштейна и потребовали навести там порядок?

В. Дымарский – Но не самого Рубинштейна, да?

О. Бычкова – Нет, не совсем.

Б. Вишневский – На Полтавченко пожаловался не только я.

В. Дымарский – Нет, Борис, извините. Я просто хочу нашим слушателям хоть два слова сказать, что такое улица Рубинштейна.

Б. Вишневский – Конечно.

О. Бычкова – Ну, тем, кто случайно не знает об этом, потому что это гордость города.

В. Дымарский – Нет, ну, мало ли...Нас же не только в Москве и Петербурге слушают. Это самая развеселая улица города Санкт-Петербурга, наполненная совершенно замечательными заведениями, ресторанчиками, кафе, фаст-фудами и так далее, и тому подобное. И даже сильные мира сего, когда проводят здесь какие-то мероприятия, они ее просто ограждают с обеих сторон, не дают зайти никому постороннему и гуляют вдоль всей улицы.

О. Бычкова – Можно я только поправлю?

В. Дымарский – Это улица, где стоит памятник Довлатову.

О. Бычкова – Да. Можно я только скажу, что это не просто улица развеселая с фаст-фудами. Это улица с несколькими заведениями просто высочайшего гастрономического уровня.

В. Дымарский – Высочайшего класса.

О. Бычкова – Да, конечно. Это не фаст-фуды, а это серьезная гордость города просто потому, что гастрономические заведения в Петербурге – это отдельная история. И мы все прекрасно понимаем, что тут никакая Москва и очень многие европейские города даже близко не стояли с Петербургом и улицей Рубинштейна тоже.

В. Дымарский – Это еще и улица высокого театрального искусства: там находится театр Додина.

Б. Вишневский – Мне теперь можно сказать?

В. Дымарский – А теперь, Вишневский, объяснитесь, каким образом, что вам не понравилось в этой улице?

Б. Вишневский – Рассказываю. Я обожаю улицу Рубинштейна. На ней действительно много замечательных кафе, ресторанов, баров. Но кроме этого великолепия на улице еще живут люди. И вот неделю назад в Аничковом дворце прямо ко мне подошла моя избирательница с улицы Рубинштейна, сказала: «Борис Лазаревич, мы написали обращение всем. Никто не реагирует. Можно ли как-то немножечко навести порядок на нашей улице? Потому что особенно

во время Чемпионата мира невозможно стало жить: невозможно спать, невозможно отдохнуть». Прекрасные рестораны и кафе, но в них ходят не всегда прекрасные гости.

Эти прекрасные гости вываливаются оттуда на улицу, мягко говоря, довольно громко разговаривают и кричат, на улице от этого лучше жить не становится, полиция на это не реагирует никак, утром улица напоминает, я бы сказал, худшие образцы российских городов в глухой провинции и все это создает очень много для людей неудобств. Что люди хотят? Они действительно обращались ко всем. Они прислали коллективное обращение. Они хотят, чтобы, во-первых, тех, кто элементарно нарушает общественный порядок, полиция все-таки приводила в чувства. Речь ведь не идет о том, чтобы закрывали кафе и рестораны или мешали им работать. Речь идет об их посетителях.

Они просят, чтобы не давали бы курить прямо около парадных жилых домов, потому что невозможно открыть окна из-за запаха табачного дыма, смешанного со всеми другими «удовольствиями» в кавычках. Они просят, чтобы возможно ограничили время работы хотя бы части этих ресторанов и баров, чтобы не работали круглые сутки. Повторяю, там живут люди, эти люди реально хотят жить не в ресторане. Значит, о чем я попросил губернатора и начальника Главного управления Внутренних дел... Во-первых, чтобы, если нарушают общественный порядок, то принимались бы меры. А, во-вторых, что, на мой взгляд, очень серьезно – я попросил его создать рабочую группу, чтоб подумать, как, вообще, должны существовать кафе и рестораны с жилыми домами, в которых они расположены.

Может быть, нужен отдельный регламент. Я, кстати, обсуждал это даже уже с главой Администрации нашего Центрального района – Андреем Хлутковым, и мы сошлись на том, что обсуждать это абсолютно необходимо. У нас есть законодательство, которое должно выполняться. Я хочу сказать, что права одних людей на веселую улицу, на веселье и отдых, они

заканчиваются ровно там, где начинаются права других людей на такой же отдых у себя дома. Значит, надо искать компромисс. На той же улице есть прекраснейшие примеры замечательного сосуществования людей, ресторанов и кафе. Могу назвать сходу один адрес – улица Рубинштейна, дом 38, где нормально совершенно разобрались. Но при этом, при попытке еще один бар ночной организовать во дворе, во флигеле, крайне не нравится жителям.

Я им сейчас помогаю с этим бороться. Они не хотят, чтобы у них еще одна такая точка появлялась, потому что ее владельцы не проявляют никакого уважения и не идут на такой контакт. Еще один пример о том, что люди не всегда бывают довольны. Моя любимая «Слеза социализма» – улица Рубинштейна, дом 7. Дом, где жила Ольга Берггольц. Дом построен из шлакобетона с нулевой слышимостью, с нулевой звуко- и прочей непроницаемостью: чихнули на первом – слышно на последнем. На первом этаже в помещении давно уже пытаются открыть ресторан или кафе.

Б.Вишневский: Петербург может пожаловаться на то, что городская исполнительная власть очень мало связана с жителями.

Но людям это не нравится, они не хотят еще один ресторан там получить, потому что жизнь их станет, мягко говоря, не лучше. Они с этим борются. Поэтому, повторяю, надо делать так, чтобы и права бизнеса не нарушались, и права людей тоже не нарушались, потому что они имеют право жить в нормальных условиях.

О.Бычкова – У меня вопрос. Можно вопрос сразу?

В.Дымарский – Сейчас. Извини, Оль.

О.Бычкова – Да, давай.

В.Дымарский – Я хочу сразу, просто, реплику одну. Мне это напоминает, собственно говоря, логику власти, которые говорят, что не надо нам демонстрации на улице – это мешает движению. И с этим трудно поспорить.

Б.Вишневский – Это абсолютно другая логика.

В.Дымарский – И второе. Борис, вы сказали...

Б.Вишневский – Сейчас отвечу.

В.Дымарский – Да. И вы сказали, что это вот сейчас...две недели осталось до конца Чемпионата мира.

Б.Вишневский – Это происходит не только во время Чемпионата мира и будет происходить потом.

О.Бычкова – Ну, это происходит 2 летних месяца обычно. А потом становится холодно и все.

Б.Вишневский – Не только 2 летних месяца это происходит. И я хочу сказать, что это не имеет никаких аналогий с ситуациями, когда демонстрации якобы мешают движению на улице...

В.Дымарский – Но они мешают же движению по улице.

Б.Вишневский – Люди живут там. Это их дом. Они не хотят оттуда уезжать. На улицах и я могу кому-то помешать. Все равно это не повод ничего запрещать. Но если я на улице нарушаю общественный порядок, то что делать? Если человек ночью на улице Рубинштейна выходит туда пьяный и орет громкие песни, мешая спать тем, кто там живет, то что с ним надо делать?

В.Дымарский – А если выходит трезвый и орет, и не дает проехать людям на машине? Это их право. Я сейчас буду защищать власть, которая говорит, что нечего здесь нам ходить.

Б.Вишневский – То же самое. Значит, он нарушает общественный порядок. У нас есть законы, которые хорошо бы соблюдать.

О.Бычкова – А у меня вот такой вот вопрос...

Б.Вишневский – Да, пожалуйста, Оля.

О.Бычкова – К руководителю фракции «Яблоко» в Законодательном собрании, руководителю демократической фрак-

ции демократической партии, как мы привыкли считать. А что за вообще странный такой способ и подход к разрешению этого вопроса? Нет сомнений, что, конечно, права и бизнеса, и потребителей, и жителей, и всех на свете должны быть учтены и каким-то образом отрегулированы. Но почему сразу жаловаться губернатору, чтобы он что-нибудь запретил и призывать полицию?

Почему, например, не воспользоваться этим удачным способом разрешения такого конфликта, который вы уже привели с одним из баров, с одним из ресторанов, когда люди сумели договориться? Почему депутат не может прийти на улицу Рубинштейна, собрать, например, не знаю, владельцев этих заведений и попытаться поговорить с ними или обойти их всех? Почему нужно сразу писать телегу губернатору? Это что за странное...?

Б. Вишневский – Оля, очень легко отвечаю. Первое – я не просил ничего запретить. Обращаю ваше внимание. Я просил начальника полиции сделать так, чтобы полиция реагировала на нарушения общественного порядка. У нас есть закон, который охраняет права граждан на тишину ночью, это во-первых. Во-вторых, у нас есть закон, который запрещает ночью торговать спиртным. Все эти законы грубо нарушаются, к сожалению, на той же улице Рубинштейна.

О. Бычкова – А разве нельзя в ресторанах ночью...

Б. Вишневский – Начальника не просил запретить, я просил всего лишь исполнить закон. В ресторанах – пожалуйста, можно.

О. Бычкова – Вот.

Б. Вишневский – Но торгуют и за пределами ресторанов, к сожалению, прямо на улице. Теперь. Губернатора я просил ничего не запрещать. Я просил его создать рабочую группу, чтоб подумать, как должны жить такие вот улицы, где сосредоточено много ресторанов и кафе. И все они, повторяю, в жилых домах.

О. Бычкова – А вот на горизонтальном уровне, на уровне общества неужели нельзя создать рабочую группу, сообщество, дискуссию, просто диалог заинтересованных сторон? Почему губернатор должен создавать рабочую группу? А почему к Путину тогда не обратиться?

Б. Вишневский – Потому что губернатор возглавляет исполнительную власть в Петербурге, потому что это требует привлечения разных комитетов Администрации и у меня есть большой опыт работы в таких группах. Повторяю, там, где можно справиться без губернатора, мы справляемся без губернатора. Но здесь я считаю правильным разработать, возможно, повторяю, отдельный регламент для таких улиц.

В. Дымарский – У меня такой вопрос...

О. Бычкова – Это недоверие к гражданскому обществу, мне кажется.

Б. Вишневский – Ничего недемократического в этом нет. Нет, с гражданским обществом я общаюсь просто каждый день. И, кстати, в данном случае я реагирую на обращение, которое ко мне от граждан поступило. Это не Вишневский, просто пройдя по улице, увидел непорядок и решил написать губернатору.

В. Дымарский – Борис, понято же, что такое количество обращений может быть и от других граждан, которые хотят там...

Б. Вишневский – Может. Только я их не получаю почему-то.

В. Дымарский – Хорошо. Я думаю, что вы получите.

О. Бычкова – Давайте я вам напишу.

Б. Вишневский – Пожалуйста. Получу – отреагирую.

В. Дымарский – Но проблема еще, мне кажется, в другом. Это такая попытка формального решения проблемы. Но ведь... Я не знаю... Оль, ты знаешь, в курсе или нет... Но вчера в эфире «Эха Петербурга» Борис Вишневский объявил, что он собирается идти на выборы губернатора. И в связи

с этим, конечно, все-таки существует еще такая политическая составляющая. Вы как думаете, вы такими мерами завоеуете поддержку избирателей к следующим выборам? Или вас объявят, извините, как это часто очень, к сожалению, бывает у нас спойлером... Раз вы с губернатором заодно, то...ну, что...ну, идите на выборы так, чтоб показать демократичность этих выборов.

Б. Вишневский – Виталий, это очень смешно говорить, что я заодно с губернатором, если я призываю губернатора решить какую-то проблему. Я почти каждый день направляю в Администрацию те или иные обращения. Как правило, они связаны с теми письмами, которые ко мне приходят от избирателей и касаются решения различных городских проблем. Далеко не всегда я нахожу у него взаимопонимание. Кстати, одна из таких «замечательных» в кавычках претензий губернатора ко мне, как-то слышал, при личной встрече: «Вы, – говорит, – Борис Лазаревич любите по митингам бегать». Я говорю: «Знаете, Георгий Сергеевич, я не люблю бегать по митингам. Но ваши чиновники принимают такие решения, после которых граждане выходят на митинги и зовут меня. Я, естественно, прихожу, чтобы быть с ними».

А что касается завоевания доверия избирателей, я лично считаю, что я стараюсь его завоевывать своими делами. Я почти 7 лет депутат Законодательного собрания, который постоянно о своей работе отчитывается, которому есть, что рассказать о своих результатах. И, кстати, мое заявление о том, что я хочу участвовать в выборах губернатора, оно во многом вызвано тем, что я слышу от людей, потому что они все чаще и чаще меня спрашивают: «А не будете ли вы участвовать в губернаторских выборах? Потому что мы хотим смены власти, мы вам доверяем. Мы считаем, что будет правильно, если вы поучаствуете в этих выборах. Мы вас поддержим и за вас проголосуем».

В. Дымарский – Борис, ваша кандидатура и ваше вот это заявление согласовано с руководством партии?

Б. Вишневский – У партии есть специальный порядок принятия таких решений. Этот порядок предусматривает решение и на уровне петербургской организации и решение на уровне федеральных руководящих органов партии.

В. Дымарский – Оно есть? И это решение есть?

Б. Вишневский – Их пока еще, естественно, нет. Я сейчас обсуждаю этот вопрос. До выборов еще год с небольшим. Но я считаю правильным уже сейчас заявить о своем намерении, о своем желании стать кандидатом от «Яблока» на этих выборах. Кстати, я хочу сказать, что, вообще, это очень странно, что до выборов остался год с небольшим: пока кроме меня и вот коллеги Николая Рыбакова никто не сказал, что хочет участвовать в этих выборах, те, кто не относится к партии власти.

В. Дымарский – Есть еще один кандидат от «Яблока» – Николай Рыбаков?

Б. Вишневский – Вчера в эфире «Эха» Николай Рыбаков сказал, что тоже хотел бы участвовать в этих выборах.

В. Дымарский – А, я не слышал этого.

Б. Вишневский – Это совершенно нормально. Это расширяет поле для дискуссии.

В. Дымарский – То есть у вас будет праймериз, условно говоря, между Вишневским и Рыбаковым?

Б. Вишневский – Я не знаю, что у нас будет. Я только знаю, что в «Яблоке» есть немало людей, которые в частности вполне могли бы участвовать в выборах губернатора Петербурга. Имеют основания на это претендовать.

В. Дымарский – Но все же не пойдут.

Б. Вишневский – Все не пойдут. Посмотрим, сколько их будет. Но я считаю совершенно нормальным желание и других моих коллег участвовать в этих выборах. Я буду предъявлять свои дела и свои аргументы своим коллегам по партии, они будут предъявлять свои. Партия примет решение. У нас демо-

кратическая партия. Это только в «Единой России»: начальство сказало: «Ты будешь выдвигаться» – будешь выдвигаться.

В. Дымарский – Ну да. Но у вас демократическая партия, которая приняла решение выдвинуть кандидатом в мэры Москвы одного человека. И он не выдвигается в кандидаты.

О. Бычкова – Нет, он не просто не выдвигается. Давай просто попросим Бориса Вишневого прокомментировать историю с московским кандидатом в мэры, так сказать, Митрохиным.

Б. Вишневецкий – Комментарий очень простой. Я совершенно уверен, что мои коллеги из демократической партии, в конце концов, найдут приемлемое решение. Самое плохое будет, если вообще не будет кандидата от «Яблока» на выборах мэра Москвы. Вот этого бы мне не хотелось. Повторяю, партия у нас демократическая, споры в ней вполне возможны. Кстати, те споры, которые сейчас идут, и те заявления уважаемого Сергея Сергеевича Митрохина, как мне кажется, довольно убедительно опровергают миф, который я иногда слышу в том числе от гостей, которые приходят к вам в эфир, что «Яблоко» – это партия одного человека, что «Яблоко» – это секта. Какая секта, какая партия одного человека, если такие споры, такие разногласия и такая ситуация?

В. Дымарский – Только не надо забывать, что эти споры разрешаются в суде.

О. Бычкова – Да. Вот судиться с собственной партией – это нормально?

В. Дымарский – Да. Я согласен, что у демократической партии могут быть обсуждения. Но в демократической партии, когда одна часть подает в суд на другую – это, мне кажется, не очень демократично.

Б. Вишневецкий – Я надеюсь, что решение будет найдено.

В. Дымарский – Судом или партией?

Б. Вишневецкий – Я лично бы, наверное, не стал бы по такому вопросу судиться со своей партией. Но это я лично.

Повторяю, я уверен, что выход какой-то будет найден. Если не будет найден – печально. Но я надеюсь, что его найдут. Я с уважением огромным отношусь и к Сергею Митрохину, и к Елене Русаковой, и к Григорию Явлинскому, и к Эмилиии Слабуновой, и к Николаю Рыбакову, и к другим моим коллегам. Они – умные люди, они – демократичные люди. Я думаю, что они найдут выход.

В. Дымарский – Но вы согласны...

О. Бычкова – Можно еще один вопрос? А, да...извини, Ви-талий.

В. Дымарский – Оль, сейчас. Пандан, что называется. То есть, если вы ищете выход, то вы, видимо, таким образом соглашаетесь, что сейчас, если не тупик, то какая-то некая тяжелая ситуация в партии?

Б. Вишнеvский – Сейчас, конечно, непростая ситуация. Думаю, она будет разрешена. У нас не раз возникали непростые ситуации. Я хочу еще сказать, что не всегда мы даже могли вообще участвовать вы выборах. Сейчас, как мне кажется, все-таки возможность такая есть. У «Яблока» достаточно много муниципальных депутатов в Москве, есть широкое поле для поддержки. Достаточно большой успех был достигнут на прошлогодних муниципальных выборах, которых, кстати, мало кто ожидал от моих коллег. Но сейчас и новые люди появились. Вот такие, как Яков Якубович, как Андрей Морев, Елена Русакова (раньше была известна; конечно, не в такой степени; теперь она – глава муниципалитета Гагаринское). Кстати, замечательная история, мало кто о ней знает. Муниципалитет, где голосует Владимир Владимирович Путин и все 12 депутатов от «Яблока». Вот покажите мне еще один такой муниципалитет в стране, где все депутаты были бы от «Яблока» избраны.

О. Бычкова – У меня еще один вопрос в связи с этими выборами. А вот ходили такие разговоры, что, например, Ксения Собчак тоже может выдвинуть свою кандидатуру на этих выборах в Санкт-Петербурге. Как вам эта идея?

Б. Вишневский – Когда она заявит свои намерения, тогда я буду это обсуждать. Пока мне представляется это несколько странным...

О. Бычкова – Почему?

Б. Вишневский – Потому что она довольно маленькое отношение имеет к Петербургу.

В. Дымарский – Ничего себе.

Б. Вишневский – И достаточно давно.

В. Дымарский – Ничего себе маленькое! Папа – первый мэр Петербурга.

Б. Вишневский – Папа – первый мэр Петербурга. Я бы сказал, что в данном случае это, может быть, не лучшая характеристика. У меня не лучшие воспоминания остались о периоде, когда первый мэр Петербурга управлял нашим городом. Но дело даже не в этом.

В. Дымарский – Ну, разные остались воспоминания.

Б. Вишневский – Хорошо, воспоминания остались разные. Хочу сказать, что человек, который претендует на должность губернатора Петербурга, как мне кажется, все-таки должен иметь достаточный опыт решения городских проблем: он должен знать эти проблемы, должен знать, как их решать, у него должны быть за плечами какие-то достижения в их решении.

В. Дымарский – Это советский подход.

Б. Вишневский – Нет, это не советский. Это демократический подход абсолютно.

В. Дымарский – Министерство металлургии должен возглавлять металлург, Министерство обороны должен возглавлять маршал, Министерство здравоохранения должен возглавлять врач.

Б. Вишневский – Виталий, вы категорически не правы. К сожалению, советский подход был прямо противоположным: кто угодно мог возглавлять любое министерство.

В. Дымарский – Неправда.

Б. Вишневский – Любой партийный деятель сегодня возглавлял Министерство металлургии, завтра – сельского хозяйства, послезавтра – еще какое-нибудь. Вот демократический подход, я считаю его совершенно правильным, это когда люди вырастают снизу, когда на руководство регионами претендуют люди, которые в них живут и работают, которым есть, что рассказать гражданам о своей работе. И у нас, к сожалению, сейчас что мы видим? Президент сажает в разные регионы, по сути дела, наместниками на посты губернаторов варягов, о которых до этого там никто не слышал, их впервые видят, когда они приезжают в этот регион им руководить. Что, это нормально? Нет, это абсолютно ненормальное явление.

В. Дымарский – Но на это Петербург пожаловаться не может. У вас не варяг.

Б. Вишневский – Петербург пожаловаться на это не может.

В. Дымарский – И что, это лучше?

Б. Вишневский – Но это другой случай. Петербург может пожаловаться, как я считаю, к сожалению, на то, что городская исполнительная власть очень мало связана с жителями. Петербург может пожаловаться на то, я это вижу по всем горячим точкам, по которым езжу... А я принимаю участие в большей части таких конфликтных ситуаций, когда жители меня зовут на помощь. Вот в этих горячих точках я вижу, что власть принимает решения независимо от граждан, она принимает решения, наплевав на мнение этих граждан и она принимает решения, которые гражданам не нравятся.

А когда они начинают протестовать, им объясняют, что решение принято, не подлежит обсуждению. Не дело холопов обсуждать барские приказы. Вот это моя главная претензия к петербургской исполнительной власти. А вторая претензия – это отсутствие какой бы то ни было стратегии развития города. То, что она выдает там за стратегии – Стратегия 2030, 2035 и 2050 – это, простите, детский лепет на лужайке. Я,

кстати, рассматриваю вот дискуссию, которая уже началась после моего заявления о намерении участвовать в выборах губернатора Петербурга, как приглашение к обсуждению городских проблем. Давайте, наконец, подумаем, какова альтернатива сегодняшнему развитию Петербурга, какова альтернатива сегодняшней городской власти, есть ли она, вообще.

Я считаю, что она есть. Я готов представить свой вариант альтернативы. Другие, возможно, представят свои. Разговор этот должен начаться. Потому что, повторяю, до выборов немногим больше года, а пока совершенно непонятно, кто же еще хочет участвовать в этих выборах, что он хочет предложить, на что он хочет опираться. Я уверен, что будет немало достойных кандидатов. Прекрасно. Значит, тем шире будет дискуссия о будущем Петербурга. Но то, что городская власть должна смениться – для меня очевидно, потому что политика, которую она проводит, меня не устраивает и не устраивает людей, с которыми я разговариваю.

В. Дымарский – Да, но все претензии к городской власти не зависят от того, варяги эта власть или не варяги. Это просто она неэффективна по той или иной причине. Какая разница: варяг-не варяг.

Б. Вишневский – Нет, разница, Виталий, в другом. Претензии к власти, конечно, не зависят от того, откуда она пришла. Но, если мы хотим, чтобы она дальше была эффективна, то я все-таки считаю, что руководить Петербургом должны люди, которые здесь уже живут достаточно долго, которые знают городские проблемы, которым не надо объяснять, которые не должны читать книжки, чтобы понять, как устроен город, который шкурой, что называется, кожей чувствует, где плохо, где тонко, где рвется и которым есть, что сказать гражданам об имеющемся уже опыте решения проблем города. Мне есть, что сказать. Я совершенно точно это знаю.

В. Дымарский – Ну, хорошо.

Б. Вишневский – Думаю, что не только мне.

В. Дымарский – У меня есть еще вопросы к Борису Вишневскому. А у нас есть на это время, Оль?

О. Бычкова – Мы сейчас сделаем очень маленькую...

Б. Вишневский – Я с удовольствием отвечаю на любые вопросы. Тем более, в таком приятном обществе.

О. Бычкова – Да, спасибо вам.

В. Дымарский – Это еще не конец. Мы еще будем...

О. Бычкова – Нет, это не конец. Это только перерыв. Мы сейчас сделаем небольшую паузу на краткие новости и рекламу и продолжим программу «2018». С нами Борис Вишневский, депутат Законодательного собрания Петербурга, руководитель фракции «Яблоко» там. Ольга Бычкова, Виталий Дымарский. Немножко прервемся, а потом продолжим.

О. Бычкова – И мы продолжаем программу «2018». Ольга Бычкова, Виталий Дымарский, главный редактор «Эха Петербурга». Я нахожусь в студии «Эха Москвы» в Москве. Виталий Дымарский находится в Петербурге в гостинице «Гельвеция» вместе с нашим гостем, депутатом Законодательного собрания Петербурга, руководителем фракции «Яблоко» Борисом Вишневским.

В. Дымарский – Да, мы продолжаем наш разговор. И у меня вот какой вопрос. Мы долго говорили про Петербург. Возникла одна общефедеральная проблема. И у меня в связи с этим есть вопрос к Борису Вишневскому как к представителю партии «Яблоко», в нашем эфире во всяком случае. Это, конечно, все, что связано с повышением пенсионного возраста. Я чуть не сказал «пенсионная реформа», но меня вот наши...

Б. Вишневский – Это не реформа.

В. Дымарский – Да. Наши просвещенные экономисты меня научили, что о реформе здесь речи не идет, что здесь

просто чистое повышение действительно пенсионного возраста ради наполнения общепенсионной такой кубышки. Так вот, в связи с этим у меня вопрос. Проблема повышения пенсионного возраста затрагивает очень много людей разных политических направлений, разных политических взглядов. И оппозиция этому мероприятию, этой мере – она довольно широкая: от коммунистов до либералов. Вот такого рода проблемы, такого рода вопросы, такого рода темы...извините, еще добавлю, что даже внутри правящей элиты существуют даже разногласия на это счет, судя по всему.

Так вот, еще раз повторяю тогда. Такого рода проблемы, не они ли должны объединять оппозицию сегодня? А получается, что...вот, то, что я слышу, во всяком случае, коммунисты объявляют о своих мероприятиях, кто-то еще, где-то еще. Но опять нет... Я понимаю, что нет координации, нет координационного центра, Навальный – о своем, «Яблоко» – о своем, коммунисты – о своем. Хотя, казалось бы, здесь-то все заодно. Здесь-то что делить?

Б. Вишневский – Спасибо за вопрос. Я довольно плотно занимаюсь этой темой в последнее время, хотя и раньше ее, естественно, изучал. Во-первых, хочу сказать, что для Петербурга как раз свойственны координация и сотрудничество в этой области. Вот в среду 4-го июля у нас в Законодательном собрании все-таки будет обсуждаться эта тема. Насколько я понимаю, наши коллеги из «Единой России» по всей стране получили команду организовать «одобрямс»: все должны одобрить, все должны быть повязаны, никто не должен иметь возможность уклониться, всякое сомнение будет наказано как слушание, как в замечательной пьесе «Дракона» любимого Евгения Шварца. До этого они не хотели вообще это обсуждать – было видно.

Потому что проект заявления Законодательного собрания о недопустимости повышения пенсионного возраста, который я написал и который мы собирались внести вместе с депутатами от «Яблока», от «КПРФ», от «Партии Роста», от «Справедливой России», от всех 4-х оппозиционных

фракций, на него мы не могли получить даже юридическое заключение. Было понятно, что рассматривать вообще ничего не хотят. Теперь рассматривать будут. Значит, будет дискуссия в Парламенте. И при этом единое мнение вот у всех 4-х политических оппозиционных партий, представленных в Законодательном собрании. При наличии у нас разногласий по многим другим вопросам, здесь у нас общая точка зрения. Кроме того, публичные акции – тоже общие.

Мы планировали все участвовать в акции, которую пару дней назад согласовали коммунистам. Было очень смешно: сперва согласовали, а потом не согласовали. Кстати, хочу обратить внимание на очень интересную деталь. Может, она пригодится кому-то из политиков или общественников, которые будут организовывать похожие акции в других городах. Опубликовано сейчас Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О практике применения законодательства о массовых акциях». И там прямо написано, что орган исполнительной власти не вправе отзывать уже данное им согласование, он не вправе переменить свою позицию. То есть фактически смена позиции была вне закона. Если уж согласовали, то обязаны дать возможность провести.

Туда хотели прийти все. Я, кстати, туда все равно пришел, и коммунисты пришли, и «Партия Роста» пришла, и «Справедливая Россия» пришла. Просто в режиме народного схода пообщались с гражданами. В Петербурге на 18-е июля планируется большой митинг. Там создан целый оргкомитет. Там тоже все, от правых и до левых, там социал-демократическая фракция партии «Яблоко» – один из заявителей. Нет разногласий по этому вопросу. А что касается самого повышения.

Я объяснял недавно это с трибуны ЗакСа, с удовольствием объясню за 30 секунд в эфире моего любимого «Эха» смысл этой операции. Она не в том, чтобы наполнить кубышку Пенсионного фонда – она и так достаточно полна. Посмотрите, самые шикарные здания в регионах – это здания Пенсионного фонда почему-то. Как так странно получается?

В. Дымарский – Поэтому и кубышка пустая, нет?

Б. Вишневский – Нет, кубышка не пустая, достаточно полная. Просто, тратится не совсем так, как надо. Но, что такое средняя пенсия в стране? Я – математик по базовому образованию, привык рассуждать математическими аналогиями.

В. Дымарский – Здесь достаточно быть арифметиком просто.

Б. Вишневский – Арифметиком. Это дробь. Что в этой дроби в числителе? Сумма денег, направляемых на выплату пенсий. То, что собирается с граждан – отчисления в Пенсионный фонд. Что в знаменателе? Число пенсионеров. Надо увеличить числитель, чтобы увеличить пенсии. То есть нужны дополнительные средства на их выплату. Откуда взять? Понятно, откуда взять – доходы от продажи природных ресурсов или как мой друг и коллега Григорий Явлинский говорил, дивиденды госкомпаний. А вместо этого Правительство предлагает что? Уменьшить знаменатель – поднять пенсионный возраст, значит станет меньше пенсионеров.

Или одно и то же число денег можно будет тратить на большие пенсии, или, даже если станет денег меньше, их хватит на уменьшившееся число пенсионеров. Так это людоедский подход абсолютно. Это обсуждает уже много лет на моей памяти. Обращаю внимание на еще одну интересную деталь. Обсуждают это все те люди...предлагают, точнее, нам обсуждать, и хотят принимать решения, которых это не очень коснется, которые получают пенсии совсем по другим правилам, совсем в других размерах. То есть как обычно реформа, хотя в данном случае это даже не реформа, проводится так, чтобы, не дай бог, не затронуть самих реформаторов. Они для нас это предлагают, а не для себя. Поэтому это абсолютно неприемлемое предложение.

Я надеюсь, что путем общественного сопротивления разными способами удастся это как-то остановить. Кстати, и «Яблоко», и коммунисты говорят всерьез об общероссийском референдуме. Мы в Петербурге планируем созвать собрание региональной подгруппы такого референдума. У нас

уже сформулирован вопрос. Надо собрать 100 человек с нотариальным заверением подписей, направить вопрос в ЦИК. Если ЦИК признает его соответствующим закону, значит можно это продолжать. В половине регионов надо собрать такие группы.

Уверен, что такие собрания можно будет провести при таком массовом недовольстве предложением о повышении пенсионного возраста. Понимаете, в ситуации, когда мужчины в стране в среднем живут до 67 лет, предлагать им выходить на пенсию в 65, оставляя 2 года на дожитие...

В. Дымарский – Пока в 68 им предлагают.

Б. Вишневский – Нет, в 65.

В. Дымарский – Как? 68, 63...

Б. Вишневский – Нет-нет, 65 и 63. Вот 2 года на дожитие. Это не я придумал этот термин. Этот термин из пенсионного законодательства – период дожития. Сколько ты еще должен прожить после того, как выйдешь на пенсию. Поэтому здесь не только у «Яблока». И у других политически сил совершенно, на мой взгляд, ясная протестная позиция. Мы будем делать все, чтобы планы эти остановить. И, естественно, будем действовать в сотрудничестве с теми, кто...

В. Дымарский – То есть вы готовы сотрудничать с любой политической силой?

Б. Вишневский – С фашистами не готовы, уж простите, и с националистами.

В. Дымарский – Да, да, да.

Б. Вишневский – Но с теми, кто действует легальном поле, выступают тоже против этого, конечно, можно и нужно здесь сотрудничать.

В. Дымарский – Есть националистические силы, партии, которые действуют в легальном поле.

Б. Вишневский – С националистами мы сотрудничать не хотим и не готовы. Это та идеология, которая для «Яблока» абсолютно неприемлема и никогда не будет принята.

В. Дымарский – А коммунистическая вам приемлема?

Б. Вишневский – Коммунистическая для нас неприемлема тоже, но националисты – это за пределами, на мой взгляд. Это просто то, что ведет к разжиганию межнациональной вражды, может привести к крови и насилию.

В. Дымарский – А к разжиганию межклассовой можно?

Б. Вишневский – Я бы не сказал, что у нас как-то особо разжигается сейчас классовая рознь...

В. Дымарский – Ну, я не вижу там особой разницы.

Б. Вишневский – Но смысл в том, что пока мы видим, что против выступают те политические силы, которые можно объединять в борьбе против повышения пенсионного возраста.

В. Дымарский – Борис, вопрос в другом. Готовы ли вы к сотрудничеству, к партнерству с политическими силами другой идеологии? Неважно: националисты ли, коммунисты ли, либералы ли. Потому что вы себя не объявляете либералами.

Б. Вишневский – По борьбе с людоедским повышением пенсионного возраста, я думаю, что такое сотрудничество вполне возможно и нужно.

В. Дымарский – Понятно.

Б. Вишневский – Очень простой ответ. Я надеюсь, повторяю, что это удастся. Хотя есть предположения о том, что это такой коварный план, хитрый: в нужный момент из-за кустов выйдет Путин, скажет: «Я все отменяю...

В. Дымарский – Да, да, да.

Б. Вишневский – ...Правительство ошиблось». Ведь недаром же внушается мысль о том, что он не при чем. Ну, вот кто-то в здравом уме и ясной памяти может поверить, что президент тут не при чем?

В. Дымарский – Не может.

Б. Вишневский – Я, например, не могу. Неужели Правительство решилось бы на такой шаг, не согласовав это зара-

нее с ним. Кстати, опять же, хочу сказать, что за время президентской предвыборной кампании ни один из кандидатов не выступил за повышение пенсионного возраста, включая Владимира Владимировича Путина. Этого он не обещал, избираясь в президенты.

О. Бычкова – Так он наоборот обещал, что этого не будет.

Б. Вишневский – «А пока я президент, этого не будет».

В. Дымарский – Это раньше было, да.

Б. Вишневский – Ну, его пресс-секретарь уже объяснил, что это было давно и, вообще, президент – хозяин своему слову, сам дал – сам взял обратно. Но это выглядит даже не смешно. Это выглядит, честно говоря, достаточно неприлично.

О. Бычкова – Но вот я как раз, честно говоря, не согласилась бы с вами, что всем очевидна связь между президентом и Правительством, между президентом и так называемой пенсионной реформой, потому что мы миллион раз видим, просто, все время видим эту повторяющуюся историю про хорошего царя и плохих бояр. Но вот почему-то никогда никакие непопулярные решения, никакие проблемы с уровнем жизни, ценами, инфляциями, пенсиями и так далее, они почему-то никогда на президента никаким пятном не ложатся. Только на Правительство.

Б. Вишневский – Во-первых, сейчас это уже не так. Последние опросы фиксируют снижение уровня поддержки президента. Во-вторых, связь между президентом и Правительством очень простая. Я могу допустить, что президент может сделать что-то или заявить, о чем Правительство не в курсе. Но я никогда не поверю, что Правительство может сделать какой-то существенный шаг, так чтобы президент об этом не знал или был против. Вот, простите, не верю.

Другое дело, что президенту очень удобно дистанцироваться от Правительства, играть в эту игру: в хорошего царя и плохих бояр, удобно создавать впечатление, что Прави-

тельство что-то там не додумало, чтоб все громы и молнии полетели бы на него, а он будет в стороне со своим, как раньше было, тефлоновым рейтингом. Но сейчас, как мне кажется, тефлоновое покрытие начало давать довольно серьезные трещины, потому что умудрились, что называется, достать почти всех вот этим предложением о повышении пенсионного возраста.

О. Бычкова – А тогда какой ваш прогноз по поводу того, как этот пенсионный сценарий в обществе, не только в экономике, а прежде всего в обществе, будет дальше развиваться? Что дальше может происходить: усиление протестных настроений, может быть, или люди наоборот, как мне кажется, смирятся и с этим тоже и будут тянуть не эту лямку, а другую лямку? Ну, какая разница...тянули же раньше.

Б. Вишневский – У нас довольно неблагоприятное дело – давать прогнозы в нашей стране. Я думаю, что частично, конечно, усилятся протестные настроения. С другой стороны, я вот с грустью отмечаю, что на фоне обсуждений повышения пенсионного возраста как-то в стране остается не менее грабительское решение о повышении налога на добавленную стоимость...

В. Дымарский – На 2%. Оно хуже, по-моему.

Б. Вишневский – Не менее грабительское предложение о том, что будут брать налог с поступлений на банковские карты. И другие подобные вещи. Но мне кажется, что постепенно люди все-таки начинают понимать, во-первых, что Правительство действует вместе с президентом не в их интересах, что оно принимает решения, которые интересам их противоречат. Это будет вести к усилению недовольства и к падению доверия и к тем, и к другим. Я совершенно не исключаю, что вот это пенсионное предложение о повышении пенсионного возраста придется как-то корректировать... Если не отменять. Пока я считаю более вероятным вариант, что они пойдут на уступки.

Скажем, будет для мужчин повышен пенсионный возраст не до 65, а до 63 лет, а для женщин – до 60. Возможны и иные варианты. Это будет выдано за огромное достижение: вот видите, президент, наконец-то, вмешался, пошел навстречу гражданам. Правительству погрозят пальчиком и оставят работать в прежнем составе, потому что это очень удобно – иметь Правительство, которое ни за что не отвечает и которое в любой момент можно так вот прилюдно слегка высечь, но оставить на месте.

В. Дымарский – Меня-то больше волнует другое. Не то, как будет действовать власть...это понятно, они что-нибудь придумают.

Б. Вишневский – А как граждане будут действовать.

В. Дымарский – А как будут граждане реагировать. Я боюсь, что вот так вот немножко понедовольничают...

Б. Вишневский – Пошумят и перестанут.

В. Дымарский – Пошумят-пошумят и опять успокоятся, и опять съедят, и опять поклонятся, и скажут: «Спасибо вам, что вы...

Б. Вишневский – Да. Лишь бы не было войны, да?

В. Дымарский – Да. Снизили на 2 года...

Б. Вишневский – Я не исключаю этого варианта. Но вот я, например, свои усилия прилагаю к тому, чтобы объяснять гражданам, что, во-первых, не может быть такого, что Правительство что-то сделало для вас вредное, а президенте тут не при чем. А, во-вторых, что надо выступать за смену власти.

В. Дымарский – Сколько лет вы это объясняете?

Б. Вишневский – Много лет объясняю. Иногда надо полжизни объяснять какие-то вещи.

В. Дымарский – Поняли?

Б. Вишневский – Некоторые понимают, некоторые – нет. Но это не значит, что не надо объяснять.

В. Дымарский – Я вам даже скажу по процентам, сколько понимают. Те, которые понимают, им объяснять не надо. Это правда.

Б. Вишневский – Не только. Это, к сожалению, тот случай, когда очень верна фраза, опять же, моего любимого Шварца из того же моего любимого «Дракона»: «Работа предстоит тонкая: хуже вышивания». В каждом из них надо убивать дракона. Понимаете, ведь то, с чем мы сталкиваемся в последнее время, оно ведь чудовищно. Вот посмотрите на «дело Дмитриева». Это как? У меня только одно объяснение: мы имеем дело с системой абсолютно бесчеловечной, воспроизводящей сталинскую, которая задней передачи не имеет, как автомобиль, которая может только вперед и которой надо свести счеты с человеком, который разоблачает сталинских палачей.

В. Дымарский – Нет, задний ход у них есть. Но такой резкий...

Б. Вишневский – Для другого.

В. Дымарский: ...В 37-й год.

Б. Вишневский – Это даже не задний ход. Вот почему они все это делают? Почему допускается прославление Сталина? Почему блокируется, кстати, в том числе и «Яблока», законодательная инициатива о том, чтобы запретить хотя бы именем Сталина называть улицы, площади и ставить ему памятники? Да потому что очень удобно воспроизводить такую систему, при которой человек – это винтик, пыль под ногами, при которой органы не ошибаются, при которой интересы государства важнее неизмеримо важнее интересов человека. Мы разработали такую инициативу. Отправили ее в такой странный орган – называется Совет законодателей Государственной Думы и Совет Федерации создал Совет законодателей. Получили оттуда отрицательный отзыв. Там такие вещи написаны: просто песня.

Б.Вишневский: Человек, претендующий на должность губернатора Петербурга, должен иметь опыт решения городских проблем.

Оказывается, политика, проводимая руководством Российской Федерации, создает надежный барьер против реабилитации Сталина, прославления сталинских идей и одобрения сталинских репрессий. Ничего себе, надежный барьер! На каждом углу почти видим это прославление. Над нами просто издеваются, присылая нам такие отзывы. Мы все равно поставим это на голосование Законодательного собрания. Я понимаю, что оно, скорее всего, инициативу «Яблока» эту отклонит. Но это не значит, что не надо этим заниматься.

В. Дымарский – И это не значит, что такого рожа документы надо держать у себя в кармане. Опубликуйте их.

Б. Вишневский – А я опубликовал этот документ, кстати, месяца полтора назад в социальных сетях. К сожалению, мало кто обратил на это внимание, что очень печально. Но такой отзыв получен из этого Совета законодателей. Я его обнаружил.

В. Дымарский – Мне кажется, что надо на сайте «Эха Москвы», может, «Эха Петербурга» просто его опубликовать.

Б. Вишневский – Я с большим удовольствием вам это в кратчайшие сроки предоставляю этот отзыв. Это чудовищно, на мой взгляд, вот эта позиция. Это официальное заключение на нашу законодательную инициативу. Без нее мы не можем даже в Законодательном собрании обсудить федеральную инициативу, поскольку речь идет о федеральном законе, а не о городском. На городском уровне нельзя решить такие проблемы. Но, повторяю, вот попустительство в возрождении сталинизма – одна из самых отвратительных черт нынешнего политического режима. Я понимаю, почему. Потому что они в нем видят как раз желаемое для себя. Очень удобно.

В. Дымарский – И то, что вы называете государственными интересами, что интересы государства стоят выше интересов человека... Я даже не назвал бы это интересами государства.

Б. Вишневский – Я считаю, что вообще не существует го-

сударственных интересов.

В. Дымарский – Нет, они существуют, может быть... Дело не в этом.

Б. Вишневский – Есть интересы человека, интересы общества. Государство, Виталий, инструмент.

В. Дымарский – Это правда.

Б. Вишневский – У моего холодильника или автомобиля, или телевизора нет никаких отдельных интересов.

В. Дымарский – Это интерес власти.

Б. Вишневский – Да, вот у властной группировки есть ее конкретные интересы...

В. Дымарский – Оставаться у власти.

Б. Вишневский – И она все время путает свою личную шерсть с государственной.

В. Дымарский – Это правда.

Б. Вишневский – Нам все время путают понятия «отечество» и «ваше превосходительство», понятия «отечество» и «начальство». Мы же это видим. Вот «Яблоко» против этого выступает. Да, пока оно в меньшинстве. Но так будет не всегда.

В. Дымарский – Наверное, да. Оля, а как думаешь, так будет всегда?

О. Бычкова – Нет. Я хочу быть оптимистом, конечно. Но только осталось теперь, чтобы мы увидели какие-нибудь признаки того, что что-то меняется. Но вот все-таки возвращаясь к делу...

Б. Вишневский – Признаки есть, Оля.

О. Бычкова – Так.

Б. Вишневский – Они не большие, но они все-таки есть. Вот эти признаки проявляются потому, что нам удастся в частности в Петербурге останавливать наиболее реакционные,

наиболее неприемлемые инициативы.

О. Бычкова – Например?

Б. Вишневский – Мы огромным общественным сопротивлением, «Яблоко» в нем играло очень заметную роль, хотя, конечно, не только «Яблоко» – тут многие сражались. Мы остановили пока планы передачи Исаакиевского собора. Мы остановили планы превращения Конюшенного ведомства в элитный жилой комплекс. Мы остановили многие безумные строительные проекты. Мы заставили власть к нам прислушаться, потому что нас было много, потому что мы не отступали.

В. Дымарский – Но, тем не менее, вы много и не остановили, да?

Б. Вишневский – Да, много не остановили. Мы старались.

В. Дымарский – Это правда.

Б. Вишневский – Мы пытались это сделать. Мы прилагали все наши силы. Будем прилагать их и дальше.

В. Дымарский – Если я не ошибаюсь, по-моему, Законодательное собрание Санкт-Петербурга чуть ли не единственное в стране, где вообще существует оппозиция. Нет?

Б. Вишневский – Нет, оно, конечно же, единственное. Оппозиция существует в Парламенте Карелии, где тоже наши коллеги, там «Яблоко», имеют фракцию. В частности, Эмилия Слабунова, председатель партии, тоже депутат Законодательного собрания Карелии. Оппозиция есть в Законодательном собрании Пскова. Там мой мужественный друг Лев Шлосберг в единственном числе ее представляет.

В. Дымарский – У нас Северо-Запад только в оппозиции.

Б. Вишневский – Не только Северо-Запад. Я думаю, есть отдельные хотя бы оппозиционные депутаты и в других регионах. Раньше у «Яблока» были фракции в 6 регионах, сейчас остались, к сожалению, только в 3. Но это не повод опускать

руки. Есть муниципальные депутаты, их довольно много, которые борются. Кстати, вот хочу сказать, что Собрание депутатов в Пермском крае, одно из собраний, не всего края, одно из собраний нижнего уровня, там, где моя коллега – замечательная Оля Колоколова, они взяли и приняли решение вот против повышения пенсионного возраста.

О. Бычкова – Как это они приняли решение?

Б. Вишневский – Там на них уже все громы и молнии обрушились за это.

О. Бычкова – Они что сказали? Они что, приняли прямо местное какое-то законодательное...

Б. Вишневский – Да, местные депутаты приняли решение о том, что они против повышения возраста.

В. Дымарский – Но это на уровне муниципалов.

Б. Вишневский – Да, на уровне какого-то из муниципальных Собраний.

О. Бычкова – И что это значит на практике?

В. Дымарский – Ничего.

Б. Вишневский – Это значит, что все-таки где-то в стране представительная власть, пусть и не на региональном уровне, а немножко пониже, приняла решение о том, что она с народом, что она против повышения пенсионного возраста.

О. Бычкова – То есть это такая политическая декларация.

В. Дымарский – Акция.

О. Бычкова – Да.

Б. Вишневский – Конечно. Это очень важно.

В. Дымарский – А вот ваши 12 депутатов...

О. Бычкова – Которая реально не приведет к тому, что, например, жители вот этой территории не будут...

В. Дымарский – Охвачены.

О. Бычкова – Охвачены этим законом.

Б. Вишневский – Это приведет к тому, что жители этой территории будут понимать, что их депутаты выражают их волю, а не волю начальства. Вот когда у нас в Законодательном собрании в среду пройдет голосование, я, к сожалению, полагаю, что, скорее всего, будет провалено решение о поддержке повышения пенсионного возраста, будет понятно, кто из депутатов с народом, а кто против него. Оппозиция, конечно, будет голосовать против. Я обязательно буду выступать, буду приводить факты, цифры, убеждать, доказывать. Это ведь не только для депутатов делается. Это делается для граждан, потому что гражданину очень важно понимать, что в Парламенте есть его представитель, который думает и действует так же, как он, который действует в его интересах.

Кстати, так же важно гражданину понимать, что у него губернатор тоже действует в его интересах. Почему я хочу претендовать на этот пост? Потому что я считаю, что я способен действовать в интересах большинства петербуржцев и делать то, что им необходимо, а не так, как сегодняшняя городская власть, у которой какие-то свои интересы, которая очень часто лоббирует интересы бизнеса, которая принимает странные решения. На некоторые из них хочется отреагировать, что что это – глупость или измена? И которой горожане довольно серьезно недовольны. Вот моя ключевая претензия к петербургской Администрации именно такова.

Она своими решениями создает это поле напряжения. Потому что интересы граждан она не считает для себя главными. Она не считает необходимым ими руководствоваться и служить горожанам. Я для себя это считаю необходимым. Абсолютно.

О. Бычкова – Спасибо большое. Это Борис Вишневский, депутат Законодательного собрания Петербурга, руководитель фракции «Яблоко» в программе «2018». С вами были Ольга Бычкова, Виталий Дымарский. До свидания!

В. Дымарский – Всего доброго!

Б. Вишневский – Спасибо!

Борис ВИШНЕВСКИЙ — публицист, писатель, политолог, обозреватель «Новой газеты», руководитель фракции «Яблоко» в Законодательном собрании Санкт-Петербурга. Профессор кафедры политологии РГПУ им. А. И. Герцена. Лауреат премии Союза журналистов «Золотое перо России».

Новый сборник статей Бориса Вишневого — это историческая хроника. Полагаю, что именно по таким публикациям, со временем, историки и просто читатели смогут составить четкое, почти сенсорное представление о том, как в наши годы жили люди, что волновало гражданина и через какие этапы проходило государство.

Борис Вишневецкий пишет о том, чему сам был свидетелем, а чаще всего — деятельным участником. И не просто участником: он вмешивался в конфликты и часто его решительность помогала найти решение.

В Петербурге многие граждане знают Бориса Вишневого как помощника, как спасителя и защитника. Таким должен быть депутат.

Александр Сокуров, кинорежиссер, народный артист России

Борис Вишневецкий — автор этого сборника, — уникальный для нашего времени человек. Политик, общественный деятель, публицист, эксперт. Аналитик высочайшего класса и потрясающий, непревзойденный эссеист. Блестящий полемист, с которым немногие решаются вступить в спор. Депутат петербургского парламента и один из главных защитников прав петербуржцев, готовый бороться за них днем и ночью. Борец с несправедливостью, с коррупцией, с бесправием и беззаконием. Если вы хотите увидеть реальную картину нынешней России и понять ее драму — откройте этот сборник. Не пожалеете.

Лилия Шевцова, доктор исторических наук, профессор
